

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 8 ФЕВРАЛЬ 1987

ЧУВСТВО РОДИНЫ

ДЕЛЕГАТ ПРОФСОЮЗНОГО ФОРУМА

ЧЕЛОВЕК И СТИХИЯ

ЛАЗЕРНАЯ СКАЗКА

ИЗ ЖИЗНИ БИЧЕЙ

**ГОТОВЫ МЫ В ОГОНЬ ИДТИ,
ПЛАНЕТУ ОТ ОГНЯ СПАСАЯ**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 8 (3109)

21—28 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Учения.
Фото Владимира Чейшвили

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.02.87. Подписано к печати 17.02.87. А 00325. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 366. Заказ № 40.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Владимир ХРИСТОФОРОВ

ИЗБУШКА ПОД УЭЛЕНОМ

«Вот и собачки чуют непогоду, — Армаыргин ощутил щекой непривычную тишину, исходящую со стороны океана. Он посмотрел в сторону неба, подсиненного водами Берингова пролива. — С собачками не пропаду, успею...»

Очень хотелось в тот день ему проверить капканы на песца. Сезон только начался. Какой охотник не испытывает почти суеверную веру в первую удачу, однако никто из промысловиков совхоза «Герой труда» не решился отправиться на свои участки — метеопрогноз «полярки» предостерег. Но Армаыргин все рассчитал: заглянуть попутно к Трем Братьям, проверить капканы, и при этом все время держал в уме избушку на Каменном Скользком ручье, она не подведет.

Армаыргин еле успел повалиться на нарты: псы устремились вперед, оставляя за собой ревнивый лай поселковых собак и сам Уэлен быстро растаявшей полоской. Из-под остола брызнул веер ледовых искр, нарты понеслись, подпрыгивая на застывших волнах снегового наста. Места соединений, стянутые лахтакими ремнями, пошевеливались, словно суставы живого организма, поскрипывали.

— Поть-поть-поть! — запел добрым голосом Армаыргин. Вожак оглянулся: понял и увел упряжку вправо. Над головой тяжело поднялась полярная сова и стала похожа на летящий снежный ком. Это событие привлекло собачек, они вскинули морды, и каюр усмехнулся возникшему видению, будто нарты оторвались от земли и полетели, полетели... Он вспомнил, что накануне заходил в косторезную мастерскую и любовался новой работой Печетегиной: упряжка, выточенная из моржового бивня, словно вылизанная ветром, неслась по синей бархотке, и в ее стремительности угадывалась не собачья, а скорее журавлиная легкость. Мастерница сказала: «В Париж на выставку отправляем, потом — Токио, Монреаль». Сказала так, словно речь шла о соседних поселках. «Все они там немного задаваки, — злобно подумал Армаыргин, — через одного или лауреат, или заслуженный художник республики. А заслуженных промысловиков РСФСР нет. Нет такого звания. Впрочем, от глупых мыслей голова лысеет, от жадности на подошвах волосы вырастают». Так издревле говорили старики. Он переключился на более прозаические размышления — о последнем заседании райсовета народных депутатов в селе Лаврентия. Там он затеял разговор о перестройке промыслового хозяйства. «Мотонарты «Буря» и рация — не выход. Надо ставить весь промысел на научную основу». Так он говорил. А вскоре после сессии в совхозе состоялось заседание профкома, и там он заговорил о проблеме кадров. Забывает, совсем забывает молодежь после интерната о профессиях отцов и дедов. Силой не заставишь промышлять пушнину. А, между прочим, в том же Париже за чукотскую пушнину хорошо платят...

Закрепив нарты остолом, Армаыргин затрусил к торосам, туда, где, по его предположениям, должны быть разводья. Загадал: если сбудется, устроит себе небольшой праздник в избушке на Каменном Скользком ручье. Избушка, как ты там? С самого лета не навещал. Он ощутил внутри тепло жилья, родной запах старых шкур на лежанке, увидел подмигивающий лепесток лампы «семи-линейки»...

Сбылось! Есть нерпа! Значит, возможен круглогодичный ее отстрел, о чем твердили чуть ли не на каждом собрании. Океан щедр. Он поделится с людьми даже в такое глухое время.

И вдруг Армаыргин вскочил и бросился со всех ног к нартам. Глубокие отвороты малахая обманно сокрыли от чувствительной кожи лица невест откуда возникшие ледяные струйки ветра. Поземка! Началось...

Нарты шли тяжело, сдирая полосы влажного крупнозернистого снега. Собачки дышали часто, часто, перешли на шаг, а потом совсем стали, оглядываясь на человека. Инстинкт самосохранения парализовал их волю, они уже было принялись устраиваться к многодневной лежке под снегом, но человек заодно прикрикнул, опрокинул нарты, достал из-за пазухи пузырек с водой, клок шерсти белого умки.

— Войдадь будем, — сказал он серьезно собакам и зачем-то для ясности добавил: — Мазать, значит, водой.

Мороз тут же схватил водяную пленку на полозьях, нарты заскользили легче. «Левее того заструга стоит мой первый капкан, — промысловик, вполне сознавая безрассудство своей команды, все же не удержался, свернул. — Избушка под боком». Успокоил он себя и опять увидел огненный лепесток лампы, заиндевелый подоконок со множеством нужных и ненужных вещей. Нет, ненужных вещей в тундре не бывает, что-нибудь когда-нибудь да сгодится. Вон случай с найденным на дне ручья медным наперстком. Однажды кончили свинцовые пули на моржа — ничего, приспособился из дробы плавить свинец и отливать жаканы в наперстке — как раз получался шестнадцатый калибр к его старенькой «тулке».

Сбылось и тут! Возле приманки лежал рослый песец. Счастливые деньги! Таким, значит, будет и весь сезон. В прошлый Армаыргин добыл пушнину на четыре с половиной тысячи рублей — около сотни голов. И мысленно перенесся к острову Врангеля, где жил его дружок, знатный охотник Чайвын. Тот добыл полторы сотни и получил орден. Дело не в ордене, а догнать земляка хочется, хотя на Врангеле песца больше, оттуда он добывается и сюда, к мысу Дежнева.

Пурга навалилась сразу, без послепоzemкового краткого затишья. Все вокруг куда-то понеслось, в горле застряло собственное дыхание, ослепли глаза, ветер норовил выбить седока из нарт. Настоящий мужчина тот, кто идет вперед, когда идти невозможно, как гласит чукотская поговорка. Опыт вывел человека к желанной избе. Но уже не мерцал в помутившемся зоре язычок лампы, не вился парок кипящего чая. Человек пластом лежал у порожка, и губы его шептали страшное слово: «Камака». Смерть. Прежде чем обессиленно упасть, он успел приметить все до мельчайших деталей, благо начало зимы выдалось бесснежным. Сорванная с петель полусгоревшая дверь, выбитое ружейными выстрелами оконце, раскиданные шкуры вперемежку с хлебными галетами, разбитое стекло лампы... Опять охотники на гусей? Армаыргин не испытывал к ним ненависти, потому что они тоже были людьми. Не мог он понять одного: почему злой дух вселяется в приезжих, когда они начинают забавляться? Расстреливают бутылки, сжигают избушки, круша все вокруг? Избушка — островок жизни в тундре, островок спасения... Он еще с лета оставил баночку с керосином и горсть сухих щепок, чтобы можно было быстро разжечь печь. Положил на стол для возможных гостей пачку «Беломора», полпачки чая, сахар. Пусть незнакому человеку будет хорошо у него в гостях.

Много порушенных зимовий в округе... Почему? Армаыргин не смел думать, что так же нередко приезжие поступают и там, на материке, у себя дома. А если бы узнал, то не поверил бы. Он сердцем чувствовал странную неприязнь людей к его земле, а как иначе объяснишь: золото берут, губят реки, вездеход, как нарочно, приспособлен для того, чтобы сдирать нежный покров тундры. После растет золото. Поселки завалены свалками, из которых торчат столбики брошенных могил. Почему? И в то же время люди эти громко говорят о любви к земле, улучшают жизнь населения. И одновременно губят ее...

Армаыргин собрал последние силы, нашел укромное место в развороченной избушке, лег среди собак и больше не думал о людях, побывавших здесь осенью. Человек, съехившись на макушке мчащейся планеты, рассуждал: пару досок он в тайнике найдет, дверь поправит, оконце забьет шкурой, свеча есть, и, пока не вернет первоначальный вид жилью, куда не уйдет, песцы для парижских модниц подождут. С этими мыслями он уснул, обняв голубоглазого Лылета. Лишь на мгновение ему снова увиделась собачья упряжка, устремленная с синей бархотки в полет.

Все так и было. Избушку обиходил и жив остался. Собравшись домой, оставил на столе записку. В ней были слова: «Люди, я опять сюда приду».

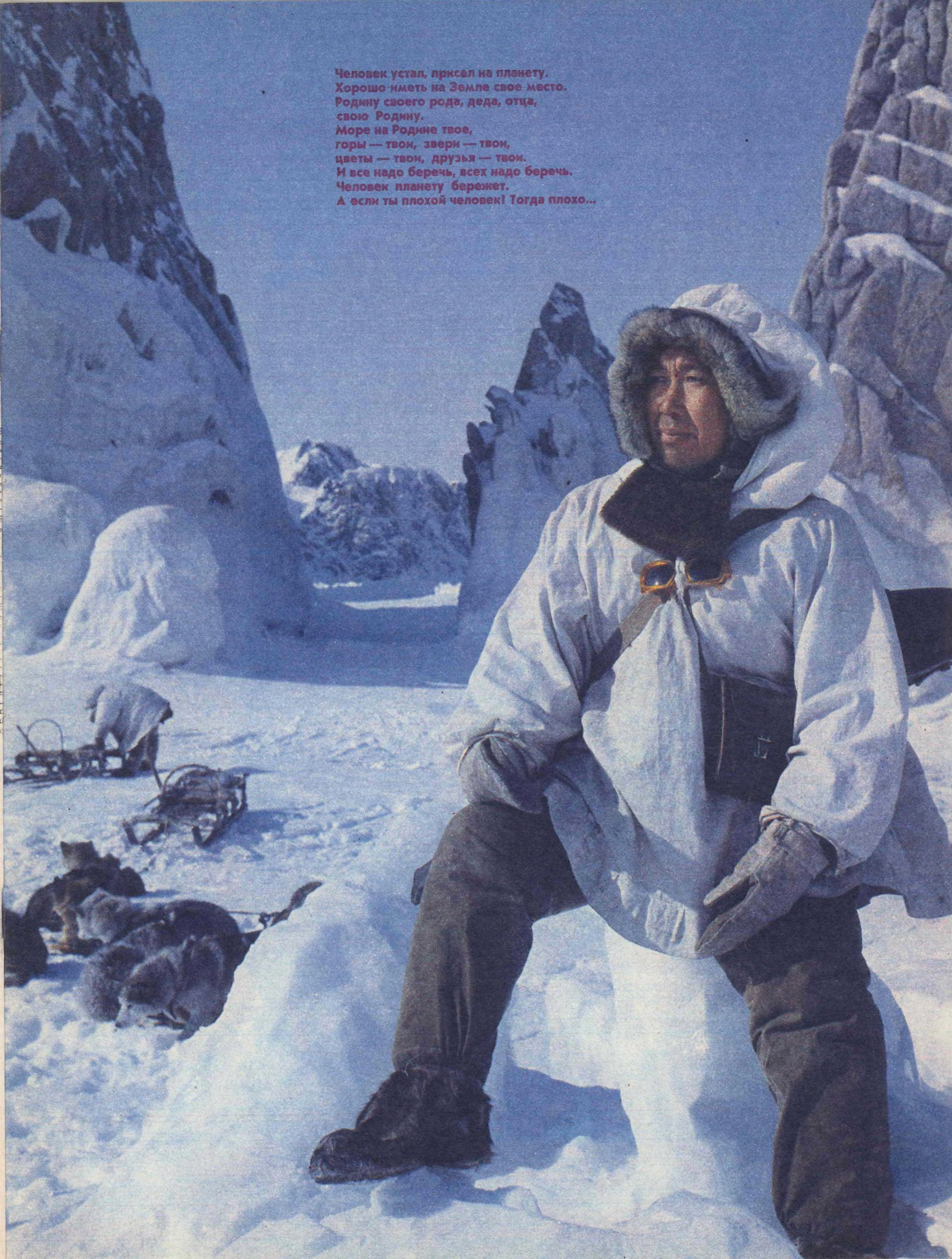
Уэлен.

Роман Армаыргин.

Фото Владимира ВОЛКОВА

Человек устал, присел на планету.
Хорошо иметь на Земле свое место.
Родину своего рода, деда, отца,
свою Родину.
Море на Родине твое,
горы — твои, звери — твои,
цветы — твои, друзья — твои.
И все надо беречь, всех надо беречь.
Человек планету бережет.
А если ты плохой человек! Тогда плохо...

«БРАТЬ

НА СЕБЯ»

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Анатолия БОЧНИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Семья Никаноровых
в новой квартире.

Острый разговор
начал профгруппорг
Николай Грибков.

Этот
роботизированный
комплекс
пойдет на экспорт.

В заводской
«Кулинарии»...

ла заводская профсоюзная конференция. Речь шла о сбоях и нарушении ритма в работе. Никаноров побеспокоился о рабочих наших. Слыхали бы вы, как раскритиковал раздевалки и так называемые бытовки! Пришлось кое-кому здорово покраснеть и зашевелиться. А заодно и заново взглянуть на условия труда, быта и отдыха на производстве.

Краткий этот монолог уже можно дополнить личными наблюдениями. Со второго этажа главного корпуса выселили конторы — здесь строятся бытовки для женщин. К апрелю, не позже как к маю, пообещал профком, они будут готовы.

Константин Курочкин, конструктор, член заводского комитета комсомола:

— Никаноров? Игорь? Так кто же его не знает? Он же за наш МЖСК бьется. Для нас, молодых, жилье — проблема номер один, а в СКБ — острейшая. Выпускники из московского Станкина боятся сюда ехать — намахаться в общежитии. А Никаноров как наш депутат и член обкома комсомола в этом вопросе важная фигура.

Николай Грибков, физорг цеха № 5
и профгруппорг:

— Я Игоря, сколько работаю на заводе, столько и знаю. Станки наши рядом... Какой Игорь? Ну что мне сказать про друга-приятеля? Добрый товарищ, компанейский. Мы с ним запросто. Кому что помочь — не откажется. Не зазнается.

А тем временем электричка доставила Никанорова из Москвы. Наутро, едва отоспавшись, Игорь заспешил в профком. Надо доложить!

— Очень понравилось выступление одного карусельщика. Называл вещи своими именами. Скажет — аплодисменты. Вот так и надо — правду в глаза, по-рабочему. А то о перестройке мы порой больше говорим, чем делаем.

Пригласил Игорь нас и к себе домой.

— Проходите, присаживайтесь. Только, как видите, особенно не на чем. Мы еще не обособились — голые стены. Переехали в эту квартиру в ноябре, а все некогда. Вот взял теперь отпуск.

У Наташи и Игоря двое ребятшек. Так и виснут на отце.

Игорь спрашивал:

— В цехе у нас были? Видели, какой большой роботизированный участок запустили? Вот здорово! — говорил он радостно, точно давно не был на заводе. — И с Грибковым встречались? Как он? На лыжню звал? А мне вот завтра на пленум обкома комсомола надо. Скоро областная комсомольская конференция, хочу выступить на ней. И по кадрам, и о повышении квалификации и переподготовке молодых рабочих...

Данью былым свершениям
стоят на площадях
иных городов самолеты и трактора,
грузовики и танки...
А в Рязани, за тонкой
чугунной вязью парадного въезда,
— ею могли бы гордиться
каслинские мастера,
— возвышается
на каменном постаменте... станок.
Обыкновенный токарный станок.
Детище первых послевоенных лет,
он как заглавная страница книги —
с него началась история Рязанского
ордена Ленина
станкостроительного завода.
Отсюда наш репортаж
в канун открытия XVIII
съезда профсоюзов.

К

огда тот, самый первый, станок сработал, Игоря Никанорова и на свете не существовало — родился он намного позже. А породнился с заводом и вовсе как будто недавно, в 1978-м, после того, как отслужил в армии.

В том году завод в волнениях и напряжении «донашивал» опытную автоматическую систему «АСВ-30». Сейчас системы такого типа называются ГПС и ГПМ — гибкие производственные системы и модули. Но та была самой первой в стране и ознаменовала резкий скачок в развитии станкостроения.

А в эти январские дни Никаноров был в Москве, на третьем съезде профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения. Вернулся делегатом предстоящего профсоюзного форума.

Спрашиваю, почему именно его делегировали от славного многотысячного коллектива, уже завоевывавшего переходящее Красное знамя

ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ по итогам последнего года XI пятилетки и вот теперь снова претендующего на такую высокую честь по итогам первого года XII пятилетки...

В. П. Вольнов, секретарь парткома завода:

— Никаноров общественно активен, предан своему делу. Это мы заметили, когда еще Игорь был начальником комсомольского штаба. Болеет за интересы производства. К человеку чуток. Недаром его избрали в Верховный Совет страны. Его девиз: «Как можно больше брать на себя».

Н. В. Сурков, председатель профкома объединения:

— Он один из инициаторов развертывания соцсоревнования. Обслуживает два станка с ЧПУ. Обязался задание двух лет пятилетки выполнить к 70-летию Октября.

И. И. Синельников, председатель цехового комитета цеха № 5, где работает Никаноров:

— У нас в октябре остро проходи-

Большой Кремлевский дворец. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с участниками форума.

ДИАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Очень важно, чтобы идеи форума, сам дух его дошли до широких общественных и политических кругов и, что еще важнее, нашли отражение в деятельности тех, кто находится у государственного руля. Такое положение, как я понимаю, высказано всеми представителями на этой общей вашей встрече здесь, в Большом Кремлевском дворце. Во всяком случае Советское правительство со всем вниманием отнесется ко всему тому, что было высказано на московском форуме. Так должно быть, потому что эти идеи выходят на самое насущное, самое важное — как спасти для человечества будущее».

Из речи М. С. ГОРБАЧЕВА 16 февраля на встрече с участниками форума в Москве.

**«ЗА БЕЗЪЯДЕРНЫЙ
МИР,
ЗА ВЫЖИВАНИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» —
ПОД ТАКИМ
ДЕВИЗОМ
В МОСКВЕ
ПРОХОДИЛ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФОРУМ ВЕДУЩИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
МИРОВОЙ НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ,
ДЕЛОВЫХ КРУГОВ
И РЕЛИГИОЗНЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ —
ПОСЛАНЦЕВ
БОЛЕЕ 80 СТРАН.
РАССКАЗЫВАЮТ
НАШИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ.**

Не старайтесь искать в истории точных аналогов нынешнего форума. Их нет, как нет аналогов времени, в котором он проходил. Процесс демократизации и обновления в нашей стране взволновал человечество, найдя отклик в сердцах даже тех, кто еще совсем недавно весьма скептически относился к возможности равноправного и открытого диалога о мире.

— По роду занятий я должен подходить ко всему критически, — признается президент Международной ассоциации литературных критиков Робер АНДРЕ. — Но увиденное в Москве изменило некоторые мои первоначальные намерения. Я оказался свидетелем того, как мы перешли символическую черту разобщенности между Западом и Востоком. Каких только стен недоверия и вражды не было воздвигнуто за прошедшие десятилетия! На форуме мы разбирали эти стены по кирпичикам. Первым пробил брешь Советский Союз. Впрочем, важнее всего, что этот процесс идет.

— Человечество до сих пор — а ведь прошло сорок лет — страдает от последствий второй мировой войны, — говорит швейцарский прозаик и драматург Фридрих ДЮРРЕНМАТТ. — Возведя барьер из тысяч бомб и ракет, человек потерял веру в самого себя. По преданию, на древнем храме Аполлона в Дельфах было высечено: «Познай самого себя». Нелишне было бы теперь вспомнить эти слова, чтобы человек вновь поверил в себя. Мне кажется, на форуме в Москве и были найдены пути к возрождению этой веры.

— Форум стал своего рода перекрестком культур разных стран и народов. Бесспорно, он обогатил нас, воспитывая деликатность, уважение к

Творчеству, к Культуре, — убеждена французская актриса Марина ВЛАДИ...

Пожалуй, без преувеличения можно сказать: Москва в эти дни превратилась в интеллектуальную столицу мира.

— Потому что, — как сказал адмирал в отставке Джин ЛАРОК из США, — многие именитые люди, знавшие друг о друге лишь по газетам, книгам и кинофильмам, получили уникальную возможность познакомиться друг с другом.

Сам факт того, что люди отброси-

В перерыве между дискуссиями. Грегори Пек (США), Родион Щедрин и Майя Плисецкая (СССР).

ли в сторону свои дела, а в какой-то степени и бремя прежних стереотипов, означает: вера во взаимопонимание, в доверие и в силу человеческого разума существует. В течение нескольких дней в Москве шла отработка принципов нового мышления, его критериев, и очень важно, что в дискуссии на равных участвовали поэт и политолог, кинорежиссер и живописец, священнослужитель и бизнесмен.

Страстность выступлений, в которых порой предлагались самые фантастические проекты, откровенность в интервью — это еще одно свидетельство того, что деятели науки и культуры первыми почувствовали свою уязвимость перед недоверием и апатией, порожденными угрозой возможной гибели в ядерной катастрофе.

— Надо мной, — говорит итальянский генерал в отставке Нино ПАСТИ, — иногда подсмеиваются: «Этот четырехзвездный Паста на старости лет стал миротворцем!» Да, я благодарен судьбе за то, что был знаком с такими людьми, как Эйзенхауэр, Монгомери, Жуков... Мы сломали хребет фашизму и думали, что впереди будет только мир. Теперь я сожалею, как рано мы в это поверили. Понадобилось новое поколение, поколение новых политиков, чтобы из уст Генерального секретаря Горбачева прозвучали слова, рассеявшие разочарование и пессимизм, накопившиеся за десятилетия.

Ханна ШИГУЛА, западногерманская кинозвезда, помогая себе жестами, говорила страстно и взволнованно:

— Даже мы, актеры, до ужаса разобщены. Мы погрязли в амбициях и пытаемся, чтобы собственная звезда сияла ярче той, что рядом. А что говорить о политиках, из которых средства массовой информации тоже сделали актеров? Их неуклюжее актерство вызывает досаду. Мы бесчувственны и глухи. Нас предупреждает природа, которая гибнет. Нас предупреждают страшные болезни, уносящие от нас друзей. Предупреждает авария в Чернобыле и катастрофа с «Челленджером»... Неужели мало? Под нашими ногами по немецкой земле тягачи возят крылатые ракеты и «Першинги», спящие не дают ревущие истребители «Торнадо» и танки НАТО. И этого мало? Мы страшимся, входя в воду озера, не раздается ли с того берега выстрел. Ведь озеро может находиться в зоне какой-нибудь военной базы. И мы молчали, пока все то, что было единичным, не превратилось в массовое.

Более сдержанным был Здислав КАЧМАРЕК, ученый секретарь Польской Академии наук:

— Видите ли, ядерная бомба является сильнейшим загрязнителем не только окружающей среды. Она опасна и в моральном отношении, засоряя сознание. Сначала бомба вселяет уверенность, затем порождает страх и, наконец, полную растерянность, вплоть до паранойи из-за абсолютной неспособности справиться с угрозой. Уже недостаточно быть «экологами среды». Сегодня необходимо быть и экологами сознания...

Да, действительно, очищать сознание необходимо. Ведь даже здесь, на форуме, способы обеспечить будущее без войны и без оружия массового уничтожения предлагались разные, подчас даже противоречащие самой логике разоружения. Как рассказал директор института оборонных исследований Индии К. СУБРАМАНИАМ, один из участников дискуссии взялся утверждать, будто безъядерного будущего проще всего достичь, согласившись с идеей «звездных войн».

В общем, получилось так: одни строят фундамент нового мышления,

Макс Фриш (Швейцария),

Ташио Мияке (Япония),

Нино Паста (Италия).

а другие ищут новые аргументы для отстаивания старых позиций, воспринимая по-разному даже такое понятие, как мир. Некоторые понимают мир равно безопасным и одинаково полезным для всех. Другие видят модель мира, разделенного на богатый север и бедный юг, на страны, имеющие больше или вовсе не имеющие человеческих прав и свобод.

— Дискуссии помогают устранить недопонимание, — говорит председатель Правления АПН Валентин ФАЛИН. — Однако на этом форуме мы слышали не только таких людей, которые приехали сюда, чтобы понять друг друга, но и тех, которые прибыли в Москву, чтобы отстаивать лишь свои личные интересы. Именно они вносили элемент дезорганизованности в диалог, с тем чтобы разрушить, размыть ту общую линию, которая начала здесь проглядываться. Нашлись и деятели, попытавшиеся утвердить неравноправие между США и СССР как единственно возможное состояние наших взаимоотношений. Логика их мышления заведомо порочна. Если Советский Союз заинтересован в разрядке, считают они, пусть он идет на односторонние уступки. От нас требуют, чтобы мы всякий раз приспосабливали свою точку зрения к позиции США. Мы от такого подхода решительно отказались. И не только потому, что это унижительно, но и потому, что это подрывает принцип равной безопасности как условие прочного мира. Мы ведь готовы учесть и принять во внимание все без исключения причины и мотивы, побуждающие Вашингтон занять ту или иную позицию в нашем политическом диалоге. Только на такой основе возможно продвижение вперед. Оценивая форум, скажу, что он, несомненно, явился шагом вперед по пути к лучшему взаимопониманию, к безопасности.

На форуме американского актера Грегори ПЕКА атаковали журналисты США. «Ощущаете ли вы, что находитесь на земле, где есть свобода?» — настойчиво спрашивали они. Популярный артист сначала отмахивался, затем, поняв, что от него не отстанут, сказал: «Если бы я был уверен в обратном, остался бы дома».

Было ясно: эти журналисты ожидали другого ответа, чтобы насытить свои репортажи из Москвы привычными клише о «покорном обществе, управляемом единственным челове-

ком», хотели «запустить» материал, привычный для американской прессы. Наверняка подобный вопрос задавался не одному Грегори Пеку. Такой подход к московскому форуму был характерен для тех, кто хотел увидеть здесь «блестящее пропагандистское шоу с участием звезд кино, литературы и науки».

— Считайте, что это наш митинг протеста против старого мышления, — сказал американский писатель Норман МЕЙЛЕР. — Здесь мы не констатируем наличие разногласий, а ищем пути к их устранению. Мы укоряем политиков за тот тупик, в который они нас завели, и приветствуем любого человека, способного преодолеть разногласия. Я думаю, ваш руководитель господин Горбачев, провозглашая демократизацию и говоря о новом мышлении, гласности, строит принципиально новые отношения между государствами и людьми. Чтобы по-новому мыслить, надо создать простор для мышления, взвесить все «за» и «против» и найти истину.

Любомир ЛЕВЧЕВ, председатель Союза болгарских писателей, после окончания форума отметил:

— Не надо ожидать, что форум даст моментальные политические результаты, однако сам он явился огромным достижением всех миролюбивых сил. Я имею в виду количество и, так сказать, качество участников нашей конференции, качество здешней атмосферы. Форум, безусловно, дает нам надежду, право на оптимизм. Он стимулирует, поощряет новое мышление не только в политике, но и в искусстве, литературе, науке. Историю, одна из характерных черт нового мышления — его общепланетарность, интернациональность. А она была присуща и самому форуму, который прошел в очень радостный для нас период обновления советского общества.

...Всего несколько дней работал в Москве международный форум. Но диалог, который начался здесь, продолжается.

Не дать ему угаснуть — наша общая задача.

Дмитрий БИРЮКОВ,
Артем БОРОВИК,
Владимир КОВАЛЕВ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА.
Геннадия КОПОСОВА

ПРИШЛИ НА... «ОГОНЕК»

Вечера «Огонька» в Театре эстрады были вечерами-отчетами, вечерами откровенного общения наших читателей с авторами журнала, известными деятелями культуры, писателями, артистами. Мы благодарны Юрию Нагибину, Андрею Вознесенскому, Владимиру Солоухину, Владимиру Рецептеру, Арсению Тарковскому, Евгению Евтушенко, Булату Окуджаве, Геннадию Хазанову, Эльдару Рязанову, Александру Иванову, Андрею Дементьеву, Роберту Рождественскому, Юрию Никулину, Евгению Бачурину, Носифу Нобзону, Борису Брунову — главному режиссеру театра. Их выступления с большим интересом встречали все, кто 14 и 15 февраля пришел в Театр эстрады.

Фото Анатолия БОЧИННИНА

1917 • 1987

Первая в мире женщина-дипломат. Профессиональный революционер. Деятельница российского и международного женского движения. И вместе с тем обаятельная, красивая, элегантная женщина — такой была Александра Михайловна Коллонтай, о которой сегодня мы рассказываем.

Александра Коллонтай 30 лет находилась на ответственных постах за рубежом.

Прожив до восьмидесяти лет, она скончалась в 1952 году.

Большим успехом пользуются по сей день литературные труды А. М. Коллонтай, а ее статьи, написанные о женщинах, о семье, звучат и сегодня злободневно.

Автор предлагаемых записок, Зиновий Шейнис, готовит новое издание книги о прославленной революционерке «Путь к вершине».

Работая над этим материалом, он разыскал в партийном, государственных и частных архивах ряд интересных документов, писем и воспоминаний.

Теперь с ними могут познакомиться читатели «Огонька».

Зиновий ШЕЙНИС

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ КОЛЛОНТАЙ

Перед вами фотография, которая воспроизводится впервые. Александра Коллонтай и Павел Дыбенко в деревне, у родителей Павла. На скамейке, рядом с родителями — сестра Павла с ребенком. Снимок сделан в 1919 году.

В годы гражданской войны Александра Коллонтай по поручению Центрального Комитета партии большевиков выполняет ответственные поручения. Она комиссар пропаганды Украины, комиссар дивизии, которой командовал Павел Ефимович Дыбенко, и лектор агитпоездов. Она в самых горячих точках гражданской войны, где идет борьба против Деникина, Врангеля, Махно, белогвардейских банд.

Но ведь была и личная жизнь. Остались записки Александры Михайловны о том, как был оформлен ее гражданский брак с Павлом Ефимовичем Дыбенко в декабре 1918 года. Это был ее второй брак. А первый — с молодым офицером Владимиром Коллонтаем.

В 1891 году Шура Домонтович, дочь генерала Михаила Алексеевича Домонтовича, члена Военного совета русской армии, приближенного царя Александра II, а затем Александра III, приехала в Тифлис, там познакомилась со своим кузеном Владимиром Коллонтаем. И влюбилась. Родители и слышать не хотели о браке с сыном поляка, участника польского восстания 1863 года, высланного в Сибирь, а затем переселившегося в Тифлис.

Родители под надзором старшей сестры отправили Шуру в Париж, надеялись, что любовный угар пройдет. Не прошел. Она настояла на своем. В 1893 году Шура Домонтович стала «мадам Коллонтай». Пять лет она прожила с Владимиром Коллонтаем. Не просто было женщине в двадцать шесть лет порвать с человеком, которого любила. Но они оказались разными людьми. Разными духовно. Он не мог ее понять, его высшим идеалом и целью была карьера генерала. Ее же позвала революционная Россия. Формально расторжение брака произошло много позже. Об этом выписка из архива царского генерального штаба: «Брак с Александрой Михайловной урожденной Домонтович расторгнут определением святейшего синода от 5 мая 1916 года № 3142 с дозволением (В. Л. Коллонтаю, генералу царской армии. — З. Ш.) вступить в новое супружество».

А потом, весной 1917 года произошла встреча с матросом Павлом Дыбенко. Ее не раз спрашивали: «Как вы решились связать свою жизнь с человеком, который был на семнадцать лет моложе вас?»

— Мы молоды, пока нас любят! — ответила Коллонтай.

«Мы соединили свои судьбы первым гражданским браком в Советской России. Я и Павел решили так поступить на тот случай, если революция потерпит поражение, и вместе взойдем на эшафот!.. Гражданское бракосочетание стало единственно законным, а формальности были простыми. Товарищ, который оказался на моем жизненном пути в те тревожные дни, был восхищен новым законом и настаивал на том, чтобы мы первыми воспользовались им. Я попыталась воспротивиться, ведь в мои планы не входило вторичное

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
ФОТОГРАФИИ

А. М. Коллонтай — советский посол в Мексике. 1927 год.

Членский билет № 123, выданный члену ВЦИК РСФСР А. М. Коллонтай.

замужество. Но одно обстоятельство заставило меня уступить Павлу Ефимовичу. Шла гражданская война. Бои между Красной Армией и белогвардейцами на подступах к Петрограду... В те дни ожесточенных сражений между красными и белыми Павел Ефимович был в гуще событий на фронте, и я долго не имела о нем никаких сведений и очень беспокоилась. Ни в Адмиралтействе, ни в Смольном не знали о нем ничего.

Как-то ночью раздался звонок у двери, ведущей на черный ход. Я решила, что мне прислали срочную телеграмму, бросилась к двери и сразу же очутилась в объятиях Павла. С фронта он вернулся живым и невредимым. Но мы тогда поняли, что враги Советской России сильнее, чем нам хотелось бы это признать, что всякое может случиться. Если же мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе.

Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла поколебали меня. Важен был и моральный престиж народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами. Но я знала, что служащие Народного комиссариата государственного призрения всякое болтали о нас. Моя подруга Зоя была решительно против моего замужества.

— Ты действительно хочешь пожертвовать свободой ради него? — спрашивала она. — Ты, которая всю жизнь отстаивала точку зрения, что брак препятствует свободе женщины?

Мой сын, который тогда учился в Высшей технической школе, поддержал Зою.

— Ты должна оставаться Коллонтай и никем иным, — сказал он. — Ты всегда утверждала, что тебя не беспокоят сплетни людей. Главное в том, чтобы ты сама была уверена, что поступаешь правильно.

Но мой друг Дыбенко продолжал настаивать.

— Я знаю, — сказал он, — почему ты не желаешь выйти за меня замуж. Ведь я крестьянский сын, а ты дворянка.

Это был глупый аргумент, но он поколебал меня.

— Ну что же, — сказала я, — давай распишемся.

Когда же мы поставили свои подписи, мы забыли об остальных формальностях, — так мало у нас тогда было времени для личных дел. Документ о нашем гражданском браке был утерян...

Не всегда дарилась им судьба светлые дни встреч. И тогда он писал ей письма, полные тоски, как это вот, например, отправленное с Южного фронта:

«Милый, дорогой мой верный друг!

Среди бушующей степи, среди бурной жизни, бывают минуты, когда... (слова неразборчивы. — Прим. З. Ш.). И в эти минуты как близко, как тепло чувствовать, что ты не один, у тебя есть кто-то близкий, родной...»

Дыбенко пользовался любой возможностью, чтобы послать Александре Михайловне весточку с фронта, знал, что она живет подчас впроголодь. И он шлет ей в редкие минуты затишья между боями записку:

«Шура, милая! Тебе посылаются продукты, которыми ты поделишься с голодающими товарищами...

Твой друг Павел».

Дыбенко находил ее всюду, советовался с ней, просил помощи.

Из письма, отправленного Дыбенко с Украины весной 1919 года:

«Милый, дорогой мой верный единственный друг...»

И тут необходимо прервать письмо, чтобы объяснить, почему в его письмах и записках он часто называл Коллонтай «единственным другом». Дело в том, что в 1918 году он оказался в весьма тяжелом положении. Будучи председателем Центробалта, практически морским министром Советской России, он доверил командование двумя кораблями бывшим царским офицерам высокого ранга.

Царские офицеры предали. Дыбенко был отстранен от власти и исключен из партии. Дело Дыбенко рассматривалось в высших инстанциях. Коллонтай в те трудные и трагические для Павла Ефимовича дни проявила поразительную энергию и настойчивость, чтобы вернуть Дыбенко звание человека, преданного революции. Он был восстановлен в партии и вскоре получил в командование дивизию. И вот его письмо «верному и единственному другу»:

«Я обращаюсь к тебе с просьбой. Я посылаю с двумя красноармейцами документы, захваченные моими агентами. Документы — это вся канцелярия по формированию Южной армии. Среди всех этих документов не указана одна фамилия из генералов, который находится на службе в Советской России в военном ведомстве. Он одновременно служит в Южной армии...» Этот сложный узел был вскоре распутан с помощью Александра Михайловича.

О той поре — среди многих, записанных на обрывках бумаги ею лично или близкими друзьями — осталось свидетельство актрисы Веры Юрениной. В судьбе этой женщины Коллонтай принимала близкое участие.

Холодная, тревожная зима 1919 года. Голод, тиф. Юденич идет на Петроград, интервенты терзают молодую Россию. А в Москве готовятся к постановке пьесы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»).

В те дни Коллонтай с фронта приехала в Москву. Заехала к себе «домой», в первый Дом Советов.

Только приехала, как раздался звонок Юрениной:

— Шура, сегодня в театре премьера...

— Не может быть.

— Шурочка. Это правда... Представляешь себе, «Овечий источник». Идем?

— Обязательно идем... Только в чем? Что ты наденешь?

Она всегда оставалась такой, какой была всегда:

— Вера, какое платье ты наденешь? Ах так, я, пожалуй, бордовое... ты знаешь, то, с длинными рукавами...

Разговор по телефону затянулся. Обсуждали подробно шляпки, туфли. В это время в трубку послышался незнакомый мужской голос. Александра Михайловна, недовольная вторжением, энергично высказала свое возмущение. И тут она неожиданно услышала еще один голос, который узнала сразу же.

— Извините великодушно, Александра Михайловна... Это Ленин говорит. Мне необходимо обсудить с вами один вопрос...

На следующий день, после спектакля, где видели Коллонтай, как всегда, элегантной и красивой, она снова уехала на фронт...

...Пять лет провела она с любимым человеком. Летом 1921-го, после ее разрыва с Дыбенко, Коллонтай вызывают в Москву, и она получает предложение заняться дипломатической деятельностью. Сначала предполагалось послать ее в Канаду. Советское правительство запросило в Оттаве агреман. Оттуда пришел отказ: там помнили о поездке Александры Михайловны по США в годы мировой войны, ее страстные выступления против мировой войны.

Тогда агреман был запрошен у норвежского правительства. Ответ пришел быстро: королевское правительство Норвегии согласно принять Александру Коллонтай. Начался 30-летний путь ее дипломатической деятельности.

В ноябре 1922 года она прибыла в эту страну. Тогда она еще не была полпредом, а советником полпредства. «Всего в полпредстве двенадцать сотрудников, — рассказывала позже Коллонтай. — Из них семь женщин и пять мужчин. Устроились так — у нас общий котел, вносим определенную сумму, есть повара и она кормит всех 12 человек. Живем мы дружно, и все представляем одну большую товарищескую семью».

Сотрудники были молодые, почти все прошли гражданскую войну, боролись с разрухой. В дневниковых записях Коллонтай рассказывала о своем стиле работы. «Как я работаю... Как полпред. Порядок вокруг. Добросовестность в исполнении дел. Стараюсь сбывать мелкие дела ежедневно, не откладывая. Не откладывая, встречаться, отвечать на вопросы. Более стратег (в дипломатии), чем тактик... задачи любила большие, трудные, иначе завядала и скучала. Но никогда не пренебрегала мелочами. Слово «разносить», слово «напыщенность» не мои. Разносторонность интересов мешала иногда, отвлекала от текущих дел, но и служила отдыхом».

Когда Коллонтай приехала в Норвегию, Советская Россия еще не имела с этой страной полных дипломатических отношений. Добиться их было главной целью Коллонтай. Для начала А. М. Коллонтай принялась устанавливать связи, приглашать на приемы в полпредство государственных деятелей, ученых, писателей, артистов, коммерсантов. Среди многих черт Коллонтай как дипломата было умение быстро создавать атмосферу взаимного доверия, поразительная контактность, свободная, совершенно раскованная манера поведения...

Уже в конце 1923 года Коллонтай смогла констатировать, что экономические связи с Норвегией стали шире и значительнее. Об этом она дала интервью корреспонденту датской газеты «Политикен» Анкеру. Анкер представил Коллонтай читателям весьма красочно: «Между всеми посланниками, которых Советское правительство послало по всему свету, Александра Коллонтай, без сомнения, самая интересная и не только по своей красоте... или своим знанием языков, позволяющим ей агитировать за коммунизм на четырех языках... Но что дает Александру Коллонтай особое положение, так это то, что после революции она была назначена первым в истории женщиной-министром, а затем первым послом. И вот целый год она находится в качестве полномочного представителя в Христиании и продает рожь и покупает селедку на много миллионов. Вчера она была на Кронпринцессгаде в доме русской делегации — грациозно и элегантно одетая...»

В 1924 году между Норвегией и нашей страной были установлены полные дипломатические отношения и Коллонтай назначена полпредом.

Через два года она покинула Норвегию и была назначена полпредом в Мексику. Затем спустя год она вновь возвращается в Норвегию (на отъезд повлиял плохо переносимый ею высокогорный климат) и, пробыв там полпредом по 1930 год, попадает в Швецию, где работает полпредом долгих пятнадцать лет!

...В Стокгольме среди писем, которые получала Коллонтай, оказалось и одно, напоминавшее о далеком прошлом. Она не сразу вспомнила автора. Вершинин? Неужели Николай Сергеевич Волосович-Вершинин? Она вертела в руках конверт. Это в каком году было? Ну, конечно, в девятьсот девятнадцатом... Деникин наступал с юга на Украину. Надо было во что бы то ни стало спасти ценности, которые хранились в сейфе в Севастополе, и переправить в Киев.

Она, тогда народный комиссар агитации и пропаганды Украины, остановила свой выбор на Вершинине. Поручив тайно вывезти сейф с драгоценностями, Коллонтай дала ему доверенность, и Вершинин отправился через степи и города в путь нелегкий и сумел добраться до Киева. Потом они встретились в Киеве, и она без громких слов просто сказала: «Спасибо, товарищ Вершинин!»

Александра Михайловна открыла конверт. В нем была пожелтевшая доверенность с ее подписью.

В письме Николай Вершинин сообщал:

«В январе 20-го года, в тяжелое, голодное для Москвы время приехал я с подарками от т. Буденного московским детям и ВЦИКУ, но узнав, что Вы в Москве, притащил на 5 этаж на плечах мешок пшеничной муки к Вам в номер гостиницы. Муку оставил у Вас, какой-то женщине, а Вас не видел, не было Вас. Хотелось тогда, помню, передать Вам два-три слова искреннего привета, сказать, что мы в 1-й Конной выполнили то, о чем Вы так горячо говорили тогда на летучем митинге под Киевом на Днепре».

Этот мешок с мукой! Помнится, у нее гостила сестра Павла. Ей Вершинин передал тот мешок. А Павел сражался со своей дивизией против Врангеля... Коллонтай, заведующая Отделом ЦК РКП большевиков, не раздеваясь, подхватила тяжелый мешок и вместе с сестрой Павла дотащила по улицам до детского дома. Заведующая детдомом расплакалась от счастья. Мешок пшеничной муки! Целую неделю дети вдоволь будут есть хлеб. Белый хлеб! Подарок Первой Конной. От Буденного...

Она медленно перечитывала письмо, и перед глазами вставали картины прошлого. Павел Ефимович Дыбенко тяжело переживал разлуку с Коллонтай, и с разрешения правительства он приезжал к Александре Михайловне в Норвегию. Их переписка продолжалась до последних дней жизни Дыбенко.

Секретарь нарушила молчание:

— Александра Михайловна, я напоминаю о приглашении на прием в королевский дворец!

Подали карету. Она отправилась во дворец на ежегодный обед, который король Густав устраивал для дипломатического корпуса. Главы посольств собрались в зале, где король обычно принимал гостей за трапезой. Коллонтай, как вице-дуйен дипломатического корпуса, стояла в первом ряду рядом с дуайеном.

В АТМОСФЕРЕ
ОТВЕТСТВЕННОЙ
И ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ
ГЛАСНОСТИ,
РОЖДЕННОЙ
XXVII СЪЕЗДОМ
ПАРТИИ,
ВНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА
СЕЙЧАС ВНОВЬ
ОБРАЩЕНО
К ИСТОКАМ
ТЕХ НЕГАТИВНЫХ
ЯВЛЕНИЙ,
ПОСЛЕДСТВИЯ КОТОРЫХ
И СЕГОДНЯ
ПРИХОДИТСЯ
ПРЕОДОЛЕВАТЬ ПАРТИИ
И НАРОДУ,
К БОЛЕВЫМ ТОЧКАМ
НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ,
КОГДА ПРЕДАВАЛИСЬ
ЗАБВЕНИЮ
ЛЕНИНСКИЕ
ПАРТИЙНЫЕ
ПРИНЦИПЫ.
СОВЕТСКИЕ
ЛИТЕРАТУРА
И ИСКУССТВО ВНЕСЛИ
И ВНОСЯТ НЕМАЛЫЙ
ВКЛАД
В ОБЪЕКТИВНУЮ
ОЦЕНКУ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ,
ПРОЙДЕННОГО
НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ
СТРАНОЙ
В ТО НЕПРОСТОЕ ВРЕМЯ,
В ОСМЫСЛЕНИЕ
ОБРЕТЕННОГО ОПЫТА,
В ОВОВЩЕНИЕ
ПОСТИГНУТОГО.
СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОМУ —
ПУБЛИКАЦИЯ ПОЭМЫ
АЛЕКСАНДРА
ТВАРДОВСКОГО
«ПО ПРАВУ ПАМЯТИ»
И ВЫХОД НА ЭКРАНЫ
ФИЛЬМА
ТЕНГИЗА АБУЛАДЗЕ
«ПОКАЯНИЕ»,
ВЫЗВАВШИХ
МНОЖЕСТВО ОТКЛИКОВ,
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ,
И ЧИТАТЕЛЬСКИХ.
СВОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ
ОБ ЭТИХ ЭТАПНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПРИНЕСЛИ В ЖУРНАЛ
КРИТИК
И ЛИТЕРАТУРОВЕД
С. ЛЕСНЕВСКИЙ
И КРУПНЫЙ
ОРГАНИЗАТОР
МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ
ПРОФЕССОР
С. ФЕДОРОВ.

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

ПРАВДА ОСТАНЕТСЯ

Александр Твардовский

В жизни нашей литературы, в нашей духовной жизни произошло важное, значительное событие: опубликована поэма Александра Твардовского «По праву памяти» (февральская книга журнала «Знамя» за этот год).

Поэмы Твардовского занимают в его творчестве станковое, связующее место, определяя вехи развития поэта и времени, скрепляя, определяя пережитое масштабами эпического обобщения. Путь и память — ключевые понятия этого художественного и нравственного мира. И в истории отечественной поэзии, и в общественной жизни поэмы Твардовского всегда были этапными событиями. Вспомним «Страну Муравью», «Василия Теркина», «Дом у дороги», «За далью — даль»... В каждой из них — эпоха народной жизни, народного подвига.

И вот «По праву памяти»... В редакционном предисловии отмечается,

что Александр Трифонович Твардовский работал над поэмой в 1966—1969 годах. Это произведение, мыслившееся первоначально автором как одна из «дополнительных» глав к поэме «За далью — даль», приобрело в ходе работы самостоятельный характер. Итак, перед нами — лирическая поэма, последняя поэма автора «Василия Теркина». Она была закончена и подготовлена им самим к печати за два года до смерти.

Горько думать, что Твардовский при жизни не увидел своей последней поэмы опубликованной. И мы, современники, литераторы, все, кто следил за развитием поэзии, помним и знаем, что это унижающее обстоятельство явилось одной из смертельных ран, нанесенных поэту, гордая душа которого не вынесла тяжелых обид последних лет. Публикация поэмы «По праву памяти» почти через двадцать лет после ее написания — это обвинение тем, кто хотел заставить молчать поэзию и память.

Забыть, забыть велит безмолвно,
Хотя в забвенье утопить
Живую боль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль — забыть!

Забыть родных и близких лица
И столько судеб крестный путь —
Все то, что сном давнишним будь,
Дурною, дикой небылицей,
Так и ее — поди, забудь.

Но это было явной былью
Для тех, чей был оборван век,
Для ставших лагерною пылью,
Как некто некогда изрек.

Поэт был верен правде, ленинской правде; он шел от решений и пафоса XX и XXII съездов партии, вскрывших беззакония, которые творились под знаком культа Сталина; он шел от правды лично пережитого и выстраданного. Твардовский шел, не сгибаясь, вопреки набравшей силу тенденции второй половины шестидесятых годов — попытаться предать забвению «стольких судеб крестный путь». В итоге это оказалось, как мы видим, невозможно, хотя установка — «в забвенье утопить живую боль» — властно преграждала путь

ЧТОБЫ НИКОГДА НЕ ПОВТОРИЛОСЬ!

Святослав ФЕДОРОВ,
член-корреспондент АМН СССР

«Должны ли мы каяться в безмолвном разрешении массовых репрессий коммунистов-революционеров, красных командиров, ученых и людей искусства!»

Н. ФЕДОРОВ
(мой отец, комбриг 28-й кавдивизии, который был репрессирован в 1938 году и реабилитирован в 1954 году).

Покаяние, каяться, сожалеть о сделанной ошибке, преступлении... Нужны ли эти понятия современному человеку, который так лимитирован временем, вечно торопится, спешит что-то выполнить к сроку? Покаяние — признаться в проступке, рассказать о нем без утайки, подвергнуть его критике, обещать не повторять подобных ошибок и сознательно приступить к лучшей жизни.

Удивительно емкое слово, как оно подходит к нашему времени. Невозможно идти вперед, не вскрыв всех ошибок, которые задерживают развитие страны. Невозможно понять суть перестройки, не увидев зачатую уродливые нагромождения, сделанные предыдущими «строителями». Нельзя долго жить без полной правды.

С таким символическим названием вышел наконец фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Смотришь этот фильм, и кровь закипает в жилах от

возмущения: на глазах у всех растаптывались идеалы великой революции, миллионы честных людей молчали, когда сотни тысяч вели на расстрел, гноили в лагерях... Об этом также — фильм «Покаяние».

Нам — старшему поколению — Т. Абуладзе показывает, обобщая, механизм обмана, подлую изощренность методов, цинизм исполнителей преступных арестов, пыток, запугивания честных людей. Мы, родившиеся в 20-е годы, можем как-то понять свершившееся, даже оправдать себя, сославшись на ослепленность личностью Сталина, на культ личности, вызывавший леденящий и парализующий страх. Но как объяснить прошлое родившимся в 50-е годы? От страха перед правдой — стремление иных наших современников замолчать прошлое, похоронить его. А неосмысленное прошлое означает невозможность сознательно приступить к лучшей новой жизни. Прорывы в прошлое болезненны, горьки. Внук диктатора

правде. Партия, народ вновь нашли в себе достаточно нравственной энергии, мужества, чести, чтобы вернуть права бессонной памяти и несмолкающей совести. И поэма Твардовского прорвалась к нашим дням, к нашему времени, зазвучав в единстве с нашим сегодняшним устремлением — к ленинской откровенности:

Спроста иные затвердили,
Что будто нам про черный день
Не ко двору все эти были,
На нас кидаются тень.

Но все, что было, не забыто.
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!

Радостно думать и знать, что мы произносим сегодня эти слова открыто, как наш общественный девиз, хотя горько сознавать, что слишком долго ждали честные строки живой, гласной встречи с читателем, с народом... Ведь и судьба поэта, неотделимая от судьбы страны, сложилась так, что должны были пройти годы, десятилетия, прежде чем удалось «немую боль в слова облечь». Осознать, воплотить, произнести...

Ту боль, что скрытно временами
И встарь теснила нам сердца.
И что глушили мы громами
Рукоплесканий в честь отца.

Еще в поэме «Страна Муравия», мы помним, простерта «надо всей страной — рука, зовущая вперед». И в той поэме от души исповедуется, наивно вопрошает крестьянин Никита Моргунок:

— Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суеторгии?..

И жизнь — на слом,
И все на слом —
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую.

Так, быть может, размышлял и отец поэта на своем хуторе Загорье... «И жизнь — на слом, и все на слом — под корень, подчистую». О том, как драматически неумолимые события перевернули судьбы семьи поэта, с потрясающей силой и обнаженностью говорит поздний (1965 года) цикл «Памяти матери»:

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города.
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

В поэзии Твардовского эта тема большей частью присутствует затаенно, как «немая боль», пропитавшая собой, в сущности, многие его строки, и военные, и послевоенные... Сегодня это яснее, осязательнее, понятнее... При жизни поэта для нас, читателей-современников, тема трагической памяти тридцатых годов программно зазвучала в поэме Твардовского «За далью — даль» (окончена в 1960 году), особенно в главах «Друг детства» и «Так это было».

Нелегко, исподволь, мучительно, но неуклонно пробивается эта неизбывная тема:

Я не скажу, что в ней отрада,
Что память эта мне легка.
Но мне свое исполнить надо.
Чтоб в даль глядеть наверняка...

Твардовский подчеркнет: «Мне правда партии велела всегда во всем быть верным ей». В главе «Так это было» поэт стремится разобраться в сложных чувствах и думах, какие вызывает теперь образ Сталина:

Так это было: четверть века
Призывом к бою и труду
Заучало имя человека
Со словом Родина в ряду.

Поэт не снимает ответственности и с себя за культ «грозного отца»:

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

Вместе с тем достоинство и честь подлинной памяти не позволяют поэту легко, бездумно, с ходу отречься от того, что целую эпоху было самозабвенной верой: «И под Москвой, и на Урале — в труде, лишениях и борьбе — мы этой воле доверяли никак не меньше, чем себе». Снова и снова поэт повторяет: «Тут ни убавить, ни прибавить, — так это было на земле».

Твардовский не раз возвращался к тексту главы «Так это было». И это не являлось простой стилистической редактурой. Мысль поэта продолжала работать, тема углублялась, образ эпохи усложнялся, драматизировался.

Поэма «По праву памяти» возникает на волне раздумий, связанных так или иначе с главами поэмы «За далью — даль», с поэмой «Теркин на том свете», с циклом «Памяти матери», со всей лирикой Твардовского последних лет.

Стихотворение «На сеновале», опубликованное впервые в 1969 году, датированное 1967 годом, становится первой главой поэмы «По праву памяти» и называется — «Перед отлетом». По-иному теперь в контексте поэмы читается рассказ о деревенских юношах, которые готовятся уехать в Москву учиться и не догадываются, «что здесь, за нашу спину, сорвется с места край родной и закружится в хороводе вслед за метелицей сплошной...».

«По праву памяти» — это дальнейшее углубление темы, заявленной в главах поэмы «За далью — даль». И по тональности, по интонации последняя поэма Твардовского ощущается отчасти от «За далью — даль». Тема памяти звучит суровее, строже; сказывается и то, что Твардовский пишет в изменившейся общественной атмосфере, когда пыталось восторжествовать забвение, и то, что тема взята во многом автобиографично, лично, исповедально.

«Сын за отца не отвечает» — называется центральная глава поэмы. Но ведь речь поэт ведет и о себе, и о своем отце. И о тысячах таких же сыновей и отцов... Мучительно трудно прорваться к такой откровенности, к такой обобщенности, в сердце которой судьба твоей семьи...

О, годы юности немилой,
Ее жестоких передраг.
То был отец, то вдруг он — враг.
А мать?
Но сказано: два мира,
И ничего о матерях...

И здесь, куда — за пологом
Тех лет — спешил ты босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сыном...

А как с той кличкой жить парнишке,
Как отбывать безвестный срок,
Не понаслышке,
Не из книжки
Толкует автор этих строк...

Название главе дала «высочайшая» формула, все лицемерие которой обличает поэт, знающий — «не понаслышке» — цену деспотическому ве-

ликодушию. Ведь за ним скрываются произвол, трагедии, массовые беззакония:

Пять кратких слов...
Но год от года
На нет сходили те слова,
И званье сын врага народа
Уже при них вошло в права.

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака или сын наркома,
Сын командарма или попа...

Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей.
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.

Нет, забыть такое невозможно, нельзя. Да и неверно было бы нам отворачиваться от мрачных страниц собственной истории. «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу...» — убежден поэт. Но каким образом зло оказалось столь сильным? Надо вглядеться в историю, чтобы понять: зло выдавало себя за добро, подстраивалось к имени Ленина...

И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна.

Ленинские принципы и исторический опыт — вот «надежная мерка», «чтоб с правдой сущей быть не врозь».

В заключение поэт возвращается мыслью к тем молодым людям, которые когда-то собирались покинуть родную деревню. «...Ну что ж, пускай на сеновале, где мы в ту ночь отвергли сон, иными мнились наши дали, — нам сокрушаться не резон». Время освободило нас от веры в идолов, но зато возвратило полномочия человеческой памяти и человеческой совести.

Замечательная поэма Александра Твардовского вернулась к нам именно «по праву памяти». Вернулась в дни, когда мы, говоря словами поэта, ставим своей общей задачей быть всегда

людьми
из тех людей,
что людям,
Не пряча глаз,
Глядят в глаза.

Как сказал однажды поэт: «Все мнется, а правда останется».

Аравидзе, Торнике, не выдерживает и уходит из жизни. Это логично. Ведь его отец, сын диктатора, не раскисается, а, значит, продолжает жить по-старому, лгать по-старому, поучать по-старому. Зато внуки не могут терпеть разврат, неправду, передаваемые в наследство. Об этом уже писал великий Достоевский. Жаль, конечно, что не у всех внуков всегда хватает сил вступить в борьбу с делами неправых дедов. Они подчас не верят в эти дела, но активно разрушить, вступить в противоборство — для этого необходимо огромное мужество, очень четкая гражданская позиция. Если этого нет, надо уходить из жизни. Что и сделал Торнике Аравидзе. В этом его протест, в этом его борьба.

Когда смотришь фильм «Покаяние», возникает вполне логичная мысль: каким образом нашему обществу застраховать себя от повторений горького опыта?!

Недавний Пленум ЦК нашей партии с определенностью заявил, что только демократизация в нашей партии и обществе сможет сделать невозможным повторение ошибок: «Демократизация общества по-новому ставит и вопрос о контроле за тем, как работают партийные, советские и хозяйственные органы, их кадры». Еще более ярко эта мысль в докладе М. С. Горбачева выражена дальше: «Демократизация... нужна для того,

чтобы двигаться вперед, чтобы в обществе крепла законность и торжествовала справедливость, чтобы утверждалась такая нравственная атмосфера, в которой человек свободно живет и плодотворно трудится».

Не только в осмыслении уроков 1937 года волнует наше общество проблема законности. И сегодня в центральной печати сообщается о случаях осуждения невинных людей, о кем-то и когда-то проведенных допросах с применением психического и физического насилия. О негодном механизме следственной системы, которая подчас еще базируется на принципе «презумпции виновности». За подобные ошибки и преступления заплачена дорогая цена человеческими жизнями, что было смело сказано на XX и XXVII съездах нашей партии. История нашего государства диктует настоятельную необходимость реформ в системе правосудия.

Многие граждане нашей страны не знают элементарных правовых основ. Должен ли, например, человек носить с собой паспорт, может ли его допрашивать работник милиции по поводу материальных доходов, на сколько суток он может быть задержан в милиции до предъявления ему обвинения? Немало вопросов возникает у граждан при столкновении с представителями правоохранительных органов. Многие проблемы, касающие-

ся прав и обязанностей граждан нашей страны, почему-то остаются без внимания. В эпоху демократизации нашего общества это положение становится совершенно нетерпимым.

В фильме «Покаяние» с огромной художественной силой показан про-

цесс и результат нарушения социалистической законности.

Однако главным смыслом фильма является предупреждение деформации демократии в настоящем и будущем. В этом его значении — его необходимость.

Кадры из фильма «Покаяние».

Я пришел к Е. Винокурову за стихами для «Огонька».

Зашел на минуту, а пробыл два часа. Хозяин снял с полки одну из своих книг — «Серёжка с Малой Бронной» и протянул мне в подарок. На титульном листе была надпись: «От Серёжки с Малой Бронной». Эти слова всем знакомы в контексте известной песни на стихи Винокурова. Надпись удивила.

— А разве Серёжка с Малой Бронной — это вы?

— И я тоже. Но я вернулся с войны живым, а Саша Волков, которого я имел в виду, сочиняя стихотворение, — нет. Он вступил в диверсионный отряд и, выполняя задание командования, забросал штаб фашистов гранатами, а сам погиб. С ним и с нашим общим другом Гелием Ковальским мы учились в одной школе, напротив диетического магазина на Арбате. У меня даже сохранилась фотография той давней поры.

Евгений Михайлович порылся в ящике и извлек старый, выцветший фотоснимок.

— Кто бы мог подумать, что будет война, что все так случится...

В стихах Винокурова о войне слышится медногласный выразительный звук колокола. В них — и опыт войны, и свое трагически-мажорное восприятие победы, боль по погибшим друзьям, осмысление великого противоборства добра и зла. Мысль Е. Винокурова постоянно оглядывается назад, проникая в глубинно-философское постижение Великой Победы.

Его стихи — дневник фронтовой судьбы поэта, подробности материального бытия нашего времени. Страницы этого дневника читаешь с интересом и вниманием.

Ф. МЕДВЕДЕВ

***

Я вылез из землянки...
С края розов был небосвод рассветный голубой...

И медленно летящих бомбовозов гудение услышал над собой.
В землянке, на покрытой мхом пастели я недоспал...
И, — это не забыть! — те самолеты, что в заре летели, наш полк прицельно начали бомбить...
Как вокруг меня пожар был зол и ярок!
Как била в небо черная земля!..

И жизнь свою поныне, как подарок, с тех давних пор воспринимаю я...

Евгений ВИНОКУРОВ

СТАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОРА...

***

Что за нелегкая работа!..

Как утомительно для глаз строку из старого блокнота суметь расшифровать сейчас!
Что там на нарах медсанбата писал в потемках, наугад, тот человек, кем я когда-то был сорок лет тому назад?..
И занят мыслью был какою тот человек, когда без сил, дрожащею своей рукою каракули он выводил?
Расшифровать сейчас мне надо, о чем он думал в те года...
Юнец, от дыма самосада глаза прищуривал тогда, ворочаясь на жесткой глине, заброшенный в войну москвич...

Я, будто бы историк, ныне хочу ту рукопись постичь.

***

Беспробудно спали рядовые, фронтовая ночь была глуха...

И как будто схватки родовые, было появление стиха!..
Нет, больнее всех мучений плоти все-таки мучения души!..
Я стихи тогда писал в блокноте, торопясь, ломал карандаши...
В далях погромыхивает что-то.

Это время предали преданью, стала исторической пора!..
Я же помню, как сухой гортанью мной ловилась капля из ведра.

***

Вот и расстелилась предо мною, как большая карта, жизнь моя.

Я отмечу точкою одною городочек, где родился я.
Начерчу я, карандаш ломая, много трасс и вдоль и поперек.
Приведет меня одна прямая в небольшой немецкий городок...
Посреди дымящихся развалин из-за тучи бьет вечерний свет.
Бронзовый орел имперский свален! Я стою.
Мне девятнадцать лет.
Черепки да крошка меловая, Кирпичи да битое стекло.
Вот она, победа мировая!..

Я — живой.
Мне, значит, повезло.

***

Бестрепетно уставясь в высоту, среди полей, в часу примерно пятом я потрясен был, стоя на посту, безмерным августовским звездопадом!..
Предутреннюю чувствовал росу...

Казалось мне, что мир вот этот — пленный, что я охрану в этот час несу огромной и проснувшейся вселенной...

***

Зима пришла, меня состарив, но памятью живу, как все.
Я помню алое от зарев Волоколамское шоссе!
Обрывок пролетевшей песни в полуторке, и до утра угрюмо шарят в поднебесье могучие прожектора.
И облака играют в прятки.
А в черном поле хлеб полег!..
И я делю на плащ-палатке нам выданный в обрез паек.
«И вечный бой...»
А дальше как там?..
Нам внятен дальний гул пальбы!..

И это было первым актом разыгранной моей судьбы...

***

Хоть и близко к какому-то краю, но на сердце спокойно вполне, только все ж почему-то, не знаю, мне приходят стихи о войне...
Что ж, неплохо припомнить ненастье в час, когда уже стало светло, о несчастье задуматься в счастье, о добре, когда кончилось зло...

В печке вспышки алого огня...
И святая, древняя работа захватила полночью меня...
Спят бойцы, толкаячи соседей...
А меня ведет, ведет размер!..
Будто бы из тьмы тысячелетий вдруг мне руку протянул Гомер...

***

А я б хотел, чтобы от уха, чертя стальную полосу, крутой топор с размаха ухал, чтоб эхо вторило в лесу, чтоб высекал с веселым визгом топор, нагретый добела, смолистые сырые искры из суковатого ствола, чтоб лес гудел, чтоб тело ныло, чтоб и спины не распрямить, чтоб, отработав, можно было на груде бревен закурить, чтоб вился дым под небо кротко, чтоб на душе был лад и чтоб была вспотевшая пилотка с затылка сдвинута на лоб...

***

Слава исторических баталлий, торжество победоносных дат!..

Никого на свете нет усталей прошлагавших к полудню солдат.
Как мы из колодца воду пили, полувывсохшего, в страшный зной, совершенно белые от пыли, с пропотевшей дочерна спиной!..

Ю. М. БОНДАРЕНКО. Род. 1952.
ПОБЕДА. 1985.

Юрий Бондаренко учился в мастерской народного художника СССР академика Дмитрия Константиновича Мочальского в художественном институте имени В. И. Сурикова. Ему свойственны последовательность и настойчивость в работе над темами большого общественного звучания. Диапазон художника широк — он пишет сюжетно-тематические картины, портреты, работает в области монументальной живописи.

А. Ф. ПОЛОЗОВ. Род. 1947.
ЧАСОВОЙ.
ПЕСНЬ ВАГОННЫХ КОЛЕС.
 1979. (Фрагмент)

Ленинградский живописец Александр Полозов окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, активно участвует во всесоюзных и международных выставках. Полотно «Часовой» наиболее ярко представляет художника как последовательного продолжателя классических традиций станковой живописи.

Москвич Евгений Корнеев успешно прошел стажировку в Академии художеств СССР. С 1982 года плодотворно работает в Студии военных художников имени М. Б. Грекова. В созданных им портретах воинов Советской Армии переданы их мужество, стойкость, сила духа.

Анна КОВАЛЕВА

Е. А. КОРНЕЕВ. Род. 1951.
ПОКОРЯЮЩИЕ НЕБО.
 1982.

ПОЧЕМУ БЕСПРАВНА НАША МУЗА?!

Много читательских писем пришло в адрес нашей новой рубрики, хотя не так и давно состоялось открытие фирмы «Внедрение» на страницах «Огонька» (№ 44, 1986 г.). В почте: описания изобретений и невеселые рассказы о том, как нелегко их путь к осуществлению. Читатели предлагают, информируют, критикуют... Короче говоря, наша фирма чувствует поддержку. Но вот что хотелось бы отметить: в большинстве писем высказывается одна и та же мысль — прежде всего нужно решить **СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА**. Авторы этих писем с благодарностью вспоминают выступление заслуженного изобретателя СССР А. Н. Филиппова («Огонек» № 40, 1986 г.). Наш корреспондент вновь встретился с А. Н. Филипповым и подготовил его выступление по проблемам изобретательства и ответ на вопросы, прозвучавшие в письмах читателей.

Андрей Филиппов, заслуженный изобретатель СССР:

После выступления в «Огоньке» до сих пор получаю письма и на домашний адрес, и через журнал, и в адрес центрального автомобильного и автомобильного научно-исследовательского института (НАМИ), где я руковожу межотраслевой лабораторией. Другой реакции, уверен, и нельзя было ожидать — не потому, конечно, что выступил именно я. А потому, что изобретательство — вопрос государственный, это наше богатство, народное достояние. А к нему, увы, не совсем такое отношение, какое хотелось бы видеть. Какое должно быть.

Вот почти в каждом письме вопрос: в чем состоят ленинские принципы отношения к изобретательству, о которых вы, Андрей Никифорович, упомянули? Отвечаю: главный из них, по моему, состоял в заинтересованном внимании, в том, что в тяжелейшее время для нашей страны — в годы становления Советской власти — Владимир Ильич придавал большое значение движению изобретателей и лично наблюдал за его развитием, интересовался его проблемами.

В 1920 году он вместе с Алексеем Максимовичем Горьким посетил Главное артиллерийское управление и ознакомился с аппаратом, корректирующим стрельбу по аэропланам, изобретателя А. М. Игнатьева. Вот как писал об этом Алексей Максимович: «Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похаживал и говорил об изобретателе: «Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку». Залился смехом, потом спросил: «Говорите, у И. есть еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»

Последние слова я подчеркнул, потому что долгие годы многое делалось вразрез с ними. В те времена, когда генетику и кибернетику объявляли лженауками, изобретательство стало лжезанятием. Журнал «Изобретатель» был закрыт, а многие талантливые изобретатели репрессированы. В результате страна оказалась вынуждена покупать за валюту оригинальные технические решения, найденные впервые своими же гражданами!

Показательна в этом смысле судьба талантливого изобретателя М. С. Курневича. Он впервые в мировой практике разработал алюминиевые автомобильные радиаторы без пайки. Но довести свое детище до внедрения не смог — сначала годы пробывания, потом попал под репрессию в период культа личности, и снова пробывание... Не хватило здоровья, кончились и душевные силы — погиб, именно так я считаю, изобретатель, и вслед «похоронили» его изобретение. И чем все закончилось? А вот чем. Французская фирма «Софика», некогда ранее не занимавшаяся алюминиевыми радиаторами, ознакомившись в 1965 году со статьей в журнале «Автомобильная промышленность», где упоминалась разработка Курневича, оценила огромные технические возможности и уникальные достоинства сборного радиатора. А затем «Софика» не только оперативно организовала исследовательский центр и массовое производство отопителей и радиаторов новой конструкции, но и запатентовала в основных промышленно развитых странах наше изобретение. А отечественная автомобильная промышленность закупила у этой фирмы технологию и оборудование для производства алюминиевых радиаторов.

Большой позор вряд ли можно представить. Хотя чего удивляться, если один из прошлогодних выпусков телепередачи «Очевидное — невероятное» был полностью посвящен нашим изобретениям, внедренным за границы. А ведь это — миллионы золотых рублей, не попавших в карман государства! Полностью согласен с И. А. Чернявским из Днепропетровска, который пишет в своем письме: «Если кто-то украл государственные деньги, он жулик. К нему применяются самые строгие меры. А вот эксперта, похоронившего в бумагах миллионное изобретение, всего лишь пожурят. Ну, выговор дадут. Мою заявку на крутосклонный трактор эксперт окрестил бредом. Американцы же бредить не побоялись и внедрились такой трактор». И это написал бывший главный конструктор крупного завода, доцент (ныне — пенсионер).

Кстати, об изобретателях-самоучках и одиночках. Против них подчас ведется просто-таки борьба: мол, как в век НТР можно надеяться на себя, на

«озарение»? Ведутся дискуссии, раздаются разного рода грозные предупреждения в печати. Вот, например, уважаемый академик Петрянов-Соколов пишет: «Изобретатель-одиночка выдает тень за само изобретение, вводит в заблуждение специалистов, отнимая у них силы и время на возню с тенью. Реальные, а не бумажные изобретения рождаются сейчас только в коллективе дружном и технически грамотном... Я глубоко убежден, что сейчас изобретатель-одиночка анахронизм, более того, он социально вреден, ибо тень неродившегося изобретения выдает за само изобретение. В результате множество людей вынуждено заниматься возней с тенью и борьбой с непомерными претензиями одиночки... Я горжусь, что среди нескольких десятков полученных нами авторских свидетельств нет ни одного, которое принадлежало бы лично мне или кому другому» (журнал «Изобретатель и рационализатор» № 3, 1973 г.). Но позвольте, ведь главное — конечный результат. А история отечественного изобретательства доказывает самыми яркими примерами, что изобретатель-одиночка способен приносить реальную пользу государству.

Другой вопрос, что успех — внедрение своего детища и до сих пор зависит от мужества изобретателя, его личной инициативы и организационных способностей.

Изобретатель должен сделать все возможное и невозможное, чтобы его изобретение стало приносить пользу государству, и как можно скорее.

Мне по вопросу организации Межотраслевой базовой лаборатории для реализации изобретений и организации производства в различных отраслях народного хозяйства пришлось встречаться с четырьмя заместителями Председателя Совета Министров СССР, с восемью министрами и с большим числом их заместителей, ответственными работниками Отдела машиностроения ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Госплана СССР, президентом и вице-президентом АН СССР, рядом академиков. Неоднократно приходилось встречаться с председателем Госкомизобретений и его заместителями.

Я намеренно привожу список ответственных руководителей, от чьей конкретной помощи зависела судьба моих изобретений и моя личная судьба.

Счастье для изобретателя, если в судьбе его примет участие по-настоящему деловой, ответственный руководитель, умеющий дать объективную оценку изобретению и оказать реальную помощь в его разработке и реализации. Мне для признания моих изобретений и организации небольшого коллектива для их доводки и

внедрения потребовалось десять лет. И это при том, что, на мое счастье, в судьбе моих изобретений приняли деловое участие старший референт Совета Министров СССР Жданов Виктор Михайлович и ответственный сотрудник Отдела машиностроения ЦК КПСС Вольский Аркадий Иванович. Без их заинтересованного внимания и конкретной помощи мои изобретения погибли бы, а я бы вообще физически не существовал, так как до этого меня увольняли с работы, я десять месяцев не получал зарплату и жил только на пенсию инвалида Великой Отечественной войны.

Все мытарства изобретателей и поддержки с внедрением объясняются тем, что за внедрение изобретений, особенно межотраслевого характера, никто не отвечает.

У нас много координирующих, формирующих и планирующих организаций: Государственный комитет СССР по науке и технике, Академия наук СССР, Госкомизобретений, ВОИР, различные советы по проблемам и т. д., и т. п., а конкретно отвечающих за внедрение нет. Поэтому неудивительно, что экономический эффект в стране получают в основном за счет рационализации, а не за счет внедрения изобретений.

В то же время высокоэффективные изобретения не используются из-за нерадивости и косности некоторых ответственных лиц, чем наносится огромный ущерб государству. И никто, в том числе и Госкомитет изобретений, не несет за это никакой ответственности.

Изобретатели годами тратят время на получение заслуженного авторского вознаграждения, ибо, по существующему положению, выплачивать вознаграждение авторам и премии содействующим внедрению изобретения может только предприятие, если оно является первым и единственным предприятием, внедрившим изобретение (невероятно, но в инструкции заложены «стимулы» того, чтобы такое предприятие было единственным).

Необходимо срочно и обязательно пересмотреть это парадоксальное несовершенство инструкции, наносящее огромный ущерб внедрению и использованию изобретений, и избавить изобретателей от ненужных мытарств по инстанциям с жалобами и просьбами, унижающими их достоинство.

Я благодарен партии и правительству за помощь в организации Межотраслевой лаборатории и рад, что изобретения, разработанные нашим небольшим коллективом, дали и дают многомиллионную экономию в народном хозяйстве, избавили автомобильную и авиационную промышленности от закупок дорогостоящих лицензий и деталей по импорту.

ОЩУЩЕНИЕ РО

Мы выполнили ряд поручений вышестоящих инстанций по использованию наших разработок в спецтехнике. И сейчас Гурий Иванович Марчук лично просил ускорить работы по уплотнениям гидромеханических передач большегрузных автомобилей, автобусов и тракторов.

Однако девяносто процентов своего времени приходится затрачивать на различные межведомственные согласования, нудную, безрезультатную переписку и хождение по министерствам.

Более шести лет «разрабатывается» Закон об открытиях и изобретениях. После июньского Пленума ЦК КПСС (1986 г.) разработка закона была поручена Государственному комитету по науке и технике, Министерству юстиции СССР и Госкомизобретений.

Однако рабочая группа была организована в Госкомизобретений, что, на мой взгляд, в корне неправильно: организации, завалившей работу по изобретательству, поручили подготовку закона. И это не замедлило сказаться на результате — проект закона и положения об изобретениях не улучшают, а только ухудшают стимулы, способствующие подъему изобретательства. Игнорируются ленинские принципы оценки изобретательства и изобретателей. Исключаются учет и контроль действительной экономической эффективности от внедрения и использования изобретений и тем самым нарушается основной закон социализма — от каждого по способностям, каждому по труду.

Необходимо покончить с таким существующим ныне положением и все межведомственные вопросы внедрения изобретений решать оперативно и в одном месте — Государственном комитете СССР по внедрению изобретений и открытий, таким должно быть существо этого учреждения, наделенного соответствующими правами и функциями.

Конкретных предложений по организации эффективной государственной системы изобретательства и внедрения у меня накопилось достаточно много, я отправил их в Совет Министров СССР — не стану сейчас пересказывать: они большей частью специфичны, этим можно утомить читателей. На их суд хочу вынести предложения о статусе самих изобретателей. Вспоминаю новогодний телевизионный «Огонек» 1977 года, на который был приглашен заслуженный изобретатель РСФСР из Ленинграда, — чуть ли не единственный случай, когда нашего брата удостоили такой чести. И среди героев труда с орденами и медалями этот человек (жаль, запомнил его фамилию) со своей единственной, но почетной наградой выглядел более чем скромно. А разве не велика, громадна его трудовая отдача государству — 37 миллионов рублей экономии! Конечно, награды не самое важное. Главное в том, что мы, изобретатели, — такие же люди творческого труда, как и художники, писатели, актеры... Но нашу музу не признают, не наделяют ее правами. А пора бы. Пора поставить вопрос о создании творческого Союза изобретателей СССР, который защищал бы права, пропагандировал достижения и материально поддерживал порой поистине самоотверженный труд изобретателей. И тогда сбудутся слова Ленина, сказанные им Горькому: «Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы!»

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, высказаны важные и конструктивные, на наш взгляд, идеи. Давайте обсудим их. Особенно хотелось бы узнать мнения заинтересованных министерств и ведомств. Ведь речь идет о мощном резерве ускорения научно-технического прогресса.

23 ФЕВРАЛЯ —
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ
АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО
ФЛОТА

Такого увольнения у младшего сержанта Роберта Ясюквичюса еще не было! Он успел встретиться со знакомой девушкой, погулял по Минску, побывал в музее и до отбоя вернулся в часть.

Александр ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька».
Фото
Анатолия БОЧНИНА

Мать приехала ненадолго. Посмотреть на сына в военной форме, поведать ему, что передумала за время, пока он служит. И напомнить, что она ждет его. Что, кроме него, ей ждать некого...

В часы, свободные от службы, Роберт гулял с матерью по городку и рассказывал о своих буднях. Ничего особенного: боевая подготовка, караулы, учения. Он младший сержант, секретарь комсомольской организации роты, в свободное время читает, играет в свой любимый баскетбол (не удержался, похвалился: на первенстве округа их команда завоевала второе место), подтвердил звание кандидата в мастера спорта; скучает по дому, по Литве, по певческим праздникам, мечтает о профессии юриста...

Мать слушала, смотрела на Роберта. Внешне похож на нее, а натура отцовская: собранный, настойчивый, требовательный к себе. Вылитый Римас — отец Альгирдаса и Роберта.

...Они встретились в Каунасе. Студентка медицинского института Даля и офицер-пограничник Римас. Встретились и поняли: судьбе угодно, чтобы дальше им идти вместе.

Поженились очень скоро после знакомства, не дождавшись, пока Даля получит диплом. Родился Альгирдас, потом Роберт.

Семья офицера. По-своему неустроенная и по-своему счастливая. Римаса переводили с заставы на заставу, с одной границы на другую. Он не брал с собой семью. Не хотел тяготить переездами, не решался вынуждать жену бросать интересную работу в клинике, предпочитал для мальчишек литовскую школу... Правда, не оставлял надежды поддержать сыновей возле границы, чтобы почувствовали, что значит родная земля, большая Советская Родина.

Не сбылось...

В 1972 году пришел с Дальнего Востока скорбный документ, сообщавший, что начальник пограничной заставы майор Римас Йозович Ясюквичюс погиб при выполнении служебных обязанностей.

Она знала, что военная служба может в любой момент потребовать от человека отдать за интересы Родины жизнь.

Она не ждала удара, но перенесла его и продолжала делать большое и необходимое дело: работать, растить сыновей.

Сейчас она смотрела на младшего сына и радовалась, открывая в нем все новые и новые черточки, за которыми очень явственно виделся Римас, его отец. Дисциплинированность и независимость характера, умение дорожить самостоятельностью и в то же время всегдашняя готовность подчинить себя интересам коллектива... Как-то, помнится, принес из школы пятерки за очередную четверть и спросил: «А как ты думаешь, пятерка по поведению — это нормально?» Она удивилась вопросу. «Я, — поспешил он разъяснить свою мысль, — боюсь, что, стараясь заслужить пятерку по поведению, человек позволит себе приспособляться, угождать, притворяться и станет в конце концов стандартно положительным типом, а не личностью».

К счастью, он не стал стандартно положительным типом.

Когда муж погиб, Роберту было семь лет. Естественно, отец не мог оказать на него большого влияния. Но властью природы что-то успело передаться сыну. Армия помогла развить и укрепить это «что-то».

Как это важно для матери! Особенно для матери, у которой теперь остался один сын.

...Когда пришел срок идти на действительную военную службу старшему, Альгирдасу, мать проводила его со спокойной уверенностью в том, что он, как и отец, достойно выполнит свой долг. Он уехал. Присылал письма, писал, что зачислен в воздушно-десантные войска, учится, закаляет себя, просил не беспокоиться, ждать. Мать ждала. Летом 1982-го ей сообщили: сержант Альгирдас Ясюквичюс погиб, выполняя интернациональный долг в Афганистане.

В войну говорили, что матерям и женам не легче, а может, даже труднее, чем ушедшим на фронт сыновьям и мужьям. На любом расстоянии матери и жены слышат, как рвутся на передовой снаряды, чувствуют коварство минных полей; раны близких людей мучают их неотступно и беспощадно. Даля-Яне Йоновна испытала это дважды на протяжении десяти лет, мирных для нашей страны, однако тревожных, горячих, порой критических для мира, нуждающегося в отважных, готовых пожертвовать собой солдатах. И если есть в семье мужчины, если есть необходимость отстаивать мир и защищать интересы государства, мужчины должны надевать военную форму, брать в руки оружие и подтверждать солдатскую верность присяге. Семья Ясюквичюсов так и поступила. Обыкновенная советская семья. Семья офицера и врача.

Обо всем этом я узнал недавно от Роберта. Ему выпала командировка в Минск. Мы встретились в Белорусском музее истории Великой Отечественной войны. Роберт не мог пройти мимо музея. Служить в Белоруссии и не узнать как можно больше о подвиге экипажа капитана Гастелло, о партизанских командирах Минае Шмыреве, Василии Корже, Владимире Ничипоровиче, о доблести Михаила Сильницкого, Коли Гойшика, Зины Портновой, о героях операции «Багратион»...

Ощущение Советской Родины, которая сейчас находится под его, Роберта, защитой, за свободу и мир которой пролита кровь его отца и брата, дарит новую силу. Не только боль, но и глубинное ощущение великого общего дела. Он связал себя с армией и хорошо знает, сколь просто отстаивать завоеванное за семьдесят послеоктябрьских лет. В том числе завоеванное интернационалистами родной Литвы.

Свобода стоит жизни.

И жизнь становится все наполненней и яснее. Все больше ответственности в ней и все четче понимание будущего, все предметней.

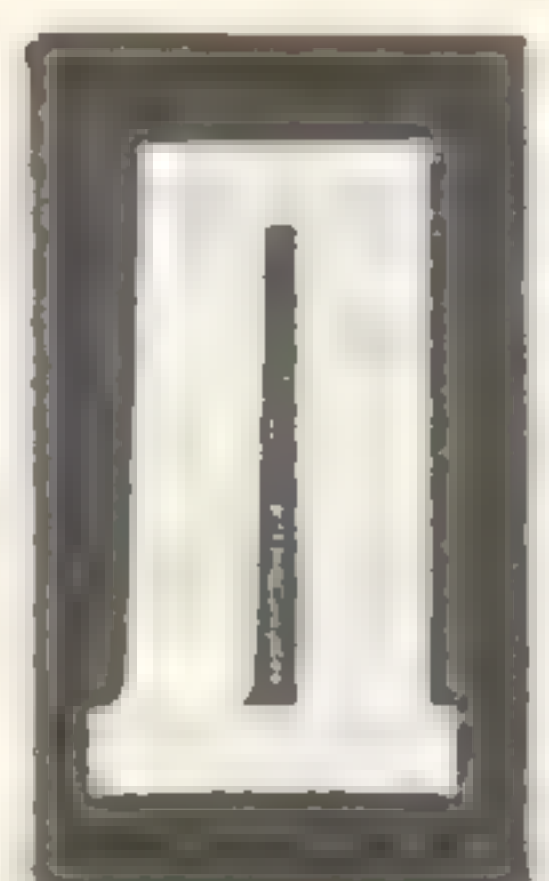
Семья, армия, жизнь научили Роберта Ясюквичюса выполнять свой долг любовно и честно.

...Потом мы долго говорили с ним о службе, об их семье, о книгах и песнях, о нынешнем дне.

— Поступлю в Вильнюсский университет, — сказал Роберт уверенно. И, помолчав, добавил:

— Друскининкай недалеко от Вильнюса. Буду часто навещать маму.

авно был замысел — пойти к лишним людям, выпавшим из общества, ненужным сейчас и еще более ненужным завтра и в ближайшем будущем. Пойти не на день, не на два, не на неделю — на полгода. Изучить, осудить, заклеить — так ставил я задачу с высоты своего благополучия.

Изучал я этот слой не из окна начальственной или милицмейской машины и без командировочного удостоверения в кармане.

26 февраля минувшего года я запрягал паспорт и все остальные документы, надел старую куртку и с тремя рублями в кармане сел в первый попавшийся поезд. С этого момента я стал возможным объектом пристального внимания со стороны сотрудников МВД, как беспаспортный бродяга, бич, туник, бомж, шаромыга, богодульник, ханыга, камышатник и т. д. В каждом регионе Союза есть точное определение таким людям.

СПРАВКА. В любом городе нашей страны и на железнодорожном узле есть приемник-распределитель, или спецприемник, задача которого — выявить среди задержанных бродяг и лиц без документов преступников, находящихся в розыске, злостных бродяг, попрошайек, неплательщиков алиментов. Одна из основных задач инспекторов спецприемников — постараться устроить человека с разорванными социальными связями на постоянную работу и выдать ему паспорт.

Итак, есть разветвленная система надзора за бродягами и помощи им. И есть люди без определенного места жительства и работы, которые, я уверен, исчисляются многими тысячами. В представлении большинства людей, а таким оно было и у меня, жизнь бродяги «курортна», беззаботна, необязательна и свободна. Этикие потасканные мотыльки, которые не хотят работать. А ведь каждый день надо где-то ночевать, что-то есть... Где же ночуют бичи?

СПРАВКА. Чердани, подвалы, тепло-трассы, кладбища, вокзалы, лесопосадки, пригородные дачи, стройки, пустующие дома, дома на капитальном фундаменте, товарные вагоны, неохраняемые промпредприятия, свалки, ко-чегарки, дебаркадеры, домики в детсадах, заброшенные церкви и монастыри.

Появляясь в новой местности, бич очень быстро устанавливает контакты с себе подобными, чаще всего это происходит в винных магазинах, пивных и во время работы ради случайных заработков.

СПРАВКА. Доходы бича — временные, сезонные, подсобные работы: сбор бутылок, илюквы, живицы, недровых шишек, грибов; работа в бригаде строителей-шабашников, на частных садово-огородных участках, разгрузка-погрузка транспорта на всевозможных базах, в портах, на складах; частные стройработы — фундаменты, кладка, изготовление кирпичей и шлакоблоков, починка заборов, сараев, продажа места в очереди и множество мелких легальных и полунелегальных заработков.

География бича — вся страна. Основные регионы обитания — южные области, среднеазиатские республики, Север, Тюменская область и Красноярский край, Дальний Восток. Бич подвижен, ему не надо прописываться-выписываться, вставать на учет, собирать вещи — их у него просто нет, кроме минимума необходимой одежды. Бич ездит без билета, «на колесах». Любой попутный транспорт ему на руку — тепловозная сцепка, товарняк, пригородный поезд (некоторые поезда в Сибири так и прозваны — «бичевозы»), попутная машина, сплавной катер. Миграции полчищ бичей напрямую связаны с временем года и сезонностью работ, причем работ, на которых можно вполне прилично заработать и не требуют документов. Начался сплав леса — на северные и сибирские реки двигаются разношер-

Алексей ЛЕБЕДЕВ

ПРИДОННЫЙ СЛОЙ

...И решил я испытать на себе судьбу бича, туника, бомжа, шаромыги, ханыги, камышатника.

стные артели, по пути распадаясь и группируясь вновь. Потянуло весной, и между конторами лесостроительных, геологоразведочных, археологических и прочих экспедиций начинается броуновское движение. Возьмут с руками и ногами — бич это знает, но сколько начальник собирается платить, как кормежка и вообще куда идем?

Бригадиры шабашников-строителей оживлены и забыли о пьянке. Как схватить объект повыгодней, кого взять в артель, чтобы на все руки от скуки и не шибко пьянствовал, но и прав не качал.

Великое оживление происходит весной среди бродяг, но значительная часть бичей, прижившихся в Средней Азии, и не думает никуда срываться. Они обосновались в этом регионе, годами кочуют из Ташкента в Бухару, из Ашхабада во Фрунзе, из Джамбула в Кызыл-Орду. Они знают местные обычаи, специфику; знают и другое: несмотря на избыток трудовых ресурсов в Средней Азии, всегда можно наняться к частнику на день, на неделю, на сезон. Особо ценятся стройработы — покраска, кладка, штукатурка. Если не умеешь — свои же научат, а не хочешь — иди на лук, чеснок, бахчу. Хотя на одну прополку, хоть на весь сезон — поливать. А уж во время уборки у частника каждый заморенный бродяга на счету. Правда, это больше смахивает на батрачество, да кто же против!.. Хозяин и накормит, и напоит, и спать уложит, только работай, наеда, с восхода до заката. Большинство хозяев платят по-божески. Ведь в следующий сезон опять потребуются рабсила. А старый друг — лучше новых двух.

СПРАВКА. Сотрудникам милиции, инспекторам спецприемников и патрульно-постовому составу МВД хорошо известно большинство мест обитания, скопления и ночевки бродяг. На некоторых базарах крупных среднеазиатских городов, где существуют черные «биржи труда», проводится проверка документов у клиентов и наемщиков «биржи».

Стандартная ситуация — все готово, чтобы вернуть бродягу в общество. Инспектор спецприемника в течение месяца задержания, разрешенного законом для установления личности, послал запросы по бывшему месту

жительства бродяги, по предполагаемому месту его рождения, в УВД области, края, республики (не находится ли в розыске), получил вполне удовлетворительные ответы. Весь этот месяц, пока ходили запросы-ответы, инспектор ненавязчиво выясняет склонности бича, его характер, профессии, которыми он владеет, потихоньку склоняет его к решению бросить кочевой образ жизни. В ряде случаев человеку действительно надоело болтаться, и он решает, особенно если дело происходит зимой, остановиться. И вот здесь и для бродяги, и для его инспектора начинается самое трудное.

СПРАВКА. В каждом городе между несколькими предприятиями и спецприемником существует соглашение, закрепленное постановлением горисполкома, об обязательном трудоустройстве лиц, направленных органами МВД (спецприемником в частности).

Но соглашение соглашением, а бывший бродяга с новеньким паспортом и направлением на руках начинает долгие хождения по кругу. Отдел кадров предприятия отправляет его к начальнику цеха. Тот под любым предлогом (нет свободных мест, зайдите завтра, на следующей неделе, неподходящая специальность, нет специальности) старается от такого «кадра» отделаться.

Пройдена медкомиссия, сделаны фотографии и флюорография, и при помощи инспектора (неоднократные хождения в горисполком, в отдел кадров, к начальнику цеха, к зам. директора по кадрам) человек, наконец, на работу устроен. И следует часть вторая этой стандартной ситуации — постоянная прописка в общежитии.

МОНОЛОГ комендантши в присутствии инспектора спецприемника, бывшего бича, а ныне — работника предприятия, и зам. директора по кадрам:

— Не буду я его у себя прописывать! Чтобы через два дня пропали одеяла и простыни, а взамен остались вши? Никаких разговоров! Жил в канаве — пусть там и живет. Ну и что, что он теперь наш работник? Это он у вас работник, а у меня жильцы, и мне такой не нужен. Своей пьяни в общежитии хватает, а вы мне суete еще одного забудлыгу?

И инспектор спецприемника опять идет по инстанциям. Все это занимает несколько недель, и бывший бродяга, а теперь полноценный гражданин с паспортом живет это время в камере спецприемника. А где же ему еще жить? Живет из добросердечия начальника спецприемника, которому необходимо хотя бы одного из десяти бродяг вернуть к нам, к людям, в общество. Прописали наконец-то. Стандартная ситуация разрешилась более или менее благополучно.

Хотя можно себе представить, каково будет работать человеку на предприятии с начальством, которое не хотело брать его на работу, каково ему будет жить в общежитии, где комендантша смотрит на него как на отброс общества. Такому человеку в будущем каждое лыко в строку поставят.

Но так ли уж не правы и комендантша, и начальник цеха, и даже бригада, которые этого человека не ждали? Комендантша он прибавит пьяных дебошей, начальнику цеха — испортит все показатели работы единственным попаданием в вытрезвитель, бригаде вообще не нужен лишний работник — хозрасчет кругом, бригада и своего-то разгильдяя не знает, как выпихнуть.

И все-таки разрешилась ситуация благополучно. Но вот два совсем других исхода.

На пустыре под Свердловском наша стройартель жила в брошенном вагончике в ожидании заключения договора. И приходил к нам ночевать жилистый мужичок с новеньким паспортом, выданным спецприемником две недели назад. Над мужичком подтрунивали, зачем, мол, тебе все эти выходные-проходные, субботники-воскресенья, начальство всякое? Давай, мол, к нам. Но жилистый мужичок упорно ходил устраиваться, прописываться, проходил медкомиссию, и все у него не складывалось. Кончилось тем, что однажды вечером, придя к костру после очередных хождений по кругу, он бросил в огонь и паспорт, и все прочие бумажки, собранные за это время.

— Жил пятнадцать лет без этих корок и еще столько проживу, не закашляю, — сказал он нам на прощание.

Насчет «закашляю — не закашляю» я еще скажу, а теперь о втором случае неудачной социальной адаптации. На складах в Волгодонске я встретился с мужиком, который и паспорт получил, и прописался, и на работу все-таки устроился, но не проработал ни одной смены.

МОНОЛОГ бывшего бича:

— Месяц парился на нарах, ни хвостов, ни судимостей, все запросы хорошие, на «тубик» проверили, на сифилис, нет ничего, сфотографировался, дали паспорт. Три недели эти конторские крысы нервы мотали с медкомиссией, работой, пропиской. Спал в лесопосадке, но прошел все. Ведь на работу устраиваюсь, а не в зятя к этим крысам напрашиваюсь: так, нет-нет, то не так, это не так. Меня, сварного по пятому, — подсобником по второму? К «химикам»? Я вам наработаю, думаю, дайте только все оформить. Теперь все. Прописка постоянная, паспорт на руках, в кадрах взял все справки, какие только можно: о том, что работаю в СМУ, — для милиции, о том, что работаю в СМУ, — для стоматолога, справку для военкомата — билет получил. Ботинки, робу, спецовку — все получил, вырвал двадцать рублей аванса. Но играть с кувалдой за сто рублей вместе с «химиками»? Нет! Не пойдет. Пусть эти крашенные конторские лахудры сами кувалдой машут. Теперь я развернусь, в любой конец Союза! У меня теперь паспорт на руках!

СПРАВКА. Человек без паспорта не может устроиться ни в гостиницу, ни на работу, без паспорта он не получит ни писем, ни телеграмм до востребования, ни переводов, его не запишут на прием к врачу ни в одной поликлинике, его не возьмут ни на обычное антиалкогольное лечение, ни на принудительное.

Я не случайно упомянул о лечении. В 1976 году с Виктором Петровичем Астафьевым, когда он жил в Вологде, мы обсуждали эти проблемы. Он тогда говорил, что появился новый тип бича — бич холодный, трезвый, хищный, цепкий. Да, появился такой бич. И на сегодняшний день трезвых бичей-хищников предостаточно. И появилась новая разновидность непьющих бродяг — люди «системы», и я о них еще скажу. Но все же...

Большинство бродяг злоупотребляют алкоголем, и это, пожалуй, слишком мягко сказано. Именно беспробудная пьянка, последующие прогулы, высылание и т. д. и приводят их в никуда. Немалая часть бродяг нуждается в немедленном антиалкогольном лечении. Похмельный синдром, алкогольная абстиненция у многих из них выражены настолько сильно, что они хватаются за любую работу, лишь бы похмелиться, не гнушаются ничем, а попрошайничество и вымогательство мелких денег — вполне привычное дело.

Наиболее популярной из погрузочно-разгрузочных работ всегда была выгрузка вина и водки, с барж ли, из вагонов — значения не имеет, а после вступления в силу Указа и введенных им ограничений номера вагонов и маршруты следования винно-водочных «пульманов» становятся известны группам бичей за несколько суток до их прибытия. Ночами на товарных станциях устраиваются дежурства, идут драки за право разгрузки вагонов с водкой. Бывает, вагон достается тем, кто обитает тут же, в брошенных на путях теплушках, или тем, кто соглашается на минимальную оплату, чаще всего той же водкой. Ну, а те, кто не в состоянии выполнять тяжелую работу или работать принципиально не желают, трясутся по утрам возле аптек.

МОНОЛОГ женщины-рецептара одной из вологодских аптек:

— Если до Указа эти небритые личности буквально атакывали нас с семи утра, чтобы купить что-нибудь спиртосодержащее, то теперь они и близко не подходят к аптеке. Они изменили тактику, располагаются группами за квартал-два и уговаривают проходящих мимо старушек купить им пузырек того или иного лекарства. И волей-неволей мы вынуждены хотя и по одному флакону, но продавать женщинам, не можем же мы им отказать. И, таким образом, валерианы и пустырника нет не только в нашей аптеке, но и на аптечных складах. Сколько бы мы ни заказывали спиртосодержащих лекарств, их раскупают через другие руки такие вот ханжы. Да пусть они содхнут, не жалко! Ведь не хватает лекарств больным!

У них это называется «калики», или просто «аптека». «Я пью всю «аптеку», одеколон шибко дорог!» — ораторствовал у аптеки один такой юморист-философ. Копеечные спиртосодержащие средства — кто же их раздобывает с раннего утра, пьет, просто вытряхивая в рот на ходу?

«Люди свалки» — так их можно называть. Полностью опустившиеся, утрачившие минимальные трудовые навыки, способные только к поиску стеклотары в залежах бытового мусора, вывозимого со свалки.

Неподалеку от нее они и живут, «бивуак» их обычно расположен так, чтобы была видна любая подъезжающая машина, будь то мусоровоз или ПМГ (подвижная милицейская группа). Среди «людей свалки» существует своеобразное разделение труда.

Одни выкидывают из вновь прибывшего мусора все мало-мальски годное, другие все это тщательно сортируют на бутылки, банки, топливо, тряпье, годную одежду, цветные металлы; третьи («гонцы») доставляют стеклотару в мешках в город и привозят спиртное и хлеб. На роль «гонца» выбирается не очень помятый, более-менее прилично одетый и надежный (чтоб не скрылся с деньгами) член сообщества.

Вся эта идиллия кончается поздно вечером, когда накачанные и одурманенные суррогатами алкоголя «люди свалки» в безобразных драках среди гор дымящегося мусора начинают выяснять отношения. Чем это рано или поздно кончается?

...Почти на каждом кладбище есть дальний, заболоченный, полузаброшенный уголок. Здесь нет оград с венками, есть только низенькие, часто поставленные столбики с жесткими номерками. Это могилы бродяг, людей без имени, и похороны здесь проходят без родственников и оркестра. Никто не приходит сюда — в самый печальный уголок невеселого места, каким всегда было кладбище.

И теперь самое время рассказать о биче благополучном, «кадровом», многолетнем, осторожном. Прибывая в новый город по железной дороге, не доезжая до станции или вокзала, он спрыгивает у semaфора и приводит себя в божееский вид. У кадрового бича в отличие от всех остальных всегда в кармане станок с безопасной бритвой. Ближайшая речка или лужа, долой щетину! — и он готов к вступлению в город. Он не идет на вокзал или автостанцию, где наряд милиции у таких, как он, бесчестных, может проверить документы, он идет к рынку или пивной.

Издавна и не спеша выбирает подходящего мужичка и за кружкой пива узнает все об этом городе — о местах шабашек, винных точках, отделениях милиции и выпрезветелях.

Кадровый бич никогда «в усмерть» не напивается и красный околыш милицейской фуражки видит за километр. Только первую ночь он ночует на улице, а потом, поселяется у одинокой женщины, живет с ней мирно, наводит порядок в доме и огороде, перебирает полы, чинит забор и перекрывает крышу. Изредка делает хорошие, денежные, профессиональные шабашки. Кадровый бич — мастер на все руки, ума не пропивает и, расставаясь с приютившей его женщиной через месяц-другой, знает: еще много городов на свете и много одиноких женщин. И все чаще снится стук колес и сосет под ложечкой тоска, его уже тянет в дорогу, дорога у него в крови.

И приютившая его женщина еще долгие годы будет вспоминать о спокойном, трудолюбивом и хозяйственном мужике с устремленным вдаль взглядом.

А что же люди «системы» — как они сами себя называют, новейшая, нестандартная и непьющая разновидность бродяг? В отличие от бичей они довольно организованные, у них есть где жить, но ими избрана «фигура ухода», полная пассивность. Собираясь группами, они странствуют по стране, существуя подающим и попрошайничеством. Цели их случайны и выбираются по принципу культурной или курортной принадлежности. Это могут быть и исторические места, и памятники, и мемориальные музеи-усадьбы писателей и художников, и просто окружающее пространство домов отдыха, пансионатов, турбаз или просто теплое, но достаточно людное побережье.

Среди людей «системы» немало людей, расписанных по группам с иностранными именами, — старые битники, хиппи, новые кришнаисты, и люди неопределившиеся, которых большинство. Они примыкают то к одной

группе, то к другой, но всех их объединяют полная пассивность, инфантильность и некая псевдофилософичность. Мы, мол, конечно, не работаем, но и вреда никому никакого не приносим. Мы просто странствуем.

В их среде появляются и профессиональные проповедники, и вербовщики различных сект, действующие умно, тонко и ненавязчиво. За полгода меня пытались обратить в свою веру — адвентист седьмого дня под Геленджиком, проповедник истинно-православных христиан под Ташкентом, дзен-буддист в Крыму. Почему проповедники различных сект трутся в этом слое?

Ответ неочевиден, но ясен.

Это же потенциальная паства! Социально пассивные, порвавшие связи с обществом группы, ищущие хоть какой-то опоры, — и внешне тихие, скромные, но чрезвычайно активные и эрудированные миссионеры, зовущие к той же пассивности, но религиозной, в рамках конкретной секты. И слишком часто они находят общий язык. Добро бы хоть это были нормальные баптисты, но ведь наибольшую активность проявляют вербовщики нелегальных сект.

Итак, что же дает обществу этот многоликий и разнородный придонный слой?

«...И еще столько проживу, не закашляю», — вспоминаются мне слова свердловского бича. Скорей всего, закашляет. Для бродяг такой образ жизни даром не проходит, и в туберкулезные больницы они попадают, как правило, в запущенном состоянии. «В стадии распада» — так обычно определяют их состояние врачи-фтизиатры.

В венерических больницах закрытого типа бичи составляют немалую долю. Врачи санпропускников знают, что наиболее высокий процент вшивости дают бродяги. Ни под всеобщую, ни под частную диспансеризацию они практически не попадают.

Как установили эпидемиологи, несмотря на новейшие лекарства и методы лечения, туберкулезный и кожно-венерический фон в стране тревожен именно из-за бродяжничества. Не дай бог, залетит в этот слой вирус СПИДа...

Из этого слоя уголовники-рецидивисты вербуют себе подручных, да и сами бродяги склонны к правонарушениям.

Бродяги не участвуют и не могут участвовать в выборах, они не состоят на воинском учете, всесоюзная перепись их учитывает очень приблизительно.

Так что? Заклеймить? Пожалеть? Осудить? Или уже пора спасать?

После моего полугодичного «бродяжничества» в курилке одной редакции я разговорился со знакомыми журналистами.

— Расстреливать! — коротко отрезал тот, что помоложе и с опытом работы в комсомольском опертюре.

— Ну что ты, среди них есть очень образованные люди, — мягко заметил седой зав. отделом партийной жизни; слово «расстрел» вызывало у него, видимо, совсем другие ассоциации.

Первой стране социализма не нужны ни алкоголизация, ни люмпенизация, это очевидно для всех.

...Август. Архангельский бич Юра, в прошлом строитель с двенадцатью специальностями, лежал рядом со мной в старом пагаузе, донельзя вымотанный двадцатичасовой разгрузкой окаменевшей в мешках соли, и был еще в состоянии читать газету. Надо сказать, что за ручную выгрузку восьмидесяти тонн окаменевшей соли с переноской на 50 метров и укладкой в десять рядов никакой штатный грузчик не возьмется.

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ в этом коллаже, монолог Юры:

— Смотри, Леха, что в газете пишут. Срабатывает давняя традиция:

давай план по производству, строй, наращивай мощности, а как живет рабочий человек — для некоторых хозяйственников дело второстепенное. Это надо осудить, исходя из требований съезда. А вот еще: «А недостаток кадров имеет место потому, что идет большая миграция населения в связи с отсутствием по-настоящему развитой социальной сферы». А? Это, считай, про меня, все эти ГЭСы и ГРЭСы пройдены. Начинаешь — палатка, кончаешь — вагончик, а как сдастся жилой дом — там все конторские. А Юра? Юра — сварной, Юра — арматура, Юра за баранкой; у Юры смежные профессии, давай-ка, Юрий Баткович, начни еще Зейскую, Бурейскую, Колымскую, стране нужен ток! Юра едет. Так и промотался всю жизнь по плотинам да по вагончикам. Ни семьи, ни жилья... Может, хоть сейчас начнет что-то меняться?

Алкоголизация, люмпенизация... Читатель спросит: почему не прозвучали слова «безработные», «бездомные»? Да потому, что в стране не хватает миллионов работников, а уж общежитиями-то мы не бедны, нет, не бедны.

Как вернуть придонных людей в общество? Спецприемники выполняют большую часть задач: задерживают бродяг, вылавливают среди этой массы уголовников и беглых, алиментчиков, явных психбольных и прочих. А вот с социальной адаптацией бродяг дело обстоит хуже. Одной милиции здесь не справиться, слишком сложна проблема.

Процесс перестройки обещает большие возможности в этом плане: ликвидация уравниловки в оплате труда, первоочередное внимание к социальной сфере, безалкоголизация страны, жилищная программа, преодоление пассивности и инертности позволят приостановить процесс пополнения придонного слоя, вернуть людей, может быть, изверившихся, к нормальному, достойному человеческому существованию.

Вновь созданное Бюро по социальным вопросам, видимо, посвятит одно из своих заседаний бродяжничеству. Местным Советам предстоит добросовестно выполнять свою часть задачи, права им более широкие.

Вернувшись из своего «путешествия вниз», я пишу вечерами, после работы книгу. В моей квартире тепло и не дует, но когда я смотрю в заиндевевшее окно на снежный простор, — озноб тысяч людей, ночующих в подвалах и на чердаках, невольно передается мне. И я снова вспоминаю, вспоминаю...

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, снова бичи. Сколько уж раз их бичевали со всевозможных трибун, со страниц газет и журналов, сколько сил положили, чтобы на корню изничтожить этого «общественно опасного паразита». Однако от наших горячих призывов и страстных полумер бич не перевелся. Наоборот, плодится что есть силы, полнит собою приемники-распределители, вонзалы, города, страшит своей нечесанностью. В чем же дело? Или метим мы совсем не туда, а стреляем вовсе не по тем мишеням? Или движет нами «одна — но пламенная страсть» — очиститься от свирепых бродяжничества любыми средствами? Среди коих наименее хлопотным кажется — пересажать?

Публикуя этот материал, присланный в редакцию из Череповца, мы прежде всего хотели бы привлечь к проблеме, а вернее, посмотреть на проблему глазами самого бича. Посмотреть и увидеть, что бичи — это не бессловесная серая масса, но прежде всего люди. Люди, по тем или иным причинам оказавшиеся в «придонном слое». Кстати сказать, именно такой взгляд на проблему, судя по фактам, как раз и дает желаемый результат. Например, не так давно Кировский облисполком принял специальное постановление, обязывающее ряд предприятий принимать на работу бывших бродяг. Без всяких «но». В итоге — резкое сокращение преступлений и правонарушений среди бывших. И, что самое главное, возвращение людей к нормальной жизни.

Первый шаг к решению проблемы бичей: посмотреть на них другими глазами.

Прошлая зима на Кавказе выдалась малоснежной,
зато нынешняя... С первых чисел января
стали поступать тревожные сообщения:
многие горные районы отрезаны
снежными завалами,
начался сход мощных лавин.
Люди попали в беду,
спасатели спешили к ним на помощь.
Прошло какое-то время, и на переломе
с января на февраль
на всю Западную Грузию двинулась
новая атака разъяренной стихии:
обильный мокрый снег вперемешку
с ливневыми дождями.
То холодно было, то все таяло и липось.
И вот новый интенсивный сход лавин
и невиданные по силе наводнения.

СНЕГ, ВОДА И МУЖЕСТВО

Игорь ГАВРИЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька».
Фото автора

ГУДАУРИ

Енег шел неустанно, час за часом, день за днем, неделя за неделей. Самые старые и уважаемые люди в грузинских селениях вспоминали, но никто не нашел в своей памяти близких или дальних зим, когда было бы столько снега.

Внезапно прервалась связь с горно-спортивной базой «Гудаури» — 590 человек, в том числе 250 детей, очутились в снежном мешке. И никто не мог знать, что с ними. Вертолет доставил к базе группу горноспасателей, им пришлось десантироваться в снег. С огромным трудом расчистили площадку, на нее почти вслепую умудрились садиться вертолеты с медикаментами, продовольствием, теплой одеждой. Когда погода улучшилась и «видимость» стала действительно видимостью, вертолетчики вывезли с «Гудаури» всех пострадавших.

А по земле шли дорожники. Метр за метром они освобождали дорогу к базе от невиданной массы снега. Они, конечно, знали, что авиаторы сделают все возможное для спасения людей, но ведь природа могла и

●
Еще
несколько
метров —
и дорога
открыта.

●
Горе.

не предоставить такой возможности. И поэтому шли, шли.... Забыв про отдых, не обращая внимания на смертельную опасность обвалов, спешили на помощь. За спинами дорожников трудились энергетики, восстанавливая снесенные снегом опоры линий электропередач, и здесь же, пробираясь по снегу четырехметровой высоты, хлопотали связисты, разбирая паутину разорванных и спутанных проводов.

Через несколько дней дорога через Крестовый перевал была открыта.

МЕСТИА

Могучие горы устали держать на себе небывало толстое снежное покрывало — и вот, глубоко вздохнув, сбросили его вниз...

В село Жамуши только-только пришло утро. Слабый еще свет заглядывал в полузанесенные снегом окна. Люди просыпались, начинали заниматься привычными делами.

И вдруг все кончилось. Раздался ужасный гул; секунда, другая — и наступила мертвая тишина. На месте, где мгновения назад стояли красивые двухэтажные дома, не было уже ничего — только снег. Там, внизу, под метровыми, скалистой твердостью пластами лавины остались люди.

Эхо разнесло по горам зов о помощи. Сотни людей из всех близлежащих селений бросились на спасение. Никогда в жизни, наверное, они не работали так быстро, слаженно, неустанно. Двое с половиной суток длился леденящий душу труд. Но надежды оказались напрасными — из пасти лавины спасти не удалось никого. Двадцать шесть человеческих жизней поглотила «белая смерть».

Снегопад продолжался. Многометровые заносы и лавины завалили дороги, изолировав Сванетию от внешнего мира. И опять за дело взялись дорожники.

— Был вечер, мы находились в селении Кала, — вспоминает начальник первого дорожного ремонтного пункта Роин Джапаридзе. — Это в девяти километрах от крыши Европы — селения Ушкули. И вдруг повалил такой снег, которого в наших горах никто никогда не видел. Мы сразу сообразили — за ночь он дорогу занесет, ее потом долго не откопашь. А дорога — это жизнь, у нас каждый ребенок знает, что такое дорога. Наш бульдозер стоял в Ушкули. И мы пошли. Вместе с Авто Отхвани пошли за бульдозером, чтобы сразу дорогу чистить.

Два человека, таких беззащитных среди ужасающего могущества гор, в крошечной тьме шли по грудь в снегу, попеременно сменяя друг друга. Шаг за шагом, 18 тысяч шагов...

Не хватило у меня духу спросить у Авто, о чем он думал в те минуты. Посмотрите сами в его глаза. В глаза, в которых навсегда поселилась грусть жестокой памяти. В 1976 году его дом накрыла лавина, сам Авто в тот миг был в подвале. Когда через несколько часов его откопали, ему уже некого было обнять, приласкать, поцеловать: мать, жена и двое его любимых детей погибли.

...На том трагическом месте в селении Жамуши уцелела только древняя сванская башня. Лавина докатилась до самой ее крыши — и отступила, не смогла победить. Башня так и стоит над горами монументом погибшим, символом стойкости живых.

ПРОТИВ СТИХИИ

● Авто Отхвани
вспоминает.

● Вертолетчики
пришли на помощь.

● Так выглядит
сегодня одно из сел
Хобского района.

Телефото
В. Вапшвили (ТАСС)

Пишу эти строки, а на тбилисские крыши большими хлопьями падает мокрый снег. Через час может показаться голубое небо, засиять солнце, запеть птицы. Столица Грузии живет нормально.

Только в штабе борьбы с бедствием — правительственной комиссии, в партийных, советских и хозяйственных организациях обстановка, как на командных пунктах: тревожно, но собранно и деловито.

...Что же там, в горах? И что в долинах? В долинах тоже довольно скверно. То есть очень скверно. Горные реки переполнились и понеслись вниз со страшной силой, затопляя Колхидскую низменность. Непомерно взбухнув, такие в общем-то чепуховые речушки, как Дзирула, Квирила, Техура и подобные им, сорвали мосты, затопили угодья, повредили плотно железной дороги. А уж о столь серьезной реке, как Риони, и говорить нечего. Разлившись и поднявшись на 5—6 метров, она напоминала море, причем разбушевавшееся. И в его волнах неслись к морю чайные кусты и скот, погибая. В Очамчирском районе Абхазии смыло свиноферму. В Ланчхутском районе к пяти животноводческим фермам, спасая их, ринулись бронетранспортеры и «амфибии». Всех 37 отрезанных от суши животноводов удалось эвакуировать. Из шести затопленных сел Хобского района на вертолетах и лодках эвакуировали пять тысяч человек. Сильно пострадали промышленные города Зестафони и Чиатура. В Чиатуре, например, из шести рудоуправлений четыре затоплены...

Вода принесла и человеческие жертвы. Но их количество неизмеримо меньше многих сотен и тысяч пострадавших, которых благодаря принятым мерам удалось спасти, переселить, устроить.

О героизме отдельных участников спасательных работ поначалу было мало что известно. Так бывает, когда героизм в самом деле всенародный, массовый. В работах по расчистке садов, виноградников, чайных плантаций, улиц городов и сел занято много техники, механизмов, вертолетов. Привлечены к работам воины-закавказцы. Люди сплотились перед лицом беды, какой еще в этих местах и в летописях древних не значилось.

И души греют идущие вести о сочувствии и помощи, и, что особенно ценно, вести эти отовсюду. Привожу только несколько свидетельств участия.

ЛИПЕЦК: «Бригада врачей и медсестер детской реанимации города Липецка готова оказать экстренную помощь на месте».

КИСЛОВОДСК: «Выражаю сочувствие грузинскому народу, пострадавшему от наводнения. Направляю 200 рублей. Пусть это будет моим вкладом в помощь жителям районов, принявших на себя удары стихии. Владимир Москаленко».

МОСКВА: «Узнав о стихийном бедствии, семья москвичей Богомоловых выражает глубокое соболезнование всем и высылают 300 рублей в фонд помощи пострадавшим».

Как сообщили нашему корреспонденту, в Тбилисском городском управлении Грузинской конторы Госбанка открыт счет № 000700024, на который можно перечислять деньги в помощь тем, кто попал в беду. К 10 февраля на него уже поступило свыше 8 миллионов рублей.

РОБОТЫ И

«В Японию я отправлялся с твердым намерением: узнать о стране не меньше, чем знаю об улице своего детства. Вышло наоборот: чем глубже приходилось вникать в детали японской действительности, тем больше передо мной возникало загадок и тайн. Отчасти помогло знание языка, но больше — непредвзятость...» — признался нам автор этого материала, известный журналист-международник.

Владимир ЦВЕТОВ

Фото из журнала «Asahi-Graph»

Они смеялись. Громко и раскатисто. Бросали взгляд на свое отражение в выпуклом или вогнутом зеркале и заливались с новой силой. Я невольно расхохотался тоже. Согласитесь, это забавно, когда два десятка солидных мужчин в костюмах-тройках и при галстуках движутся по комнате от зеркала к зеркалу и смеются, словно дети в Луна-парке. Скоро я понял, однако, что поспешил с таким сравнением. Большинство мужчин широко разевали рты и издавали обычные при смехе звуки «ха-ха-ха!» или «хи-хи-хи!» и даже запрокидывали головы при этом. Но пустыми оставались их глаза, и оттого не потешным аттракционом выглядело помещение с зеркалами, а декорацией, в которой будто разыгрывалась инсценировка рассказа Кафки.

За выражением глаз следил дирижер этого странного веселья. Он стоял на возвышении и, пародируя грубоватого войскового старшину, кричал: «Эй, вы, с животом, как у обжоры-монаха, посмотритесь в выпуклое зеркало! Таким вы сделаетесь очень скоро, если не сбавите вес! А вы, ну, чистый Чиполлино!» — обращался к другому мужчине. — Гляньте на свою голову в вогнутое зеркало! Была голова — луковица. Стала голова — лукпорей!» Если же и теперь глаза у находившихся в комнате не начинали светиться весельем, Томодзи Кондо — это он был дирижером — принимался рассказывать анекдоты. В прошлом комический актер, Кондо, казалось, способен был расшевелить египетскую мумию. Однако далеко не все приходило в радостное настроение в этой комнате.

— Ничего, еще три-четыре урока,

и они научатся смеяться, — уверенно сказал мне Кондо. — Через мою школу прошли уже четыреста человек. Теперь нет более оптимистичных японцев, чем они.

Да, это была школа. В ней действительно обучали смеху. И люди платили деньги, чтобы в школу попасть, потому что видели в ней спасение. Помогла ли им школа? Лично я не уверен. Во всяком случае, ни одного адреса выпускников, чтобы проверить свои сомнения, мне не удалось получить.

— Из статистики министерства здравоохранения как-то узнал, — объяснил мне Кондо, — что 81 процент работающих японцев постоянно находятся в состоянии стресса, а 36 процентов задумываются о самоубийстве. И открыл эту школу. — Учитель, не упуская из виду учеников, крикнул кому-то из них: «Полюбуйтесь-ка в зеркало своим бесподобным профилем!» — Смех ведь лучшее лекарство, — продолжил он. — А японцы разучились смеяться. Когда мой ученик привыкнет хотеть от души, я выдаю ему диплом об окончании школы.

Свыше двадцати лет назад в Японии заговорили о болезни, которой до той поры японцы не знали. Я впервые прочел о ней не в медицинском издании, а в «Нихон кэйдзай симбун», что в переводе на русский язык означает «Японская экономическая газета». И в том, что о болезни написал именно этот орган, был свой резон.

Недуг получил название «намари», дословно «притупление». «Нихон кэйдзай симбун» привела его признаки: сначала критическое отношение ко всему, что окружает больного, затем пессимизм, мизантропия и, наконец, полное безразличие. «Инженеры

и менеджеры, пораженные «намари», отбрасывают специальную литературу, забывают технические журналы и читают одни «комиксы». Рабочие грубят начальству и товарищам, совершают поступки, которых никак нельзя было ожидать от них. Больной «намари» никогда не смеется», — завершила газета описание симптомов, но поостереглась указать на анамнез — условия, вызвавшие болезнь.

Осторожность «Нихон кэйдзай симбун» вполне понятна: виной «намари» была система японского менеджмента, которая понуждает японцев трудиться с максимальной отдачей и высоким качеством, но которая создает, по выражению американского ученого в области организации производства Джеймса Эбегглена, «моральную атмосферу змеиной ямы, кишасей завистью и конкурентной борьбой». В японских фирмах только очень близкие друзья знают, когда они действительно согласны с остальными сотрудниками или друг с другом, а когда лицемерят. Другая специфическая черта японского менеджмента — лояльность — предусматривает слепое и, значит, механическое подчинение распоряжениям начальства, что не оставляет, естественно, места творчеству. Производимый сверху и, бывает, не соответствующий желанию самого работника перевод на новое рабочее место, на другой завод, в иной город также превращает человека в пешку, рождает в нем чувство беспомощности и зависимости от фирмы. Это чувство нередко оборачивается озлобленностью и безразличием.

Вероятно, в середине 60-х годов «намари» еще не имело характера пандемии, потому и организовывать школу смеха для лечения болезни никому в голову не приходило. Каж-

дый предприниматель выдумывал собственные средства в зависимости от изощренности ума и своих личных склонностей.

Коносукэ Мацусита, хитрый и удачливый основатель электронной и электротехнической империи «Мацусита дэнки», приказал установить на своих заводах в курительных комнатах манекены, очень похожие на него. Рабочий или служащий могли прийти сюда и отдубасить манекен бамбуковой палкой, чтобы снять с себя стресс, умерить недовольство и избавиться от озлобления. Когда избиение манекена прекращалось, автоматически включался магнитофон и из динамика раздавался голос Мацуситы. Он читал собственные стихи:

Не мечта ли это?
Мы, родившиеся в одной стране,
Сблизив сердца и взявшись за руки,
Можем мы сообща достичь
Мира, процветания и счастья

Японии.

В деле таком разногласья возможны.
Но помни: у японцев единая цель —
Мощь и гармония нации.
И это отнюдь не мечта!

Глава фирмы «Тайё когё», выпускавшей брезент для тентов, Рётаро Номура делал рабочим массаж. Бесплатно, разумеется.

— Когда я замечаю, что рабочий плохо выглядит, у него подавленное настроение, он хмур, — говорил мне Номура, — я приглашаю его к себе в кабинет, осматриваю, определяю, не болен ли (в юности я учился на врача), и заодно делаю массаж.

Эту сцену я снял для телевизионного репортажа. Номура давил пальцами на плечи и шею рабочего, распластавшегося в кабинете на массажном топчане. А потом президент взгромоздился на спину рабочего и принялся разминать мышцы коленями. Картина выросла до символа, может быть, слишком прямолинейного, но таким явила его жизнь.

С того времени прошли два десятилетия. Инфаркты, как причина смерти, сначала потеснили со второго места кровоизлияния в мозг и стали угрожать лидерству, сохранявшемуся пока за раковыми заболеваниями. Не потому, что японцы научились эффективно бороться со злокачественными опухолями. Просто число жертв инфаркта растет быстрее, ибо двадцать лет назад стресс вызывали лишь своеобразные условия труда, а теперь к ним добавились автоматизация производства, внедряемая на капиталистический манер.

...Цех фирмы, производящей металлические кожухи для разного рода механизмов. Робот штампует прямоугольные с округлыми боками футляры. Рабочий вытаскивает их из-под пресса и надевает на крючья транспортерной ленты. Футляры ползут к другому роботу, который лудит их. Новый рабочий перевешивает отлуженные футляры на крючья транспортерной ленты, двигающейся к камере, где очередной робот производит покраску. И в конце технологической цепочки третий рабочий снимает футляры с крючьев и складывает их в стопки...

— Заработная плата неквалифицированных рабочих столь низка, что нам выгодно использовать на некоторых операциях людей, а не конструировать специальные роботы и менять технологию, — без малейшего смущения объяснили мне.

Первые 10—12 минут после начала смены рабочие вешали на крючья и

МИЗАНТРОПЫ

ИЗ ДАЛЬНИХ
СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯСЬ

снимали с них футляры проворнее, чем первый робот штамповал изделия.

Рабочие даже ждали, пока роботы справятся со своими обязанностями, и несколько высокомерно поглядывали на машины. Потом рабочие и роботы действовали вровень друг с другом. А затем люди стали отставать. Движения их приобрели суетливость, неуклюжесть. Я внимательно следил за лицами — бесстрастными, словно изображение Будды в японских храмах. Чувствовал, как в рабочих вместе с физическим утомлением накапливалась психическая усталость.

Можно представить, какое раздражение охватывало стоявшего рядом с роботом-прессом рабочего. Бездушная машина монотонно и безразлично штамповала футляры, не попросить ее, не обругать, не пнуть в конце концов, чтобы чуть сбилась она со страшного своей размеренностью ритма. Единственное, что позволял себе рабочий, — это бросать беглые взгляды на часы: когда же перерыв? Он объявлялся через каждые 45 минут.

...Безлюдный завод. Огромный, величинной с футбольное поле крытый ангар, в котором темно и душно. Роботам, стоявшим в несколько шеренг во всю длину ангара, не требуются свет и свежий воздух. Мрак прорезают мерцающие, как крупные звезды, зеленые огоньки. Если вместо зеленого вспыхивал красный огонек, значит, робот выходил из строя и звал к себе наладчика. Вагонетки, сновавшие с заготовками и готовой продукцией между рядами роботов, светили желтыми фарами — предупреждали наладчиков, появившись они в цехе, о себе. Трассирующими очередями прочерчивали темноту роботы-сварщики. И все это жило лишь звуками: резкая трель электросварки, визг резцов, снимающих с обрабатываемых деталей стружку, шмелиное гудение вагонеток.

А в комнате, откуда завод управлялся, царил свет и тишина. В мягких креслах, расставленных на мягком ковре, сидели программисты и наладчики в мягких тапочках. Они внимательно следили за огоньками на экранах мониторов, готовые по красному сигналу броситься в ангар, наблюдая за приборами, на которых нервные стрелки показывали, как ведут себя роботы.

Здесь было так тихо, будто в наполненном до краев аквариуме. Однако уже через четверть часа странное беспокойство охватило меня. Захотелось каких-нибудь звуков, чтобы убедиться: вокруг не мираж и я не сплю.

Программисты и наладчики, не отрывавшиеся от мониторов и панелей с приборами, вроде бы ничего этого не ощущали. Но это только чудилось. В их глазах происходило обратное тому, чего добивался Томодзи Кондо в своей школе: жизнь уступала место пустоте. Люди тут не торопились, однако уставали физически и морально не меньше, чем рабочие в том цеху с роботами.

И вот, неся в себе усталость и раздражение, рабочий из цеха, где изготавливаются футляры, или служащий с безлюдного завода возвращаются домой. Достаточно шалости детей, громко включенного телевизора, ворчания жены, как тормоза перестают сдерживать перегруженные стрессом эмоции. Человек совершает поступок, которого, выражаясь сло-

вами газеты «Нихон кэйдай симбун», «никак нельзя было ожидать от него»: поджигает свой дом, убивает жену, выбрасывается из окна...

Еще сравнительно недавно Япония по уровню преступности считалась наиболее благополучной страной капиталистического мира. За то время, когда в Токио убивали одного, в Нью-Йорке насильственно лишали жизни больше чем полтысячи человек. За счет преступлений, именуемых юристами «немотивированными» и совершенных в стрессовом состоянии, Япония сейчас быстро наверстывает отставание.

Несколько столетий самоубийство — харакири, например, — рассматривалось в Японии аргументом в споре, способом защитить свою честь или формой мщения врагу. Ныне на сведения счетов с жизнью толкает японцев стресс. Статистика знает все, и, конечно же, ей ведомо, что чаще всего приводит японцев к стрессу. В результате опроса, проведенного среди японцев от 30 до 50 лет — в этой возрастной группе число ежегодных самоубийств увеличилось за 10 лет на 130 процентов, — выяснилось, что 81 процент мужчин и 86 процентов женщин приходят в состояние стресса из-за невозможности хорошо выполнять работу и некоммуникабельности в семье.

Популярная японская публицистка — социолог Кэйко Ногуты свидетельствует: «Самоубийство — результат одиночества при нынешнем урбанизированном существовании. Семейная жизнь сделалась в наши дни всего лишь разновидностью договорных связей с целью продолжения рода. В семейных отношениях нет полного взаимопонимания». Одна из газет задала читателям-мужчинам вопрос: что означает для них дом? Большинство ответило: «Это место, где я сплю». Ничем иным и не может служить дом японскому мужчине, ведь он 10—12 часов в сутки, включая выходные дни, работает на фирму, которую ему внушили почитать больше, чем семью.

Я вспоминаю начало 60-х годов и первый свой приезд в Японию. Увеселительные районы показались мне подмостками, на которых изобретательными режиссером и художником была поставлена веселая и яркая оперетта, сплошь состоявшая из масовых сцен. Меня поразило тогда полное отсутствие пьяных.

Иначе теперь.

...Токийский парк Уэно. В период цветения сакуры полторы тысячи деревьев покрываются здесь белым и розовым нежным снегом, будто взят из сказки. И под каждым деревом — люди, расположившиеся на широкой соломенной циновке вокруг бутья с саке — рисовой водкой. Считается, что они собрались полюбоваться сакурой. «Мы закрываем парк в 8 часов вечера, чтобы никто не успел выпиться до бесчувствия», — сказал полицейский. — Год от года люди ведут себя все беспокойнее».

Толпа, которую я собирался снять для телевизионного репортажа, действительно была молчаливо пьяна. «Люди здесь пьют слишком много», — сообщил из Токио корреспондент французского журнала «Пари-матч» и пояснил: «Это единственное средство справиться со стрессом. Пить по-японски будет «ному», — продолжил корреспондент рассказ. — От этого глагола образовано новое, весьма ходкое выражение «номуникация».

Два миллиона двести тысяч японцев «номуникация» довела до состояния, когда им требуется срочное лечение от алкоголизма. Еще 15 миллионов человек приблизились к этой грани.

Есть в Токио улица, которая, несмотря на внушительную ширину, транспортом используется редко. Автомобильные потоки текут по двум соседним магистралям. Когда бы я ни проезжал по улице — утром, днем или вечером, — по обеим ее сторонам неизменно стояли, бампер к бамперу, автомашины с людьми.

Люди спали.

Солидный бизнесмен, уронив голову на грудь и сложив руки на баранке руля, почивал в дорогом «седрике». Женщина в кимоно и с ребенком за спиной прикорнула на заднем сиденье «хонды». Ребенок спал тоже. Инструктор и два его ученика посапывали в «тоёте» с названием автошколы на дверцах. Знакомый журналист рассеял мое недоумение: японцу нужно немного сна, чтобы хоть на время выйти из стресса и скинуть усталость.

17 октября 1986 года газета «Асахи» сообщила, что Хадзимэ Икэда, преуспевавший глава отделения банка «Фудзе» в городе Ямагата, арестован за мелкую кражу в магазине. Полицию удивил, написала газета, не сам факт воровства — подобных случаев в Японии не счесть, — а то, что Икэда не мог объяснить, почему он это сделал. Больше того, когда полицейский зашел к нему в квартиру, Икэда наручники, он как будто в этот момент очнулся от забытья. Врач-эксперт пришел к выводу, что Икэда совершил кражу в стрессовом состоянии. Оно было вызвано разлукой с семьей. Руководство банка перевело Икэду из родной префектуры за много километров от дома, на север страны. Жена и дети поехать с Икэдой не смогли...

Сорок процентов японских служащих в возрасте от 40 до 50 лет — это «тансинфуни», то есть «перемещенные одиночки». Есть теперь в Японии и такой термин. Фирма грамзаписи «Виктор» выпустила даже пластинку с песней, которая так и называется — «Тансинфуни». Но, видно, мало скрашивает песня тоскливую жизнь «перемещенных одиночек», если все чаще оказываются они замешанными в «немотивированных» преступлениях. Хадзимэ Икэда любил другую песню — «Облака исчезают с рассветом» и часто пел ее бессонными ночами, глядя, как медленно светлеет неприветливое небо Ямагаты.

Другому токийцу, Кадзуо Ёсими, был 51 год, и ему оставалось совсем немного до ухода по возрасту из бумагоделательной фирмы и получения солидного выходного пособия, как неожиданно для всех он оставил работу, бросил жену и двух дочерей и поселился на безлюдном острове во Внутреннем Японском море. Все бережения и имущество он переписал на жену и детей, а сам срубил на острове лачугу и зажил в ней.

«Я не мог больше находиться в Токио», — рассказал он журналистам. — Я решил, что с меня довольно кажущегося стресса, который я испытывал в фирме. Я буквально жаждал жить на необитаемом острове и вот попал туда. Просыпаюсь вместе с птицами. Укладываюсь спать с заходом солнца. Здесь нет электричества, газа, телефона. Я выращиваю для себя немного овощей и фруктов, ловлю рыбу и готовлю на дровах

пищу. Если мне не спится, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Я никогда не был столь счастлив, как сейчас».

Разумеется, японские предприниматели не относятся пассивно к новому явлению, справедливо усматривая в нем угрозу системе менеджмента, что исправно служила до сих пор извлечению высоких прибылей. Школа смеха возникла не только благодаря сметливости Томодзи Кондо, как неспроста появились в детских магазинах секции для взрослых, где можно приобрести от 40 до 50 видов смешных масок, до 300 видов игрушек-шуток — зажигалки, из которых вместо огня вырывается струя воды, мыло, окрашивающее руки в черный или красный цвет. Развлекайтесь, веселитесь, потешайтесь, словно призывают предприниматели, ведь стрессы у рабочих и служащих — прямой убыток фирмам.

Концерн «Мацусита дэнки», как и многие другие фирмы, завел на заводах психиатров. Автостроительная фирма «Ниссан» обязала сотрудников среднего возраста заниматься аэробикой. Фирма фотоаппаратов «Минолта» выделила в конструкторских бюро помещения для медитации и установила в них дежурства священников.

«Нихон тайсанбин когё», выпускающая стеклянную тару, ввела таблицу оценок физического состояния своих сотрудников. 8 очков даются за односторонний турпоход в горы, 3 очка — за час игры в баскетбол, 1 очко — за километровый пробег, 0,2 очка — за 30-секундную стойку на руках. Рабочий или служащий в возрасте 40—44 лет обязан набрать за месяц 40 очков. Кто не выполняет спортивные нормативы, по службе не продвигается. «Стресс надо сбивать стрессом», — взял за правило президент фирмы.

И все же проблему стресса — а она в условиях Японии не столько медицинская, сколько социальная, — японские предприниматели стараются решить прежде всего технологическими способами, не отдавая себе отчета, что уподобляются тем средневековым медикам, которые всякую хворь врачевали выкрикиванием имени больного в колодезь.

«Томи корпорейшн» выпустила робота, внешне напоминающего невысокого человечка. Он ездит по квартире на колесиках. Но стоит недовольно крикнуть, как робот тут же останавливается и начинает униженно кланяться, словно моля о прощении. И у человека исчезает раздражение, улучшается настроение, пропадает стресс.

Остроумно, ничего не скажешь. Конечно, лучше срывать зло на автоматическом «малышке» для битвы, чем на колесиках, да и безопаснее это. С сентября 1985 года по июль 1986 года фирма продала 130 тысяч таких роботов. С тех пор спрос на них возрос еще больше. Это говорит о масштабах проблемы стресса, но не об успехе в ее ликвидации. Те самые опросы, которые в Японии очень любят, подсказывают иной, надежный путь решения проблемы. Когда у японских рабочих поинтересовались, что, по их мнению, требуется, помимо личных усилий, для улучшения жизни, в 80 процентах опросных листов был поставлен ответ: «Изменить политику».

Увы, такая альтернатива технологическому решению для японского правящего класса неприемлема.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Роман

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Профессор Георгий Мартынович Солитов исчез со своей дачи. Сотрудники угрозыска и прокуратуры выясняют, что там он занимался расшифровкой старинных рецептов. Во время одного из опытов произошел взрыв в кабинете профессора. В день своего исчезновения Георгий Мартынович взял из сберкассы тысячу пятьсот рублей, очевидно, для того, чтобы купить предложенную ему очень редкую и ценную книгу. Ведущие следствие Гуров и Люсин проверяют в больницах и «Скорой помощи», не произошел ли с Солитовым несчастный случай.

Главврач вначале раздраженно поиграл лицевыми мускулами, потом все же смиротворился и позвонил в регистратуру. Но результат вновь оказался отрицательным. Вопреки утверждению Горбунова, узнавшего в размноженном для всесоюзного розыска портрете человека, которого видел три дня назад лежащим без сознания на Пролетарской площади, Солитов ни под каким видом в матрикулах волжанской «Скорой помощи» не значился.

— Может, его еще какая машина взяла? — высказал напоследок предположение главврач. — Не наша?.. Вы поспрашайте в больницах.

— Поспрашаем, — почти в один голос пообещали Гуров и Крелин. Они знали, что местный угрозыск уже и без того ищет по всем лечебным учреждениям.

Первый намек на след обнаружился в пункте травматологии, где наконец задержанный дежур-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ный врач опознал, хоть и с известной долей сомнения, предъявленную ему фотографию.

— По-моему, он у нас был. Травма черепа, если память не изменяет. Я, правда, не смог им заняться, потому что в тот день, как назло, было много несчастных случаев. Сами понимаете, что это для нас значит. Мы буквально разрывались на части... Полной гарантии дать не могу, но лицо определенно знакомое.

— Кто его доставил, не помните?— спросил Крелин.

— «Скорая помощь», надо думать. Помнится, он был без сознания. Вся голова в крови, над левой бровью ссадина. Я первым делом велел обработать раны. А потом привезли девочку со сложным переломом голени, и я его больше не видел.

Подняли документы, хотя было уже далеко за полночь. Куря сигарету за сигаретой, Гуров сам перелистывал журнал, не слишком полагаясь на клевавшую носом сестру. Таинственный пациент с ранением черепа не значился, однако, и в этих списках.

— Чертовщина какая-то!— Борис Платонович снял очки и устало зажмурился.— Девочка с голенью есть, а его нету.

— Кроме вас, кто-нибудь еще дежурил в тот день?— сохраняя полнейшую невозмутимость, включился в разговор Крелин.

— Галина Марковна. Мы с ней постоянно в одной смене работаем.

— Ее можно сюда пригласить?

— Почему же нет? Только вам придется немножко подождать.

— Сложный случай?— Крелин сочувственно улыбнулся.

— Алкоголик из окна вывалился,— дал соответствующее пояснение врач.— С третьего этажа... Вы извините, но мне тоже пора бежать. Трехлетнего мальчика привезли на милицейском мотоцикле. Папин свисток проглотил, понимаете... И смех, и грех.

— Работа,— заметил Крелин, оставшись вдвоем с Гуровым.

— Не позавидуешь,— согласился следовательно, ощущая, как мозг заволакивает расслабляющая дымка.— Выйду покурить на чуток.— Он привычно хлопнул себя по карманам.

Галина Марковна явилась нескоро, когда ночь пребывала в самой глухой поре. Гуров и Крелин встрепенулись, как по команде, когда раздался уверенный стук каблучков, гулко отозвавшийся в пустоте коридора.

— Это вы меня ждете?— Вошла высокая женщина с нездоровым румянцем. Она была явно взвинчена.

— Видно, тот еще фрукт вам достался!— Крелин шагнул ей навстречу.

— Не то слово!.. Вы из милиции?

— Из милиции.

— Тогда можете забрать свое сокровище. Ничего серьезного. Таким почему-то всегда везет. Счастливо отделался.

— Простите, Галина Марковна, но мы совсем по другому вопросу.— Гуров поспешно достал фотографии.— Вам знаком этот человек?

— Где-то я его как будто видела.— Она неуверенно пожевала губами.— Нет, не припоминаю.

— Травма черепа,— подсказал Крелин.— Ссадина над левой бровью...

— Ах, этот!— вспомнила Галина Марковна.— Ну, конечно, ко мне его доставили после перевязки, когда он был уже весь в бинтах... Однако у того было немножко другое лицо.— Она еще раз внимательно взглянула на снимок.— По-моему, это не он.

— Вы уверены?— Крелин вновь переглянулся со следователем.

— Определенно.— Она щелкнула ногтем по фотографии.— Здесь круче излом бровей и форма носа иная: горбинка и более широкий разворот крыльев.

— Очень может быть, Галина Марковна!— воскликнул Гуров, то ли в приливе восторга, то ли, наоборот, негодуя.— Вы исключительно наблюдательная женщина!

— Я специалист по черепным травмам.— Она охладила его высокомерным взглядом.

— Тогда тем более мы должны положиться на ваше авторитетное заключение.— Гуров привычно потянулся за сигаретой, но опомнился и лишь огорченно махнул рукой.— Если бы не одна досадная мелочь. Почему больной, о котором идет речь, нигде не значится?

— Понятия не имею. В мои обязанности не входит вести запись.

— Кто же должен в таком случае?

— Поинтересуйтесь у сестры. Я вам ее подожлю.— Галина Марковна возвратила снимок, обнаружив намерение удалиться.

— Одну минуточку!— деликатно остановил ее Крелин.— Извините... Нас вовсе не интересуют ре-

гистрационные процедуры. Нам человек нужен, Галина Марковна.

— Какой?— мгновенно и точноотреагировала она.— Этот, что на карточке, или тот, кого мы обследовали?

— Безусловно, этот.— Крелин машинально взглянул на фотографию.— Вашего мы ищем, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Где он может находиться в данный момент, как, по-вашему?

— Узнайте в психоневрологическом. Скорее всего, мы переправили его туда. Правильно, так оно и было.

— На чем переправили?— спросил Гуров.

— Да на той же машине!

— Понятно,— кивнул Крелин.— Но почему именно в психоневрологический? Для этого, очевидно, были какие-то основания?

— Без оснований, товарищи, ничего не делается. Во-первых, больной, придя ненадолго в сознание, был очень возбужден. Судя по всему, его мучили нестерпимые боли. Установить с ним контакт не удалось, хотя каких-либо внешних нарушений я не обнаружила. При рентгеноскопии костей черепа тоже повреждений не выявилось.

— Значит, у вас должен остаться рентгеновский снимок?— обрадованно воскликнул Гуров.

— Не думаю. В подобных случаях мы все отправляем вместе с больным. Порой от какой-то минуты зависит человеческая жизнь.

— М-да, у вас времени зря не теряют,— саркастически процедил Гуров.— Наверное, сестра даже не успела оформить!

— Не знаю, спросите у сестры. Мы сделали все, что полагаемся: обработали раны, наложили перевязку, ввели обезболивающее. Специалистов по нейрохирургии у нас нет, психиатров — тоже. На том и расстались к обоюдному облегчению.

— А ночь хороша!— Выйдя наружу, Гуров полной грудью вдохнул теплый, насыщенный сыростью увядания воздух.— Тихо-то как, господи! И звезды!— Он достал сигареты и присел на ступеньку возле дряхлого, облупившегося льва.— В гостиницу поедem?

— Куда же еще?.. Вздремнуть часок-другой не мешает.

— Что верно, то верно. Утро вечера, как известно, мудренее. Может, и нам блеснет улыбка удачи на путях скорби.

Но напрасны были упования на утро. Оно не принесло ясности. Крики окрестных петухов не разогнали ночную нечисть. В психоневрологическом диспансере материальных следов таинственного пациента тоже почему-то не обнаружилось. Прямо наваждение какое-то!

Гуров крепко взял в оборот заместителя главврача.

— Значит, вы признаете, что у вас был такой больной?— быстро разобравшись в обстоятельствах, поставил он вопрос перед замом.

— Несомненно.

— Его доставили в машине «Скорой помощи» из травматологии?

— По-видимому, так, раз они утверждают.

— Но записи нет?

— Записи нет, хотя дежурная сестра Глазунова Лариса Ивановна была обязана это сделать.

— Вы слышите, гражданин Глазунова?— Борис Платонович медленно перевел взгляд на милую девушку в кокетливо облегающем халатике.

— Я хотела записать, когда будет заполнена медицинская карточка.— Она обиженно заморгала, не чувствуя за собой никакой вины.

— Карточку заполнили?— Гуров вновь переключился на зама, который то и дело вытирал платком солидную лысину.

— Поймите же наконец, что в этом не было никакого смысла!

— Почему, позвольте узнать?

— Да потому, что больной был направлен явно не по адресу! Мы сразу поняли, что это не наш больной. В травматологии не разобрались должным образом и спихнули нам.

— Теперь понятно. Вы обнаружили ошибку, разобрались и перепихнули дальше. Я правильно понимаю?

— Вам не кажется, что вы разговариваете со мной в недопустимом тоне?

— Не кажется,— с обдуманной резкостью оборвал Гуров.— Я лишь повторяю ваши слова. Или спихивают только в травматологии? Вы, значит, переправляете по принадлежности?— Он постарался поточнее передать интонационное звучание.— Если так, то прошу прощения... Короче говоря, куда направлен больной?

— В первую больницу. У них хорошая терапия и есть опытный консультант по нейрохирургии.

— Поедем туда, Борис Платонович,— сказал молчавший до тех пор Крелин.— Не будем терять времени. Ведь все ясно: больной не их, его переправили по принадлежности, а эта милая девуш-

ка, не обнаружив заполненной карточки, забыла сделать запись в журнале.

— Да.— Гуров медленно и как-то не очень охотно поднялся.— Дело действительно ясное. Но мы еще вернемся сюда...

В первой больнице мистический туман развеялся без следа. Все объяснилось, как по щучьему велению: запись в книге, история болезни за номером девять тысяч семьсот двадцать три, амбулаторная карта и даже сопроводительные листы, которые недоверчивый Борис Платонович совершенно напрасно отнес к категории мифических. Они пребывали в первозданной целостности, то есть в двух экземплярах, потому что перевозившая больного бригада, точнее, входившая в нее сестра, позабыла в хлопотах оторвать положенную половину. Так и передавали человека из рук в руки вместе с бумагами (рентгенограмма черепа тоже нашлась), и никто не обратил внимания на «пустяк».

А «пустяк» этот наглухо обрубил за безвестным страдальцем концы. Распутать столь безнадежно, хотя и без всякого умысла запутанный узел воистину мог лишь следователь, притом столь цепкий, да еще с помощью криминалиста из уголовного розыска.

Не склонный к проявлению сантиментов Гуров настолько расчувствовался, что даже поцеловал руку пожилой даме, заведовавшей отделением, в котором — в это все еще было трудно поверить — находился в данную минуту больной.

— Спасибо вам за вашу доброту!— едва не прослезившись, поблагодарил он, выслушав подробный рассказ о предпринятых медицинских мерах.

— Никакой моей доброты тут нет,— отклонила она незаслуженную похвалу.— Просто самый элементарный долг.

— Но ведь без документов человек и даже имя его неизвестно!..

— Ну и что? Медицинская помощь гарантирована у нас всем без исключения Конституцией. Был бы человек, а документы найдутся.

— Вот это правильно!— воскликнул Гуров.— А на него можно взглянуть хоть одним глазом?

— Вообще-то мы стараемся в реанимацию не особенно допускать, но у вас, как я понимаю, исключительный случай!

Глава четырнадцатая

ЗОЛОТОЙ ЭЛИКСИР

Надеясь перехватить Бариновича до начала рабочего дня, Люсин вышел из дому затемно, когда в простом геометрическом узоре спящих окон можно было насчитать лишь два-три освещенных квадратика. Служебная машина на такой случай была не предусмотрена — чином не вышел, а ехать предстояло через весь город. Сначала на метро с двумя пересадками, затем автобусом.

Записанное все на том же газетном клочке имя ничего не говорило ему, и он совершенно не представлял себе, с кем придется иметь дело. Звонить в справочную почему-то не захотелось. Да и что существенно важного она могла сообщить? Разве только место работы?

Люсин не знал, что у Бариновича два присутственных дня в неделю и застать его дома отнюдь не проблема. Для этого не только не требуется вставать ни свет ни заря, но вообще удобнее явиться с визитом попозже, поскольку Гордей Павлович предпочитает работать ночью, а утром поспать.

— Хорошо сделали, что зашли!— Гордей Павлович энергично потряс в пожатии руку и выжидательно примолк.— Вы, простите, откуда?

— Мне сообщили о вашем звонке,— коротко объяснил Люсин и нерешительно, словно что-то мешало ему, потянулся за служебным удостоверением. Этот чудаковатый человек с воспаленно припухшими веками определенно не подходил ни под какие стандарты.

— Я вам звонил?— удивился Баринович и тотчас, словно устыдившись своей забывчивости, закивал круглой, коротко остриженной головой.— Вообще-то звонил, надо думать.

— Я по поводу профессора Солитова,— осторожно намекнул Владимир Константинович.

— Ах, как это я сразу не догадался!— Он горестно всплеснул руками.— Значит, вы от Натальи Андриановны?

— Конечно,— уверенно подтвердил потрясенный в душе Люсин, чувствуя, что вяпался, не спросая броду, в какой-то очень круто заверченный омут.— Мы с ней знакомы.— Предпочитая не кривить душой без крайней нужды, он выбрал именно такую формулировку.

— Понятно, иначе бы она не дала мне ваш телефон.

— Ну, необязательно,— уклончиво протянул Владимир Константинович, не уставая изумляться. Внутренний облик Бариновича, которого связывали с Наташей какие-то совершенно неизвестные отношения, стал еще более загадочен. Скрамная квартира, примечательная разве что обилием книг, ничем его не проясняла.

— Если я правильно понял Наталью Андриановну,— Баринович пропустил реплику мимо ушей,— вам может пригодиться даже самая незначительная с виду подробность. По-видимому, это действительно так, потому что нет более трудной задачи, чем воссоздание прошлого. Близкого ли, далекого — не в том суть.

— Вы совершенно точно поняли.

— Тогда будет лучше, если я попытаюсь почти дословно восстановить тот телефонный разговор. С моим знакомым. Он, кстати сказать, даже не подозревал, что с Георгием Мартыновичем могло что-то такое случиться. Как и я, впрочем. Странная вещь: человека уже нет, а о нем говорят как о живом. И все потому, что не знают. Это похоже на свет сколлапсировавшей звезды. Она безмятежно горит в ночном небе, а мы и не догадываемся о чудовищной катастрофе, которая случилась миллионы лет до нас. Просто информация не успела дойти, хотя и несется со скоростью света.

— Очень образно,— оценил Люсин, мысленно сделав стойку. Ничем не выдавая своего интереса, он выслушал короткий рассказ о телефонном звонке неизвестного пока Пети, предложившего продать травник с печатью метра Макропулоса. Ценность сведений едва ли можно было завысить. Не говоря уже о том, что стало ясно, для чего Солитову спешно понадобились деньги, обозначилась еще одна неизвестная доселе нить.

— Когда вы виделись с Натальей Андриановной в последний раз?— Люсину прежде всего было необходимо прояснить общую диспозицию.

— Позавчера. Мы вместе возвращались из гостей. А наутро я уже вам звонил. Но вас, к сожалению, не оказалось на месте... Надеюсь, мое сообщение не слишком запоздало?

— Ни в коей мере.— Люсин задумчиво покачал головой.— А Наталья Андриановна молодец, что надоумила вас!

— Она человек исключительной деликатности. Очевидно, у нее были причины настаивать на том, чтобы я сам рассказал вам обо всем. Вернее, не причины, как таковые, а психологически точное ощущение того, что, подобает, а что неприемлемо.

— Пожалуй,— согласился Люсин.

Баринович все острее будил его любопытство. Наивная распахнутость естественно сочеталась у него с углубленной чуткостью и широтой мысли.

— Петю этого вы хорошо знаете?— Владимир Константинович зашел с другой стороны, хоть его и покорила примитивная обнаженность вопроса. Уж очень по-милиейски выходило, в худшем, разумеется, смысле. Тем более, что имя книжника вырвалось у Бариновича ненароком.

— Я бы сказал, давно,— мягко поправил Баринович.— Одно время он поставлял мне необходимые для работы книги. Это лучший знаток библиографических редкостей, какого я знаю.

«Ученый,— рассудил Люсин,— как Солитов, Наташа, как они все. Отсюда и контакты со всеми разветвлениями».

— Постарайтесь понять меня правильно,— воззвал он к разуму собеседника,— но мне нужны более подробные сведения: фамилия, адрес, можно телефон... Нет-нет!— Предвидя реакцию, Владимир Константинович протестующе воздел руку.— Я не произношу слово «спекулянт», хоть оно и просится на язык, и вообще, даю честное слово, мне нет никакого дела до побочных занятий вашего знакомого. Он интересует меня только в связи с Георгием Мартыновичем. Исключительно!

— Понимаю вас.— Наливая краской, Баринович опустил голову.— Но позвольте не отвечать. Я должен хорошенько обдумать.

— Я вас тоже глубоко понимаю. Если есть внутренние препятствия, лучше вообще снять проблему. Целиком. Как говорится, замнем для ясности.— Люсин взмахом развеял воображаемый дым.

Он мог позволить себе этот красивый жест. Книжник такого класса, да еще имя названо, недолго останется неизвестным. Бариновичу при всем его уме и невдомек, как это поразительно просто.

— Ценю ваш такт.— Без тени иронии Баринович приложил руку к сердцу.

— Суть в том, Гордей Павлович, что у каждого ремесла свой набор приемов. Мне, чтобы правильно ориентироваться, необходимо проникнуть в мир интересов Георгия Мартыновича, сжиться с обстановкой, наконец, научиться читать все эти алхимические криптограммы. Ведь в его записях, извините, сам черт ногу сломит!

— Этому нужно учиться всю жизнь. Причем не просто учиться. Надо еще и любить, и чувствовать прелесть, и получать удовольствие. Возможно ли разобраться в поэзии без любви? В букете изысканных вин без трепета наслаждения?

— О таких эмпиреях я даже не мечтаю.— Люсин обезоруживающе, с простоватой хитрецей ухмыльнулся.— Мне лишь в самых общих чертах... Характер последних химических опытов, причина взрыва, галлюциногены, токсичность и тому подобное. Войдите в мое положение.

— Давайте попробуем.— Баринович пожал плечами.— Хотя боюсь, что и мне подобный орешек окажется не по зубам. Георгий Мартынович иногда нарочно зашифровывал записи.

— Зачем?

— А просто так, из любви к искусству. Вы вот говорите, что хотели бы вжиться в образ, в обстановку и все такое. А он? Ему-то это было куда важнее! Облик эпохи, ее пророческий символизм. Не только златоделы и врачеватели берегли свои записи от чужого глаза, но и такие титаны мысли, как Леонардо. Его кодекс, хранящийся в коллекции Хаммера, написан, например, в зеркальном отображении. Одной тайнописи, очевидно, показалось недостаточно. Величайший из гениев, судя по всему, с одинаковой ловкостью писал и слева направо, и справа налево. Расшифровщикам, прежде чем приняться за работу, пришлось обучиться такой манере письма. Насколько я знаю, Георгий Мартынович овладел символикой алхимиков по ходу дела. Пытаясь воссоздать рецептуру чудодейственных эликсиров, он перелопатил такую грудю чернокнижной писанины, что волей-неволей стал разбираться во всевозможных тонкостях. Неудивительно, что ему порой хотелось слегка поиграть в эту увлекательную премудрость. Я его вполне понимаю.

— А вы лично верите, допустим, в универсальное лекарство? Хоть чуть-чуть...

— Ни в малейшей степени. Кому только не приписывала молва подобное средство: Калиостро, Сен-Жермену, Макропулосу — бог знает кому... Даже прорицателю Нострадамусу и Амбруазу Паре, придворному лекарю французских королей. Мифическому Христиану Розенкрейцу, наконец... Однако согласно датам, которые приводит словарь Лярусс, все эти благодетели человечества прожили вполне умеренные отрезки жизни. Отнюдь не Мафусаилы... Уверю вас.

— Выходит, поиски Солитова заранее были обречены на провал?

— Это еще почему?— решительно не согласился Баринович.— Во-первых, разрешение загадок, даже такого плана, уже вклад в науку, хотя самого Георгия Мартыновича интересовала проблема иного рода. Темное суеверие, наглость шарлатанства, отголоски языческих ритуалов, наконец, самоослепление, от которого не застрахован и современный ученый, — все это, конечно, имело место. Но ведь было же и нечто иное! Драгоценные крупы народного опыта, провеянные сквозь сита тысячелетий! Подлинные открытия, рожденные в укроном мраке лабораторных келий, куда добровольно заточили себя искатели невозможного! Вспомните хотя бы вакцинацию, которую применили против оспы задолго до того, как был открыт возбудитель болезни. Микробы вообще! А паутина? А плесень, коей наши деревенские бабки лечили загнившие раны? Сотни и сотни лет прошло, пока Флеминг додумался до препарата на основе грибка пеницилла.

— Значит, и в этой области деятельность Солитова представляется вам вполне целенаправленной?

— Безусловно. Ведь в каждом, даже составленном заведомым шарлатаном рецепте долготлетия содержались компоненты, в которых, скажем так, аккумулировались надежды той или иной эпохи.

— Извините.— Люсин смущенно пожал плечами.

— Хорошо!— Баринович зашел с другой стороны.— Возьмем наши дни. Разве и мы с вами не разделяем в какой-то мере древнейших суеверий насчет алхимической панацеи? Про экстраксы и тибетских врачей, будто бы излечивающих от всех болезней, я уж не говорю. Просто обращаю ваше внимание: от всех! Но вспомните хотя бы женьшень, который издревле мнил панацеей. Лишь совсем недавно, уже на нашей памяти, этот загадочный корень жизни лег наконец на лабораторный стол. Теперь по крайней мере мы хотя бы приблизительно знаем сферу его применения. Она, увы, не безгранична, как бы этого нам ни хотелось. Ни рог носорога, ни элеутерококк, чьи вытяжки включают ныне во многие рецепты, не способны сотворить чудо. Но знать их возможности необходимо. Сама история как бы нацеливает исследователя на тот или иной препарат. В иные времена самым универ-

сальным лекарством считалась роза. Прекрасно! Она и в наши дни исправно несет свою целительную службу. Но сколько было других помощников, нам, к сожалению, неизвестных!

— Мандрагора, например?— подсказал Люсин.

— Возможно, и мандрагора, хотя наши медики не признают за ней особых достоинств.

— Она могла играть свою роль в комплексе с другими лекарствами.

— Правильно, в комплексе! Сила растительных сборов проявляется в ансамбле, где даже абсолютно ядовитые составляющие подчас совершенно меняют свое поведение. Такова, например, белладонна, которую вместе с дурманом успешно применяют против астмы, конечно, в соединении с другими травами.

— Я с удивлением узнал, что у нас есть богатые плантации лекарственных трав.

— Ничего удивительного. Целебные травы испокон веков выращивали. Мы лишь возродили исконную традицию. Тот же женьшень культивируется уже не только в Приморье, но и на Северном Кавказе, даже в средней полосе.

— Признаюсь, что с первого взгляда сад Георгия Мартыновича произвел на меня жутковатое впечатление.

— Уверен, что лекарственное сырье вскоре будет выращиваться только в промышленных масштабах. Иначе нельзя. Казавшиеся неисчерпаемыми кладовые природы скудеют прямо на глазах... Но мы говорили о вспышках моды. Вчера это были проростки пшеницы или несоленый рис. Сегодня — свекольно-морковный сок или отвар овса с курагой и изюмом. Смешно, конечно, возлагать слишком большие надежды, но в каждом из этих простых средств есть свое целительное начало. Поэтому тысячу раз был прав провидец Солитов, обратясь к далекому прошлому. Наши предки, как и мы, подверженные поветриям слепой веры, были все-таки не глупее нас. Согласны?

— Бессспорно. Но и не умнее! Напоминание о «черной смерти», выкосившей три четверти Европы, заставило меня серьезно поразмыслить. Несмотря на все издержки прогресса, его победное шествие великолепно. Я, признаюсь, остро завидую нашим потомкам, что совсем не мешает мне почитать наследие предков.

— В чем-то мы стократно их превзошли — достижения цивилизации налицо, — но в чем-то стали беднее. Нерастроченный опыт поколений, бережно передававшийся от отца к сыну, — хитрая вещь! Не случайно мы так ухватились за простые средства, поняв, что нельзя постоянно палить из пушек по воробьям. Чай с малиной, отвар липового цвета куда надежнее и, главное, безопаснее помогут справиться с обычной простудой, нежели аспирин, подавляющий производство простагландинов в организме, или того пуще — антибиотиков. Вот и судите теперь, прав был или же нет Георгий Мартынович, выискивая активное начало в «Чаше Сен-Жермена», которым самозванный граф потчевал Людовика Пятнадцатого. Мне кажется, стопроцентно прав! Или возьмем «Золотой эликсир Калиостро», коим великий самозванец подкреплял рано увядшие силы следующего Луи, столь пылко влюбленного в свою ненаглядную Марию-Антуанетту. Про бальзам Амбруаз Паре, который действительно был гениальным врачом, я уж и не говорю.

— Я вижу, вы сильны не только по исторической части, но и в химии.

— В какой-то степени, — с явным сомнением пояснил Баринович.— Я ведь защитил диссертацию по органической химии. Мы общались с Георгием Мартыновичем, беседовали, но каждый шел, что называется, своим путем. Иногда я помогал ему в чем-то, но чаще сам прибегал к нему за советом.

— Вот уж не думал, что столько крупных ученых занято в подобной области. На стыке, так сказать, истории и точных наук.

— Какое там! — отмахнулся Гордей Павлович.— Раз-два, и обчелся, хотя и существует в системе союзной академии специальный Институт истории естествознания. Чтоб вам было ясно, ваш покорный слуга этой самой историей и занимается. И таких, как я, в нашей системе человек двадцать, если не тридцать. Солитов же — уникал! Но историческими разработками он занимался лишь постольку-поскольку, в сугубо прикладных целях, оставаясь строгим естествоиспытателем: фармакологом и химиком-биооргаником.

— В чем-то он, наверное, был очень счастливым человеком! — вынес неожиданное заключение Люсин.

— Нет, Георгий Мартынович не был счастливым. Баринович медленно покачал головой.— Увлечение, страсть, упоение самим процессом исследования — все это было, но счастье... Он остро, я бы даже сказал, саморазрушительно, переживал свое одиночество.

— А Аглая Степановна?

— Я почти ничего не знаю о ней. За все время мне лишь однажды удалось вырваться к нему на дачу. Мы все больше зимой встречались, когда он жил один-одинешенек в своей квартире. Больно уж далеко было до него добираться.

— Конечно, конечно...— Люсин мимолетно улыбнулся, спокойно ощущая ускользающую близость какой-то необыкновенно важной разгадки.— Георгий Мартынович, значит, все летние месяцы проводил за городом...

— Каждый год переселялся туда с первыми весенними деньками. С первыми цветами мать-и-мачехи.

— Как странно! Я ведь толком и не знаю, как выглядит мать-и-мачеха...

— Все меньше остается ее на весенних склонах. Любка, ландыш, адонис почти исчезли из наших подмосковных лесов. Калган, корень валерьяны днем с огнем не сыщешь. Даже кувшинка пропала — украшение зачарованных вод. Дело, конечно, не в красоте, хотя и в красоте тоже. Когда из жизни исчезают пусть самые неприметные с виду былинки, она необратимо беднеет. Но тут не былинки — растения чудодейственной силы! Издревле дарившие нас частицей своей сокровенной мощи. И не какие-нибудь знахарские, хотя и этих жаль, потому что прекрасны и таят нераскрытое, но самые-самые, аптечные, признанные официальной медициной...

— Разве кувшинка тоже относится к числу зелейных?— блеснул военным термином Люсин.

— В ее цветках и корневищах обнаружена уникальнейшая смесь алкалоидов! Один нимфеин чего стоит. Солитов, кстати, получил на его основе снотворный и болеутоляющий препарат широкого действия. Вот вам еще один пример поведения растительных ансамблей. Яд кувшинки, довольно сильный и стойкий, в соединении с ядовитыми же алкалоидами зверобоя дает безвредное усыпляющее средство. Об этом знал, между прочим, Макропулос, включивший одолень-траву в свое знаменитое снадобье.

— Одолень-траву?

— А вы не догадывались?— торжествующе рассмеялся Баринович.— Это она и есть, наша кувшинка!

— Ах да, верно!— просиял Владимир Константинович, вспомнив переписанные им карточки ведьмовских зелей.— «Кто тебя не любить станет и хочешь его присушить, дай ясти корень»...

— Из солитовского собрания?— улыбнулся Баринович.— Кувшинка действительно входила в состав приворотных зелей.

— И помогало?

— А вы попробуйте!

— Не на ком.— Люсин невесело ухмыльнулся.— Для этого надо сначала влюбиться.

— Также мне препятствие! На улицу выйти страшно, столько красивых женщин. По-моему, их с каждым днем все больше и больше. Вы не замечали?.. Я так влюбляюсь почти ежедневно. Ненадолго, правда, потому как вечно занят и обременен семейством.— Глаза Бариновича затуманились легкой грустью.— Старость, наверное?

— Наверняка не скажу, но что-то в этом роде,— вполне сочувственно подтвердил Люсин.— Влюбиться безответно, до сумасшествия, страдая, сходиться с ума и наконец обрести взаимность, пустив в ход приворотное средство... По-моему, это прекрасно!

— За чем же дело стало?

— За зельем, конечно... Вы мне очень помогли, Гордей Павлович. На многое я смотрю теперь иными глазами. Некоторые прежде совершенно непонятные вещи раскрылись с самой неожиданной стороны. Поэтому попробуем возвратиться к нашим баранам.

— К драконам!.. Лично я предпочитаю драконов, коль скоро заходит речь об алхимии. Красный дракон, черный дракон... Зеленый, если угодно, змий.— Баринович залиvisto рассмеялся, настроившись на игровые темы.

— Не приходилось,— сознался Люсин,— хотя я и ходил на БМРТ за треской и сельдью в студеные моря... В молодости. Однако ваше пожелание насчет драконов целиком принимаю. Тем более, что мне действительно хочется проконсультроваться с вами относительно чертовщинки.— Он раскрыл блокнот с заготовленными вопросами.— В записях Георгия Мартыновича попадаются примечательные рисуночки: скелетики, птички вроде ворон, истекающие каплями крови сердца. Что все это может означать, как, по-вашему? Бессознательная регистрация мрачного умонастроения? Чертики, которых мы зачем-то малюем в состоянии глубокого сосредоточения?

— Не думаю, хотя трудно судить вне всякой связи с контекстом. Скорее всего здесь имеет место первоначальная химическая символика. Ведь латинская аббревиатура элементов и системы записи реакций возникли сравнительно недавно. Вплоть до самого нового времени в этом де-

ОТ СУДЬБЫ К СУДЬБЕ

«...Я завидую беллетристу, который может придумать чужую жизнь, сочинить ее без всяких для себя неприятных последствий. Но «крест» документальности я когда-то принял и несу добровольно...» — так написал Абрам Старков в своей книге «...И далее везде» (издательство «Советский писатель»). Книге, ставшей для него последней.

Работал над ней Абрам Лазаревич, уже будучи тяжело больным (у него отняли обе ноги), зная, что дни его сочтены.

Еще школьником Старков начал печататься в ленинградской пионерской газете, был деткором. Сотрудничал во многих изданиях. Чуть было не стал моряком-полярником. Потом война, фронт. Ледокол «Сибиряков», на котором он плавал помощником капитана по политической части. С 1948 года почти четверть века был корреспондентом «Огонька». И всегда писал.

Книга «...И далее везде» автобиографическая. Но автор часто извиняется перед читателем, чувствуя неловкость, когда, по его мнению, излишне углубляется в личные перипетии. Он был вообще очень застенчивым, этот большой красивый человек, ступавший по-моряцки чуть враскачку...

Большой, кропотливый труд проделал Старков. Он отыскивал своих былых коллег по «Искорке»... «Молоденькую переводчицу с не очень часто встречающимся именем Сусанна и совсем уж экзотической фамилией Згут». Она отличилась тем, что «пересказала» в газете «про саламандру». За эту публикацию начальству сильно досталось, ее сочли «неприличной» даже для взрослой газеты, не говоря уж о пионерской. Старков встретил ее на войне во флотской форме — «странноватая девушка с беспокойным, блуждающим взглядом». ...И не решился подойти к ней. Жестокая судьба — в блокаду у нее умер муж, сын-малышка. Когда Старков стал работать в «Огоньке», писательница Сусанна Георгиевская приносила в редакцию свои рассказы.

У Абрама Лазаревича была феноменальная память и та самая любознательность, которая присуща настоящему журналисту. Он, наверное, знал биографии всех общественных деятелей, военачальников, директоров заводов — ушедших и здравствующих. Их дела, ошибки, достижения и просчеты. То, что другим приходилось выяснять, проверять, у него было четко отложено в голове. И потому, когда он встречался с людьми, о которых должен был делать материал, он заранее знал, на что сле-

дует обратить больше внимания и о чем спросить...

«Я горжусь своей профессией,— писал Старков как-то,— которая ведет меня от человека к человеку, от судьбы к судьбе». И до последних своих земных минут он был мыслями с людьми, с которыми посчастливилось повстречаться.

Так дописал он сюжет о полярном летчике Георгии Александровиче Страубе, имя которого в двадцатых годах было так же широко известно, как нынче имена космонавтов. Страубе вместе с Чухновским был одним из тех, кто нашел и спас членов экспедиции Нобиле. Рассказал нам автор и о несправедливо осужденном подводнике Константине Шуйском, которого только в войну вернули на флот. «Первой его боевой наградой было снятие судимости... А потом пошли ордена, и среди них орден Александра Невского, после которого приятели стали называть Костю «князь Шуйский-Невский». Костя сгорел в подводной лодке.

Легендарный герой гражданской войны командарм Павел Дыбенко, летчик-испытатель Марк Галлай, капитан дальнего плавания Александр Гнузев, летчица Ольга Ямщикова, водолаз Густав Гутт... Это герои очерков Старкова. Не каждому удавалось выбрать таких интереснейших людей, а тем более суметь написать о них достойно! Но в книге Старкова интересен каждый, пусть даже незначительный человек, каждая судьба.

Вот приятель юношеских лет Алик Ривин, о ком так почти и не удалось ничего узнать. Главное — стихи его затерялись в этих страшных военных передрыгах. Только и запомнилась с тех давних лет первая строчка «Колыбельной другу Севе, которого убьют на будущей войне». (Предположительно, Сева — сын Багрицкого Всеволод, действительно погибший на войне).

Последний раз его видели в блокадном Ленинграде «в деканате филологического факультета. Совсем слабый от голода, он читал какую-то книгу».

Алик Ривин. Может быть, кто-нибудь да отыщется, кто знал его, кто запомнил его стихи?

Нынче Абраму Лазаревичу Старкову исполнилось бы семьдесят лет. Он не дождался выхода в свет своей книги. Но, читая ее, мы словно говорим с ним самим, слышим его интонации и вместе с ним переживаем судьбы его замечательных героев.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

ле царил полнейший разнобой. Разбирая алхимические рукописи, я имел возможность подробно познакомиться с их эмблематикой. Скелеты, вороны, факелы — на первый взгляд полный мистический букет. Вместе с тем иные символы легко расшифровываются. Это не что иное, как характеристики химических процессов: возгонки, разложения и так далее. В результате действия огня, к примеру, вещество обугливается, превращаясь в золу — черный скелет и летучий газ — кружащееся воронье.

— Потрясающе интересно! Почти Эдгара По!

— Мне тоже это представляется довольно увлекательным. Какие еще знаки привлекли ваше внимание?

— Бросается в глаза изобилие планетной символики. Теперь-то я понимаю, что алхимия густо переплеталась с астрологией.

— Настолько густо, что одно подчас трудно отделить от другого. Вообще не следует забывать, что в основе средневекового мышления лежала идея всеобщей симпатической связи. «Все во всем,— как утверждает «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста.— Что наверху, то и внизу». Говоря иначе, полное взаимопроницающее единство макрокосма и микрокосма, творца и мира.

Тронь пальцем отдельный атом, и завибрирует вся Вселенная.

— Отсюда так важно соблюдение мелочей? Лунные фазы, подходящее для опыта время...

— Здесь нет мелочей,— решительно отверг Баринович.— Ведь вновь напомним, все связано со всем. Поэтому, если жрец или знахарь собирает, например, изготовить любовный талисман, то он приступает к работе не иначе как в пятницу — день Венеры, и все его действия подчиняются планетным влияниям. Он надевает зеленый плащ — геральдический цвет ветреной богини, венки из вербены — ее любовный знак, приносит в жертву голубя — ее птица, питает огонь ветвями сосны и мирта.

— И Георгий Мартынович...

— ...со свойственной ему дотошностью помечает, какими процедурами был обставлен тот или иной опыт. Алхимики европейского средневековья свято соблюдали основные принципы халдейских и египетских звездочетов, отдавая пальму первенства планетным влияниям. Отсюда возникла настоятельная необходимость определить, какое светило царит на небосклоне в данный момент.

Продолжение следует.

Марк ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

ДУЭЛЬ У ПОДНОЖЬЯ ОЛИМПА

Бесполоею жилось
на шахматном
Олимпе!
Еще были
воспоминания
о титаническом
единоборстве
Каспарова
с Карповым
в матче-
реванше,
и потонув
поклонников
шахматного
искусства
тщательно
штудировав
партии
великого мастера,
а не за го-
ревшими
новым разуд-
ленным
барбис-
ом шахматного
корону,
новое испытан-
ие
лидера
серебряных
шахмат.

На календаре год 1987, и по еще действующим (хотя и справедливо отвергнутым на последнем конгрессе ФИДЕ) правилам двухгодичного цикла уже грядущей осенью чемпиону мира волей-неволей вновь предстоит защищать свой почетный титул. Представить только — четвертый матч за три года! И, быть может, снова с Карповым! Правда, на этот раз привычное словосочетание Каспаров — Карпов не столь безоговорочно, как прежде. И хотя авторитет не только чемпиона, но и экс-чемпиона остается непоколебимым и, по мнению экспертов, «совершенно бесспорно, что никогда еще оба участника матча на первенство мира не возвышались в такой степени над своими современниками, как это мы наблюдаем сегодня», возникла принципиально новая ситуация, когда в спор великих соперников дерзко вмешался еще один конкурент.

Именно в эти дни в далеком испанском городке Линаресе начинается поединок Анатолия Карпова с Андреем Соколовым — матч из 14 партий, к которому устроено всеобщее внимание поклонников шахмат. Впервые за последние годы не Карпов — Каспаров, а Карпов — Соколов. И новое единоборство порождает новые проблемы и новые загадки.

Что касается А. Карпова, то здесь все предельно ясно. Выдающийся гроссмейстер, в течение десяти лет безраздельно главенствовавший в шахматном мире, сыгравший с поразительным успехом более чем в 60 крупнейших международных турнирах и матчах, до встречи с Каспаровым практически не знавший не только неудач, но и достойного соперничества, сильная личность, наделенная волевым характером, настойчивой целеустремленностью, мужественным хладнокровием и спортивной выдержкой; шахматист, причисленный уже в молодые годы к рангу классиков, чей ясный, логичный стиль игры и безукоризненная техника стали предметом изучения неисчислимых последователей; наконец, общественный деятель, послуживший и популяризации шахмат, и их широкому признанию. Карпову — 35, и хотя, по мнению 23-летнего чемпиона мира, эти годы лишь в прошлом считались периодом творческого расцвета, а сейчас «шахматы помолодели», вашему обозревателю с вершины его возраста трудно согласиться с таким утверждением. Тем более, что успехи Карпова остаются стабильно великолепными в продолжение всех последних лет. Об экс-чемпионе мира написаны книги, исследования, монографии, и специально представлять его шахматному миру нет необходимости.

Но о его сопернике разговор особый...

Пожалуй, никому из шахматистов не удалось заинтриговать шахматный мир так, как сумел это в прошлом году Андрей Соколов. Какими только эпитетами не наделяли его недоумен-

ные журналисты: «загадочный», «везучий», «сверхоптимистичный». Все обращали внимание на нестабильность выступлений Андрея Соколова, у которого действительно поразительным образом чередовались победы с неудачами, но не могли не отметить, что самые главные состязания молодой гроссмейстер выигрывал с неизменным постоянством. Скептически подчеркивали «незакономерность» многих его успехов, но не смели не признать удивительной настойчивости молодого гроссмейстера и присущей ему целеустремленности в борьбе.

Словом, похвалы всегда соседствовали с немалой долей скепсиса, восторги — с неприкрытой критикой. Но Андрей относится к молве с присущим ему юмором. «Наслышан о своем везении», — сказал он недавно. — Можно подумать, что я просто сижу за доской, а это пресловутое везение заставляет соперников ошибаться, разгадывает их ловушки... Так не бывает».

«Да, так не бывает, — словно подхватив тему дискуссии, резюмировал Г. Каспаров в одном из последних интервью. — По собственному опыту знаю, что у везения есть свои границы. Если шахматист стал чемпионом Советского Союза, прошел межзональный турнир, выиграл претендентские матчи, то говорить только о везении — значит умышленно принижать его успехи».

А секрет Соколова в своеобразии его арсенала и удивительных свойствах бойцовского характера. Это тонко расшифровал гроссмейстер С. Макарычев, хорошо знающий Андрея: «Соколов принадлежит к числу немногих шахматистов, для которых «везение» — как бы естественная составляющая спортивного стиля, но в основе этого везения хладнокровие и оптимизм».

«А еще, — добавляет известный тренер М. Дворецкий, — крепкие нервы и уверенность в себе. С такими свойствами можно побеждать в самых трудных ситуациях».

И эти оценки более объективны. Сколько раз случалось А. Соколову выходить из критических ситуаций с честью!

Вспомним его тернистый путь к вершине. Никто не ждал от дебютанта турнира претендентов во французском городке Монпелье высоких результатов — уж слишком знатная была компания да и не складывались у него там дела. Но когда наступил финиш, «неудачник» развил такую энергию, что просто ворвался в число победителей.

Едва ли не все предрекали Соколову неминуемое поражение в полуфинальном претендентском матче с Р. Ваганяном. Авторитет прославленного опытного гроссмейстера был неоспорим. Но Андрей, словно не зная этого, не просто выиграл поединок, а разгромил соперника с сенсационным счетом 6:2!

А финальная дуэль с А. Юсуповым?

Когда до конца поединка оставалось четыре партии и счет был 6:4 в пользу соперника, пожалуй, не было во всем шахматном мире человека, который решился бы предсказать победу А. Соколову! И вдруг в Риге случилось чудо. Выиграв как по заказу (а шахматисты знают, что это значит!) три партии кряду и с позиции силы «подарив» ничью в заключительной, Соколов сломил даже такого стойкого и непробиваемого соперника, каким по праву славится А. Юсупов. Это у Андрея просто удивительная способность в критические моменты включать дополнительные мощности! И еще козырь — неистребимая вера в свои силы.

Рассказывают, что, когда Андрея прошлой осенью до окончания всех матчей спросили, с кем бы он хотел играть в «суперфинале», он без колебаний и тени робости ответил: «Какая разница — ведь все равно играть предстоит с обоими!»

У Андрея веселый нрав. Он ценит друзей, поет под гитару, хотя и не преувеличивает вопреки журналистской легенде своих достижений в этой области («люблю побренчать, это снимает напряжение»), охотно гоняет футбольный мяч, ему нравится ходить за грибами («это напоминает шахматы: только за доской нужно искать ходы, а в лесу грибы»). Говоря о серьезном, неизменно подчеркивает интерес к исторической литературе и стремление «докапываться до правды». Те, кто его знает ближе, подмечают и самоуглубленность, и сложность натуры. Это находит преломление и в творчестве молодого гроссмейстера.

Шахматный стиль Андрея своеобразен. Он, разумеется, еще не сложился окончательно и быстро эволюционирует, но уже можно подчеркнуть и логичность замыслов, и их органичность. Соколову присущи тонкое позиционное чутье, умение как смело атаковать, так и изобретательно защищаться. Хотя именно агрессивность планов, пожалуй, более всего определяет его творческое кредо.

Разумеется, в эти последние дни накануне дуэли в Линаресе шахматный мир спешит поделиться прогнозами. При всей пестроте высказываний экспертов суть можно выразить в нескольких словах: на стороне А. Карпова опыт, глубокое понимание шахмат, виртуозное мастерство, А. Соколов опасен своей молодой энергией и... непредсказуемостью.

Карпов подчеркивает: «У Андрея спортивный характер. Мне предстоит встреча с серьезным соперником».

Соколов как всегда исполнен оптимизма: «Анатолий Евгеньевич обладает гигантским матчевым опытом, здесь у него огромный перевес. Но в каждом соревновании я надеюсь только на победу».

Для резюме предоставим слово чемпиону мира Гарри Каспарову, отнюдь не безразличному к предстоящей дуэли, оно звучит так: «Считаю шансы Карпова все-таки предпочтительнее».

Будем ждать теперь интересных новостей из Линареса!

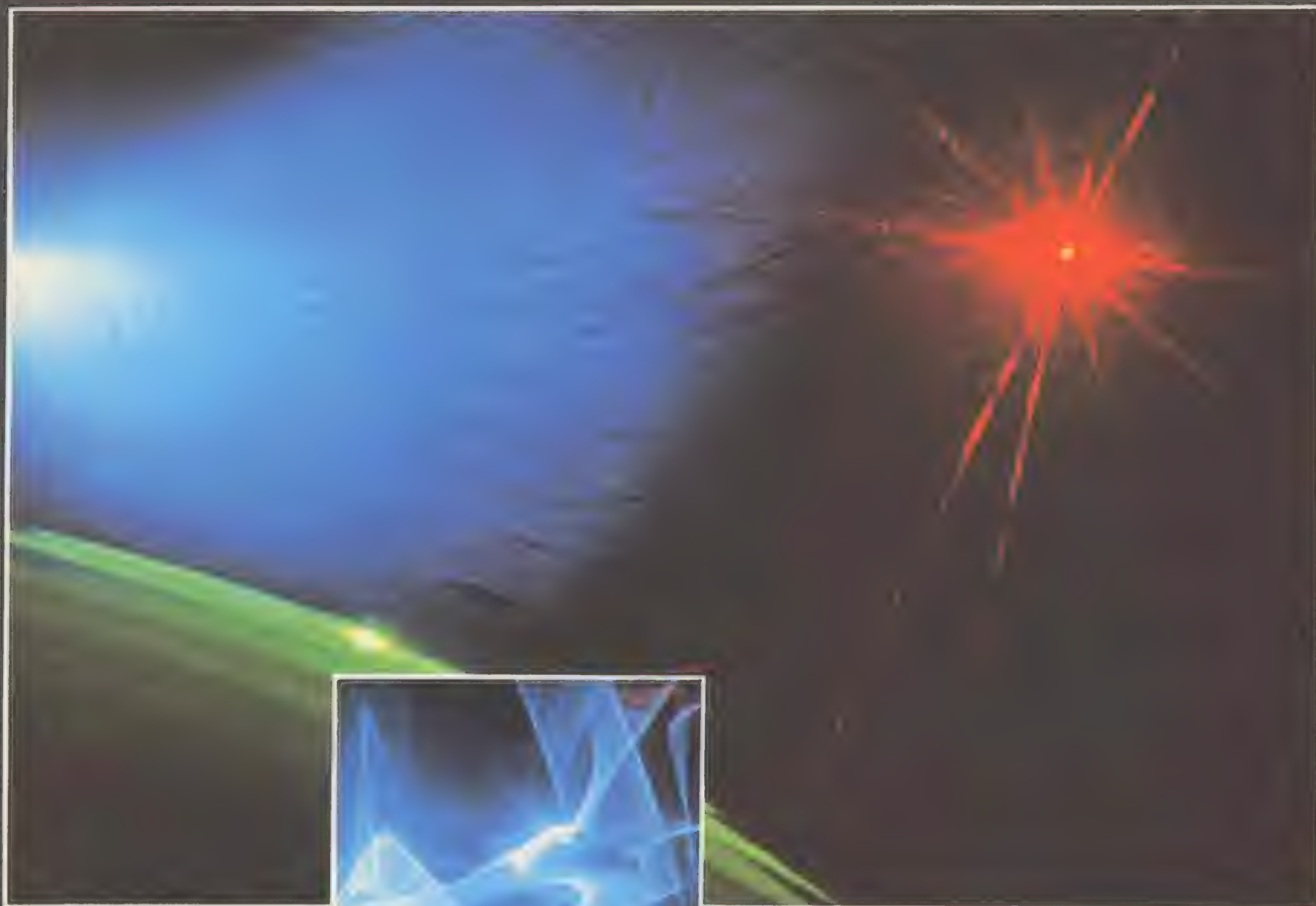
ЛАЗЕРНАЯ СКАЗКА

Сейчас уже трудно установить, кому первому пришло в голову поместить в луч лазера прозрачный неоднородный предмет и увидеть причудливое изображение, появившееся на стене...

Но однажды, это было в начале 70-х годов, на возможность лазера создавать необычные, динамично изменяющиеся образы обратили внимание в Экспериментальной студии электронной музыки и цвета, созданной Е. Мурзиным и М. Малковым в Музее А. Н. Скрибина в Москве. Тогда впервые в нашей стране стали применять лазеры в светомузыкальных программах как новое художественно-выразительное средство. Свет приобрел форму, динамичность внутреннего движения, бесконечность многообразия. Чаще всего абстрактные, но завораживающе необычные, ни на что не похожие лазерные

формы давали простор воображению исполнителя, а зрителям помогали глубже постигать музыку в плавно перетекающих лазерных образах. Музыка тоже была необычной и новой. Она создавалась на одном из первых студийных синтезаторов.

Впоследствии мне самому приходилось сотни раз участвовать в создании и демонстрации светодинамических лазерных программ. В театре и на эстраде лазерное оформление стало элементом сценографии; были работы в кино и на телевидении, и даже в московском небе.

Но каждый раз эта сказка кончалась одним и тем же: поворот выключателя на блоке питания лазера — и все исчезает без следа. Тогда-то и появилось желание снимать лазерные фотокомпозиции. По общепринятой терминологии такой вид художественного творчества называется лазерной графикой. Конечно, в фотографии движение остановлено и нет музыкального сопровождения. Здесь интересна возможность создать законченную композицию с определенным колоритом и настроением, можно вносить элементы конкретных изображений. Это, так сказать, светолесье в чистом виде.

На представленных здесь снимках вы видите некоторые мои композиции лазерной графики и фрагменты лазерных сцен в эстрадной сценографии на концертах А. Пугачевой.

Валерий РАЗИН

Фото лазерных сцен
Леонида ЗИНКЕВИЧА

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

1853—1900

Философ-идеалист, публицист, критик, поэт. Провозвестник символизма. Его теорию «вечной Женственности» Блок развил в «Стихах о Прекрасной Даме», а первые строки из стихотворения «Панмонголизм» были взяты в качестве эпиграфа к знаменитым блоковским «Скифам».

EX ORIENTE LUX¹

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометей
Небесный дар Элладу дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезю славную прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.

И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

И слово вещее — не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?

1890

* * *

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

(1872)

¹ Свет с Востока (лат.).

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

ЗИНАИДА ГИППИУС

1869—1945

В одном из самых известных очерков о творчестве Гиппиус еще в начале века было сказано, что оно «представляет собой нередко какое-то странное соединение искренности исканий с изломанной искренностью бесилия и вычурностью, холодной ледяной гордости и презрения ко всему — с жалобными мотивами смиренности и своеобразным сентиментализмом». Писала умные, едкие статьи под псевдонимом «Антон Крайний». Соратница Мережковского, Гиппиус не приняла Октября, что привело ее в эмиграцию, где она держала собственный салон, стараясь быть законодательницей мод. Несмотря на суетную непримиримость своей натуры и крайнюю реакционность взглядов, Гиппиус была литературно одаренным человеком, и ее имя нельзя изъять из общей картины развития русской литературы.

ДЬЯВОЛЕНОК

Мне повстречался дьяволенок,
Худой и щуплый — как комар.
Он телом был совсем ребенок,
Лицом же дик, остер и стар.
Шел дождь... Дрожит, темнеет тело,
Намокла вскоченная шерсть...
И я подумал: Эко дело!
Ведь тоже мерзнет. Тоже персть.
Твердят: любовь, любовь! Не знаю.
Не слышно что-то. Не видал.
Вот жалость... Жалость понимаю.
И дьяволенка я поймал.
Пойдем, детеныш! Хочешь греться?
Не бойся, шерстку не ерошь.

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

1866—1941

Оставил огромное, хотя и неравноценное наследие, где самым значительным, пожалуй, являются исторические пьесы и романы «Павел I», «Царевич Алексей», «Петр и Алексей», «Александр I», «14 декабря», трилогия «Христос и Антихрист», а также исследования о Толстом и Достоевском. Вместе со своей женой З. Гиппиус возглавлял реакционно-мистическое крыло русского символизма, резко раскритикованное Плехановым. Начиная со стихов надсоновского характера и писал их всю жизнь. О необходимости внимания к лучшему в творчестве Мережковского в свое время говорил А. Луначарский, а недавно академик Д. Лихачев.

ЛЮБЛЮ ИЛИ НЕТ

Люблю или нет, — легка мне
Безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоим,
А все-таки порой такая нежность
В твоих глазах, как будто я любим.

Не мною жить, не мной страдать
ты будешь,
И я пройду как тень от облаков;
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замрет в тебе мой дальний зов.

Приснилась нам неведомая радость,
И знали мы во сне, что это сон...
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и в том, что я — не он.

* * *

Ты ушла, но поздно;
Нам не разлюбить.
Будем вечно розно,
Вечно вместе жить.
Как же мне, и зная,
Что не буду твой,
Сделать, чтоб родная
Не была родной?

Что тут на улице тереться?
Дам детке сахару... Пойдешь?
А он вдруг эдак сочно, зычно,
Мужским ласкающим баском
(Признаться — даже неприлично
И жутко было это в нем) —
Пророкотал: «Что сахар? Глупо!
Я, сладкий, сахару не ем.
Давай телятинки, да супа...
Уж я пойду к тебе совсем...»
Он разозлил меня бахвальством...
А я хотел еще помочь.
Да ну тебя с твоим нахальством!
И не спеша пошел я прочь.
Но он заморщился и тонко
Захрюкал... Смотрит, как больной...
Опять мне жаль... И дьяволенка
Тащу, трудясь, к себе домой.
Смотрю при лампе: дохлый, гадкий,
Не то дитя, не то старик.
И все твердит: «я сладкий, сладкий...»
Оставил я его. Привык.
И даже как-то с дьяволенком
Совсем сжился я наконец.
Он в полдень прыгает козленком,
Под вечер — темен, как мертвец.
То ходит гоголем-мужчиной,
То вьется бабой вокруг меня,
А если дождик — пахнет псиной
И шерстку лижет у огня.
Я прежде всем себя тревожил:
Хотел того, мечтал о том...
А с ним мой дом... не то, что ожил,
Но затянулся, как пушком.
Безрадостно-благополучно,
И нежно-сонно, и темно...
Мне с дьяволенком сладко-скучно...
Дитя, старик, — не все ль равно?
Такой смешной он, мягкий, хлипкий,
Как разлагающийся гриб.
Такой он цепкий, сладкий, липкий,
Все липнул, липнул, — и прилип.
И оба стали мы — единый.
Уж я не с ним, — я в нем, я в нем.
Я сам в ненастье пахну псиной
И шерсть лижу перед огнем...

...Юдина — крупнейший мастер пианистического искусства XX века.

Родилась в 1899 году. В 1921-м окончила Петроградскую консерваторию по классу фортепиано. Обучалась на историко-филологическом факультете Петроградского университета. С 1923 года профессор. В годы войны выступала в концертных бригадах на фронтах и в 1943-м — в осажденном Ленинграде... Ее исполнение отличалось глубиной проникновения в замысел композитора, большой силой убеждения, одухотворенностью, масштабностью художественного мышления. Дух новаторства, свойственный Юдиной, определил ее нетрадиционное прочтение классических произведений. Первой в СССР исполнила многие сочинения советских и зарубежных композиторов...

Музыкальная энциклопедия.
Москва. 1982 г.

М. В. Юдина
исполняет сонату
Бетховена
№ 32.
Гравюра В. А. Фаворского.

Мария Вениаминовна
Юдина.
Последняя фотография.

Вера ГОРНОСТАЕВА

ЭТЮД ОБ ОДНОЙ ПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

М

не всегда казалось, что она из породы людей, непременно идущих против течения. Вероятно, такие есть и будут во все времена. Это характер и судьба.

Мария Вениаминовна была вне того, что «диктуют обстоятельства». Она просто не желала подчиняться «данной ситуации», при которой это «невозможно», «неудобно»... Диктовала она.

Случай, выхваченный наугад. До отъезда на гастроли мне надо было заскочить к редактору фирмы «Мелодия» Константину Кирилловичу Калиненко. До поезда оставался ровно час. Взяв такси, я решила по дороге на вокзал хоть на десять минут повидать Калиненко. Вбежав на второй этаж, открыла дверь его кабинета. Сотрудники, многозначительно улыбаясь, сообщили, что он уже второй час сидит в соседней комнате с Юдиной.

— Второй час? — удивилась я.

— Да.

— Почему так долго? Какой-нибудь серьезный разговор?

— Какой там! Просто она ему читает вслух «Слово о полку Игореве».

Это было так неожиданно и непонятно, что я оторопела. В рабочее время, в учреждении, где без конца

звонят телефоны, заходят по неотложным вопросам люди... Как это получается?

— А вот так. Увела в соседнюю свободную комнату, телефон выключила и сказала, что этого нельзя не знать! Что «Слово о полку Игореве» — такое событие в жизни каждого, что нет более серьезного и существенного занятия. Остальное рядом не выдерживает сравнения. Все можно отложить.

— Как же мне быть?

— Не знаем... Никто туда зайти не решается. Вы же понимаете, Юдина!

Я понимала. Но зайти все-таки решилась. Взгляду открылась незабываемая картина. Калиненко сидел за столом с затравленным видом и слушал. Мария Вениаминовна торжественным голосом читала. Она была бледна от волнения, которое вызывал в ней читаемый текст, и счастлива его красотой. Увидев меня, она повелительно сказала:

— Вера, как важно и прекрасно, что вы пришли именно сейчас. Садитесь и слушайте!

— Не могу, М. В., у меня поезд через сорок минут. Такси ждет.

— Какой поезд? — возмутилась М. В.

— Гастроли в Киеве. Завтра концерт.

— Очень жаль, — строго прокомментировала М. В. — Тогда уходите!

Вероятно, надо было отпустить такси, плюнуть на билеты, гастроли, сорвать концерты, никуда не ехать и остаться слушать «Слово о полку Игореве». Но я не решилась на это. Ничтожность текущих обстоятельств цепко держала меня в плену.

Бросив взгляд на Калиненко, который, по-видимому, при моем появлении ощутил смутную надежду на избавление, но тут же ее утратил, я извинилась, попрощалась и ушла. Потом в поезде сидела, вспоминая все, что произошло, и невольно улыбалась. Как она была празднично горделива, читая великое произведение древнерусского эпоса! И какой суетой, тщетой, пустотой казались все текущие дела, звонки, визиты, бумажки. Могучей рукой она держала заданного человека, и он, подчиняясь ей, невольно слушал, вникал и поддавался гипнозу. Я не представляю, кто еще мог себе подобное позволить. В этом эпизоде она во всем неповторима и характерна. Всегда шла поверх реальной ситуации, поперек нее во имя целей, очень далеких от прагматизма. Практицизм и деловитость были ей скучны и ненавистны.

В моих отношениях с ней была своя история, вернее, некий пунктир, образующий линию предназначенной мне роли. Короткой, эпизодической,

но странно последовательной. Возникло все случайно (если вообще можно считать, что в нашей жизни есть что-нибудь случайное).

Я встретила с М. В. в доме поэта Александра Яшина. Жена его, Злата Константиновна, когда-то училась у моей матери. Юдина дружила с Яшиным давно. День, в который собрались друзья дома, много значил для этой семьи, и М. В. намеревалась по этому случаю играть.

В те годы она уже нигде не работала и находилась на грани нищеты. Ее преподавание в Тбилисской, Ленинградской, Московской консерваториях, в Институте имени Гнесиных неизбежно заканчивалось уходом из заведения, в рамки которого она не вписывалась по многим причинам. Было бы странным, конечно, если бы она ужилась где бы то ни было, подчиняясь общепринятым правилам, циркулярам, пунктам. Ее строптивая и свободная натура бунтовала, боролась и сталкивалась с непониманием. Все кончалось разрывом.

Но это еще не все. Благодаря постоянному и принципиальному нарушению установленных в те времена репертуарных канонов (она, например, упорно играла Стравинского и т. д.), с ней перессорились и концертные организации, не желавшие иметь неприятности. Словом, она на-

ходила в парадоксальном положении известного профессора, который нигде не преподает, и знаменитой пианистки, которая нигде не играет. Именно в этот период и происходил описываемый вечер у Яшиных¹.

М. В. играла много и горячо на стареньком, разбитом рояле. Я запомнила Прелюдию и фугу ля минор Баха — Листа, 24 прелюдии Шопена. Перед Шопеном она сказала с очень значительным выражением: «Цикл 24 прелюдий — это смерть и воскресение». Поскольку этот комментарий к музыке Шопена показался мне совершенно непонятным, я, набравшись храбрости, подошла к ней после исполнения и попросила как-нибудь расшифровать такое истолкование цикла. М. В., поначалу радостно меня приветствовавшая, нахмурилась, услышав мой вопрос. Помедлив, она недовольно сказала: «Имеющий уши, да слышит», — и отошла, не пожелав ничего объяснять.

Вечер у Яшиных оставил во мне сильное впечатление. Я не могла мириться с нелепостью ее «безработного» положения и понимала, что надо что-то сделать, но что?

На следующий день я говорила о ней с деканом фортепианного факультета. Человек бурного темперамента, энергичный, феноменально преданный интересам дела, он отличался замечательным неравнодушием ко всему подлинному. К его чести надо сказать, что за все время пребывания на посту декана он не извлек ни малейшей выгоды из своего руководящего положения, получив при этом за свою многолетнюю работу немало неприятностей. Интуитивно поняв, что надо его как-то «задеть за живое», я, горя негодованием, изложила свое мнение.

— Стыдно! Нам всем должно быть стыдно: такой музыкант, как Юдина, фактически без средств к существованию, нигде не работает, никому не нужна. Позор, что мы все молчим и не интересуемся этим. Вы считаете это нормальным, да? — кипела я.

— Но позвольте, что же я могу сделать? Она же сама во всем виновата. Со всеми перессорилась. Все делает поперек. Чем тут поможешь?

— Сделайте что-нибудь. Вы же понимаете сами, нельзя этого так оставить, — нажимала я, подозревая, что он внутренне со мной согласен, и надеясь на чувство справедливости, которое я за ним знала. Разговор наш прервался и повис на полуслове. Кто-то подошел и отвлек. Я ушла домой. Вечером он позвонил мне.

— Ну, говорил я со Свешниковым насчет вашей Юдиной, — начал он сердито.

— И что же Александр Васильевич?

— Мы с ним вот что придумали. Она ведь профессор на пенсии, да?

— Да.

— Ну, так вот. По нашим законам она имеет право два месяца в году работать. Преподавать два месяца в году — это, конечно, бессмыслица, но можно сделать другое. Пусть она сыграет у нас в Малом зале консерватории четыре концерта для студентов и педагогов, а мы ей это оформим как концерты-лекции и зачтем их за два месяца работы в консерватории. Получится и материально неплохо, и все-таки Малый зал. Скажите ей, если она согласится, то встретимся с ней, обговорим программу. И только чтобы она в своих концертах ничего такого лишнего не говорила, слышите?

— Я не могу этого ей сказать.

— Ладно, это мы сами ей скажем. Если она согласится, то завтра в четыре встретимся в кабинете проректора. И чтобы на этой встрече вы тоже присутствовали.

— Спасибо вам.

— Ну, чего там спасибо. Вы же, в сущности, были правы. До свидания! — Он повесил трубку. Я не реши-

лась сама звонить к М. В. с этим сообщением. Позвонила Злате Константиновне Яшиной и рассказала ей все. Злата Константиновна страшно обрадовалась. На мой вопрос, согласится ли Юдина, она восторженно сказала:

— Что вы, конечно. Играть и говорить — это как раз для нее. Да и несколько сотен рублей — сумма немалая. Она же на пенсию живет да при этом еще все деньги, какие есть, раздает. Знаете же ее!

В 1921 году в классе Леонида Владимировича Николаева, моего учителя по фортепиано, был удивительный выпуск: Юдина и Софроницкий... Меня особенно изумляла в исполнении Юдиной последняя из бетховенских сонат, C-mol. Слушая вторую часть — очень нелегкую для восприятия, — и оторваться, расслабиться внутренне хотя бы на секунду невозможно. Юдина в годы занятий у Николаева была для меня одним из кумиров. Я показывал ей свои сочинения, и фортепианные, и прочие. Она, в свою очередь, познакомила меня с фортепианной музыкой Кшенека, Хиндежита и Бартока... Иногда я старался в исполнении ей во всем подражать... Эта моя юношеская учеба принесла ощутимую пользу — ведь подражал я такому зрелому мастеру, каким и в консерваторские годы уже была Мария Вениаминовна Юдина.

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

Договорились, что Юдиной позвонит и обо всем расскажет она, Злата Константиновна.

На следующий день М. В. позвонила мне сама. Разговор между нами произошел совершенно особенный.

— Вера, здравствуйте. Это М. В.

— Здравствуй, М. В.

— Я звоню вам не для того, чтобы благодарить; хотя, может быть, это следовало бы сделать.

— Ну, что вы, М. В., за что же тут благодарить?

— Я звоню вам (голос строгий и торжественный), чтобы сказать, что вы орудие добра в руках провидения. Растерянно мычу что-то невнятное...

— Злата сказала мне, что со мной желают встретиться?

— Да, М. В.

— Ну, что же, я согласна. Единственное условие: ваше присутствие на этой встрече. Одна я туда не пойду.

— Хорошо, М. В.

На следующий день в 3.45 я пришла в консерваторию. Ровно в четыре в вестибюле появилась Юдина, в широком черном платье до пят и в спортивных кедах. Она постоянно так одевалась, нисколько не смущаясь стилистикой избранного одеяния. М. В. была величественна и значительна. Студенты провожали ее почтительными взглядами. Черный балахон выделял и без того характерную фигуру в толпе. Увидев меня, она улыбнулась как сообщник и спросила доверительно:

— Куда пойдем беседовать?

— Сказали, в кабинет проректора.

Наш проректор был человек официальный, любезный и совершенно нейтральный. Он говорил ровным голосом общеизвестные вещи, никогда не выходя за рамки того, что положено говорить должностному лицу. Во всяком случае, мне не доводилось ни разу наблюдать его иным. Трудно было вообразить более противоположных людей, чем Мария Вениаминовна Юдина и он. Я плохо себе представляла, чем может кончиться собеседование, где Юдиной должны были объяснить, что можно, а чего нельзя говорить в публичных лекциях о музыке для студентов консерватории. Декан был настроен решительно, хотя и волновался перед Юдиной, невольно чувствуя некий невидимый барьер. И в самом деле, встреча наша обернулась совершенно непредсказуемым образом. Когда я вспоми-

наю сейчас подробности, то испытываю сожаление, что не было магнитофона, который единственный мог бы зафиксировать четыре текста. Четыре, потому что мне тоже пришлось отвечать на вопросы Юдиной. Она упорно обращалась ко мне. Сказанное проректором и деканом как бы текло мимо ее сознания. Существовала некая полифония в новейшем стиле, когда голоса ведут каждый свою линию, не вступая в контакты. Мне казалось, что я присутствую на спектакле в театре абсурда. Если попытаться хотя бы примерно восстановить ход высказываний каждого из четырех в этой странной полифонической конструкции, то можно изобразить нечто в этом роде:

— Мы пригласили вас, — начал бесстрастным голосом проректор, — чтобы согласовать тематику лекций-концертов. Хотелось бы, чтобы они касались только музыкальных произведений.

— Да, только о музыке! — горячо поддержал декан. — Ничего лишнего, понимаете?

— Я всегда говорила вашему Генриху Густавовичу, — грозно сказала мне Юдина, — что Томас Манн — лжеучитель. Жалко, Нейгауза уже нет в живых, я бы его убедила!

— В каком смысле лжеучитель? — изумилась я.

— Любое ваше отклонение от намеченных тем может иметь ненужные последствия, — вежливо продолжил проректор. — Я полагаю, что в выборе программы разумнее всего следовать этапам истории музыки.

— Главное — не растекаться, — настаивал декан, — а конкретней о музыкальной форме, о проблемах стиля.

— Томас Манн — антихрист! — гремела в ответ Юдина. — Вспомните «Фаустуса», «Волшебную гору»... Да он сам, как Адриан Leverkühn, душу черту продал! Учитель, проповедник, а концепция демоническая! И недаром мальчик-эхо Непомук умирает! — Как у Малера? — предположила я. — У того тоже «Песни об умерших детях»...

— Было бы хорошо, — вставил декан, — чтобы вы, скажем, проанализировали сочинения, которые войдут в вашу программу. Музыкальный анализ очень развивает мышление исполнителя.

— Да, конечно, как у Малера! — обрадовалась Юдина. — Перечитайте «Смерть в Венеции», вот квинтэссенция манновской темы. У него порок и красота неразрывны: это же гармония гниения!

— Не знаю, что сказать, Мария Вениаминовна. Я очень люблю эту вещь.

— Тем страшнее! — негодовала Юдина. — Говорю вам, он лжеучитель!

— Я надеюсь, вы поняли наши требования, — мягко улыбнулся проректор, — и не отступите в своих лекциях от обозначенных границ. Не сомневаюсь, что польза для наших студентов будет очень значительной, — подытожил он.

Мария Вениаминовна встала, давая понять, что беседа окончена.

— А «Иосиф и его братья»? — воскликнула она, идя со мной к двери. — Какой терпкий напиток! Почти что «Тристан и Изольда».

— Мария Вениаминовна, а Вагнер тоже «лже»?

— Вот, вот, с Вагнера это все разложение и началось!

Тут все мы обменялись учтивыми рукопожатиями и покинули гостеприимный кабинет проректора. График концертов (раз в две недели) был намечен, и мы расстались.

Не успела я войти домой, как уже звонила по телефону Юдина.

— Вера, передайте, пожалуйста, вашему руководству, что я ничего «лишнего» не скажу. Они могут за меня не бояться. Когда мне делают добро, я не отвечаю на него злом. Я отдаю себе отчет в том, что они

люди, дрожащие за свое кресло. Пожалуйста, заверьте их, что они в безопасности.

Через некоторое время позвонил декан.

— Ну что? Как вы считаете, она что-нибудь поняла, о чем мы ее просили?

— Она все поняла, уже звонила мне. — И я передала дословно все сказанное Марией Вениаминовной.

«Я всю жизнь ищу (и нахожу) новое...» — писала мне Мария Вениаминовна Юдина в начале 60-х годов, и, пожалуй, эти слова как нельзя лучше характеризуют этого импульсивного, бескомпромиссного и правдивого художника. Ее интереснейшие письма, по стилю напоминающие стенограмму живой, непринужденной беседы, есть не что иное, как хроника творческого поиска, приводящего порой к неожиданным, но всегда ярким художественным результатам... Общение с Марией Вениаминовной, замечательным художником, деятелем искусства в полном смысле этого слова, блестящей пианисткой, обогатило мой внутренний мир, позволило ощутить большую силу ее дарования.

Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Итак, все было решено. Буквально через несколько часов о предстоящем событии знало уже множество людей. Молва распространялась с быстротой слухов.

«Будет играть Юдина? Когда, где, что? Еще и говорить?» Ажиотаж, радостное ожидание охватило многих. Ее очень любили. Она давно не играла. Личностное обаяние действовало, как магнит. К тому же ореол сенсации, всегда окружавший ее имя, усиливал любопытство. О ней ходили легенды.

Свои концерты Мария Вениаминовна построила своеобразно и субъективно. В них вошло многое из камерного репертуара. Заучала вокальная музыка, были трио, были скрипичные, виолончельные сонаты. Сама она играла Бетховена, Шумана, Брамса, Шопена. Цикл лекций-концертов назывался «Романтизм — истоки и параллели». Обширные и разнообразные по охвату программы сопровождались совершенно необычными, глубоко индивидуальными ее комментариями. Афиши не повесили: и так все все знали. Буквально накануне утром появилась маленькая бумажка, извещавшая о том, что в Малом зале состоится концерт-лекция Юдиной. Отсутствие филармонических афиш не помешало всеведущей московской интеллигенции узнать об этих концертах, и они, конечно же, вышли за рамки внутриконсерваторского события. Руководство очень тревожилось. Декан при встречах каждый раз беспокойно спрашивал меня: «Ну что ваша Юдина? Выкинет что-нибудь? Потом будем расхлебывать». «Не выкинет, не надо заранее волноваться. Она же сказала».

Накануне первого концерта в 2 часа ночи в моей квартире зазвонил телефон. Я взяла трубку.

— Вера, здравствуйте, это Мария Вениаминовна.

— Здравствуй, Мария Вениаминовна.

— Я вас не разбудила?

— Нет, я читала, — соврала я находчиво.

— Вы знаете, мне необходимо с вами посоветоваться. Произошло событие, которое произвело на меня столь сильное впечатление, что, я думаю, следует отменить завтрашний концерт.

Сердце мое затрепетало. Я сразу представила себе все размеры предстоящего скандала и свою нелепую роль в нем.

¹ 6 декабря 1965 года.

— А что случилось, Мария Вениаминовна?

— Видите ли, Вера, моя кошка Мальва, неудачно прыгнув с карниза, разбила лампадку. Я думаю, это мне предупреждение свыше к тому, чтобы отменить концерт. Вряд ли случайность. Это знак, что играть не нужно. Посудите сами, вдруг именно сегодня...

Я понимала одно: надо срочно что-то придумать, чтобы спасти концерт, как-то убедить ее, что случившаяся авария с лампадкой не есть дурной знак, найти другое истолкование, причем на том же уровне серьезности, иначе она не поверит. И вдруг меня осенило.

— М. В., давайте разберемся в том, что произошло, — сказала я спокойно, как бы размышляя вслух. — Что такое лампадка? Светильник, верно? Кошка опрокинула его, свет погас. Артист, выходя на сцену, своим искусством несет людям свет. Не это ли предстоит вам на завтрашнем концерте? То, что случилось, действительно знамение, но оно указывает вашу миссию.

М. В. явно колебалась, услышав мои аргументы в пользу концерта.

— Вы так думаете? Это мне не приходило в голову, — сказала она неуверенно. — Может быть, вы правы...

— Конечно, М. В.! Не знаю, как вы, но я убеждена, что этот случай — обозначение необходимости вашего выступления. Завтра же придет много людей слушать вас!

Судьба концерта была решена. Умиротворенная, Мария Вениаминовна пожелала мне спокойной ночи и попросила непременно зайти к ней в артистическую перед концертом. Я повесила трубку, выиграв бой и поняв, что могу принимать участие в «теологических диспутах».

Перед концертом я зашла к ней. Она очень волновалась: давно не выходила на сцену. Но была сосредоточенна. В ней чувствовалась собранность и отвага. В ее повадке на сцене, в общении с залом, в игре ощущался дар пророчества. Публика подчинялась силе, исходившей от нее. Концерты-лекции проходили на проповеди. Ее приветствования неистово, неудержимо, с пониманием значительности происходящего. Она держалась строго, даже несколько сурово, принимая аплодисменты как изжившую себя традицию.

Грустная фигура в длинном платье двигалась плавно и величаво.

Проректор с деканом, оба в вечерних черных костюмах, сидели в партере возле меня. На их лицах я читала напряжение, тревогу и ожидание, что М. В. скажет «непозволительно». Однако придрасться было трудно. Она сдержала слово. Тексты ее речей были неординарны, своеобразны свежестью взгляда на искусство. Случались, правда, некоторые странности. Уже сидя за роялем и почти нацелившись на знаменитый октавный ход септимы, которым открывается последняя соната Бетховена, она вдруг остановилась, повернулась в зал и сказала: «Прославленный не по программе и вечный вне школ и систем, он не изгой, не изгой, — после чего сразу грянул могучий бетховенский возглас».

Вспоминая свой неудачный разговор с ней в квартире Яшиных, я остерглась задавать какие-либо вопросы. Но ассоциация 32-й сонаты к четверостишию Пастернака из цикла «Четыре отрывка о Блоке» осталась для меня столь же загадочной. Разве что слова эти могут быть в одинаковой мере отнесены ко всякому великому художнику, в том числе и к Бетховену?

В самом стихотворении Пастернака, конечно, звучала нота гневной полемикой с теми, кто считает возможным определять данной им властью:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

(Из того же отрывка о Блоке.)

Этого она не прочла. Так или иначе гнев и горечь пастернаковских стихов, конечно, были ей близки и созвучны ее собственной судьбе. Она вложила в них личное, свое, пронесенное через всю жизнь.

Но наш проректор и внимательно слушающий декан, как мне показалось, пропустили все это мимо ушей, никак не отреагировав. Возможно, тому способствовал сразу зазвучавший Бетховен, который сбивал с толку, как бы невольно беря эмоциональный заряд этих слов на себя, уводя в сторону от опасной их направленности в сегодняшний день.

Лекции-концерты Юдиной в Малом зале стали в полной мере историческими.

М. В. иногда обсуждала со мной по телефону состоявшийся концерт, иронически вопрошая меня, нет ли к ней претензий со стороны руководства. Все шло к концу. Оставался последний концерт этого цикла. Именно тогда, буквально накануне намеченного срока ее выступления в Малом зале, пришла горестная весть: умерла Ахматова. Концерт был отменен и перенесен на две недели вперед. М. В. уехала хоронить Ахматову. Прошли две недели, и в Малом зале начался последний концерт Юдиной. Она вышла с книгой в руке. Сидевший рядом со мной декан поблел и строго взглянул на меня: «Что это? Она что, читать собирается?» Я с интересом всматривалась в книгу, которую держала в руках Юдина. Наступила тишина.

— Скончался великий русский поэт — Анна Андреевна Ахматова, — сказала она скорбно-просветленным голосом. — Я предлагаю почтить ее память молчанием.

Зал встал в ответ. Все стояли тихо, осознавая, какой глубокий смысл вложен ею в произошедшее событие. Ведь большинство молодежи, да и не только молодежи, имело весьма отдаленное представление о великом (теперь это ясно всем!) русском поэте. Юдина долго хранила молчание. Потом открыла книгу: «Здесь стихи Анны Андреевны». Увидя взволнованное лицо нашего декана, она показала партеру обложку: «Эта книга издана у нас. Я буду читать только то, что напечатано здесь».

В зале засмеялись. Потом звучали стихи Ахматовой. Потом Галина Писаренко пела цикл Прокофьева на стихи Ахматовой. Потом публика долго стоя приветствовала М. В., явно не желая расходиться... Цикл из четырех концертов-лекций был завершен...

Естественно, что далеко не все люди в общении с ней обнаружили готовность и способность вникнуть в «странности» большого художника. И потому не все знали, что за ними таилась неиссякаемый источник настоящей человеческой доброты, потребности помогать всем, кто без ее опоры не мог бы существовать.

Михаил АЛПАТОВ

Но время движется, и пришел срок более грустным страницам моего повествования.

Телефонный звонок. Анна Даниловна Артоболевская¹: «Мария Вениаминовна в больнице, необходимы деньги на сиделку. Организуйте среди музыкантов сбор денег. Вы понимаете, она же без гроша». Естественно, такие, как Юдина, всегда «без гроша». Собрать деньги надо очень скоро. Уже завтра в 12 часов дня Алеша Любимов зайдет в консерваторию,

¹ А. Д. Артоболевская — известный советский педагог, ученица М. В. Юдиной.

чтобы взять их для передачи в больницу. Получить необходимую сумму денег оказалось совсем несложно. Консерваторские музыканты, узнав, что речь идет о Юдиной, были щедры. Мне померещилось в их поведении что-то вроде комплекса вины перед ней. В самом деле, наверное, это так и было. Ведь все понимали, что такая Юдина. Весть о том, что она в больнице и нужны деньги на сиделку, действовала мгновенно почти на всех одинаково (за редкими исключениями, о которых вспоминать не хочется). В назначенный час необходимой сумма была вручена.

Прошли еще какие-то месяцы. И вот уже второй звонок ко мне с той же просьбой... И совсем скоро третий звонок, последний: «М. В. скончалась». Нина Львовна Дорлиак просит меня организовать «музыкальную часть» на гражданской панихиде. Приступаю к этой своей последней скорбной обязанности, точнее, долгу перед собой, перед ее памятью.

Времени на организацию — один вечер. Завтра в полдень панихида в вестибюле Большого зала консерватории. Ни один зал Москвы не согласился проводить у себя гражданскую панихиду Юдиной. Для того, чтобы добиться разрешения даже на вестибюль Большого зала, понадобилось вмешательство Д. Д. Шостаковича. Факт, о котором, конечно, лучше забыть, но забывать все-таки не следует... Итак, на завтрашнее утро я должна созвать музыкантов, чтобы своей игрой они почтили ее память. Твердо зная, кому я позвоню, подошла к телефону. Думала: а если не застану дома одного, другого или если кто-то откажется, что делать, кому звонить? Ведь на панихиде Юдиной не должны выступать случайные люди, но лишь те, кто имеет к ней какое-то отношение.

Все оказались дома. Все согласились. Звоню Марии Израилевне Гринберг, которая недавно себя чувствовала: «Если вы по состоянию здоровья откажетесь, то это совершенно понятно. Но я не имела права вам не позвонить и не попросить об этом».

Мария Израилевна ответила: «Видите ли, я слишком многим обязана Марии Вениаминовне в своей творческой судьбе, чтобы отказаться завтра играть на ее панихиде. Не скрою от вас, мне это нелегко, но для меня как музыканта это вопрос чести».

...Мне пришлось играть на панихиде первой. Играли Алексей Наседкин, Мария Гринберг, Станислав Нейгауз, Алексей Любимов, Элиса Вирсаладзе, Святослав Рихтер, пела Лидия Давыдова и почти не говорили. Кажется, слова, речи были здесь неуместны и фальшивы. Музыка говорила обо всем, что надо было сказать...

В это утро на сцене Большого зала репетировал симфонический оркестр филармонии. После репетиции музыканты вместе с инструментами по собственному душевному движению спустились в полном составе вниз и, установив между колоннами стулья, сели, чтобы играть. Зазвучала Седьмая симфония Бетховена.

А потом похороны. В могиле, куда попытались опустить гроб, оказался огромный камень. Он чуть виднелся. Его основная часть была в земле. Гроб наткнулся на препятствие, и пришлось долго копать землю: камень мешал. Все люди, пришедшие на похороны Юдиной, стояли и терпеливо ждали. Стеннело. Кто-то догадался взять в кладбищенской церкви свечи, и теперь толпа стояла с зажженными свечами и ожидала конца обряда. И когда наконец вырыли и подняли вверх камень, совершилось погребение. Даже в этой последней чисто «юдинской ситуации» опять как бы проявился ее характер. Все выстраивается в единый сюжет прожитой жизни: упрямой, своенравной и всегда преодолевающей тяжкие препятствия. Сквозь жизнь проступает житие.

ПРОШУ СЛОВА!

Сегодня все в нашей культуре, чем бы мы ни занимались — памятниками культуры, произведениями изобразительного искусства, поэзией, литературоведением, — начинается с Пушкина...

Пушкин прекрасно понимал, что поэзии, искусства без музыки быть не может, что жизнь — это огромный театр. Он, может быть, одним из первых понял, что храм вообще и есть театр. Там есть все: спектакли, музыка, художественное оформление, сюжеты... Пушкин понял, что сам народ давно сочинил философию театрального искусства...

Когда стали Пушкина поднимать горю, с чего все началось?.. Рядом с древним Святогорским монастырем стали строить театр, Пушкинский театр, или, как его называли, «Храм славы Пушкина»... Тогда же были от-

ДА БУДЕТ ПУШКИНСКИЙ ТЕАТР!

пущены дополнительно правительством деньги, чтобы в губернском городе Пскове был открыт театр имени Пушкина. И все характерное для Михайловского периода жизни Пушкина было бы в нем представлено.

Но, к сожалению, он все-таки не стал театром Пушкина, так же, как, собственно говоря, не стал им и бывший Александринский театр, хотя принявший имя Пушкина...

И вот возникает идея создания мемориального Пушкинского театра («Огонек» писал об этом в № 2). Ведь это само время рождает ее, само время ощущает эту необходимость. Пора, пора!..

Мы все, каждый по-своему, — и я, всеми своими силами поддерживающий эту идею, и Д. С. Лихачев как председатель Пушкинской комиссии АН СССР и недавно образованного Советского фонда культуры, и В. Э. Рецкер как выносивший эту мысль инициатор, практический деятель театра, поэт, актер и режиссер, ставивший Пушкина, и многие другие — мы все хотим сказать: мемориальный Пушкинский театр необходим!

Сейчас мы входим в новую эру. В нашем заповеднике рядом с домами, беседками, баньками, которые осматривают посетители, строится крупный научно-музейный центр. В нем откроется не только постоянная выставка, но и два театральных зала, один — на 600, другой — на 200 человек. Вот где экспериментировать, искать, ставить спектакли...

Такой же центр откроется и в Ленинграде, на Мойке. И здесь будет зал на 250 мест. И здесь может и должен играть Пушкин. Да и Москва не бедна возможностями.

На эти научно-музейные центры отпущены большие средства, в сравнении с которыми основание новой театральной труппы уже не покажется столь дорогим делом; почему же при одном из этих центров не организовать новый Пушкинский театр? Как он поможет нашей работе!..

Давайте все вместе добиваться открытия мемориального Пушкинского театра, храма, славы Пушкина, праздника и умирения сердечного для каждого из нас.

С. С. ГЕЙЧЕНКО,
Герой Социалистического Труда

МИФИЧЕСКИЕ «МОЛЕКУЛЫ» ЗА НАСТОЯЩИЕ ДОЛЛАРЫ

Сергей ЕРМОЛАЕВ

Это начиналось несколько лет назад в ФРГ, на международной книжной ярмарке. У стендов различных издательств дежурные давали пояснения любопытствующим посетителям, встречали посланцев других фирм, прибывших для деловых переговоров о закупках книг, переизданиях, переводах и т. д. И, пожалуй, только у стенда издательства «Посев» не было никакого оживления. В тоскливом ожидании хоть кого-нибудь скучал здесь пожилой мужчина в строгом костюме...

Пока он ничем не занят, представим его читателю. Это однозвучное имя не раз поминалось в советской печати и хорошо известно людям старшего поколения, но все же сосредоточим на нем внимание... Итак — Владимир Поремский. Из белоэмигрантской семьи. Вырос и получил образование во Франции. Служил во французской полиции, потом был гитлеровским пропагандистом. Патологический антисемит, он считался «специалистом по еврейскому вопросу». Один из главарей НТС (Народно-трудового союза). Эта организация возникла за десять лет до войны в среде белой эмиграции. С помощью разведок ряда стран энтэзовцы занимались шпионской и диверсионно-террористической деятельностью против СССР (правда, безуспешно). Во время войны были пособниками гитлеровских оккупантов, карателями, палачами. Уцелевших от справедливого возмездия подобрала сначала британская разведка, потом ЦРУ США, которому НТС служит вот уже более трех десятилетий.

Вместе со всеми менял хозяев и Поремский. Перестал писать брошюры о необходимости погромов и о величии фюрера, кое-что поменял в статьях «о будущем России». Но в главном не пришлось ни менять, ни скрывать взглядов — в ненависти к Советской власти.

Издательство «Посев», у стенда которого скучал Поремский, принадлежит НТС, а выпускает оно книги, журналы «Посев» и «Грани». Когда какой-то немолодой уже человек подошел к полкам и стал неспешно перелистывать книги, Поремский приблизился, учтиво поклонился:

— Господин, я вижу, читаете по-русски. Могу я быть чем-нибудь полезен?

Незнакомец ответил, что по-русски читает и говорит свободно, сам русский, зовут Анатолием Васильевичем, но судьба распорядилась так, что он живет в Чехословакии.

— А в России вы жили? — осведомился Поремский.

— Конечно.

Анатолий Васильевич вкратце рассказал о себе, как бы невзначай упомянул, что во время оккупации жил в Днепропетровске.

Эти слова крайне заинтересовали Поремского.

— А вам, случайно, не знакомо имя Островского — он был тогда в Днепропетровске редактором газеты?

— Помню, — ответил Анатолий Васильевич, — но прошло так много времени, сейчас, наверное, мог бы его и не узнать.

— Это нетрудно проверить, — улыбнулся Поремский. — Он здесь, только фамилия у него теперь другая — Романов. — Он поколебался, взглянул на часы, на стенд, махнул рукой. — Знаете что, а не поехать ли нам к нему?

Анатолий Васильевич согласился, и они поехали к Романову-Островскому, главарию НТС. По дороге Анатолий Васильевич перебирал в уме некоторые детали, о которых умолчал в своем рассказе Поремский. О том, например, что перед приходом гитлеровцев в Днепропетровск Островский томился в следственном изоляторе в ожидании суда по уголовному делу об издании гестапо. Оккупация все изменила в его судьбе. Островский стал редактором фашистской газетенки и агентом гестапо. Служил хорошо, был переведен в Берлин и при содействии гестапо пробился в фюреры НТС.

Так вот «случайно» произошла встреча Анатолия Васильевича с энтэзовскими главарями в ФРГ — встреча, имевшая длительные последствия. Анатолий Васильевич вступил в НТС и провел на Западе пять лет. Он был близок к руководству организации, регулярно встречался практически со всеми ее главарями, хорошо узнал, кто есть кто и что есть что в НТС. Теперь все позади, особой радости энтэзовцам это не доставит...

Вот что рассказал Анатолий Васильевич:

— Начну с одного откровения. Среди энтэзовских главарей есть некто Артемов, он же Зайцев. Изменник, дезертир, числится сейчас главным «идеологом» НТС. Хорошо помню, как однажды он изложил мне свое кредо. Вот оно: «Неважно, на кого работать, — важно, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты был сыт, обут и одет. Неважно, что говорить, — важно, что ты с этого имеешь. Никогда не говори правду, говори то, что от тебя хочется услышать в данную минуту тому, кто тебе платит. Чтобы не быть обманутым, обманывай сам. Имеются две договаривающиеся стороны: одна — американцы, другая — мы, руководство НТС. Они дают нам деньги, а мы поставляем нужные им кадры и информацию по интересующим их вопросам».

Обратите внимание на две последние фразы. Нашему читателю из публикаций советской печати известно, что ЦРУ оплачивает содержание НТС. Между собой энтэзовцы говорят об этом в открытую, но, разумеется, в их печати, вообще в западной печати вы не встретите подобных

упоминаний. Официально НТС якобы «самофинансируется» членскими взносами и доходами от «Посева». Но, увы, для его хозяев никаких «доходов» «Посев» не дает, НТС полностью зависит от американских щедрот. Чтобы обеспечить денежное довольствие, руководители (главным образом Романов и Артемов) летают за океан. Сказал же Артемов, что американцы кормят руководство НТС — не всех энтэзовцев, а только верхушку. Кроме того, высшие главари получают еще и тщательно скрываемые дополнительные подачки.

Такая ситуация, разумеется, не всех устраивает. Я наблюдал в НТС отчаянную борьбу за деньги ЦРУ. Не вдаваясь в излишние подробности, скажу, что борются две фракции: старое руководство (Романов, Артемов, Ширинкина) и группа, собравшаяся вокруг Юрия Брюно (Редлих, Петерс, Миллер). Был я знаком с ними со всеми и должен сказать: прикладывать к ним мерки — кто лучше, кто хуже — бессмысленно. Они одинаково омерзительны. Уместен в таком случае вопрос: зачем о них рассказывать? Думаю, надо знать о подрывной деятельности наших врагов и о разных подходах в НТС к этой деятельности, демонстрируемых враждующими фракциями. По-своему в их грызнь отражаются разные аспекты «большой политики» империалистических кругов в отношении СССР.

«Идеолог» Артемов произносит на энтэзовских собраниях длинные и туманные речи о том, что НТС «отстраивает» внутри СССР подпольную сеть. Должен сказать, что это он не сам придумал. Он просто перепевает Поремского, который известен среди энтэзовцев как автор «молекулярной теории». Суть этой бредовой идеи заключается в том, что НТС наводнит СССР множеством мелких (по 2—3 человека) антисоветских групп («молекул»). НТС из-за рубежа будет дергать их за ниточки, а потом даст сигнал о свержении Советской власти.

Теперь о противоборствующей группе, которая говорит о необходимости перемен, то есть перехода власти в ее руки. Вожаком у них некий Юрий Брюно. Сей эмигрантский отпрыск возглавляет «Исполнительное бюро» организации и одновременно руководит так называемым «закрытым сектором», где готовятся самые грязные дела НТС. Так вот, Юрий Брюно убеждает американцев, что нет никакого проку ждать, пока созреют мифические артемовские ячейки и распропагандированный «Посевом» советский народ призывает себе в правители энтэзовцев. Чувствую все это, справедливо доказывает Брюно. Но сам предлагает не менее проигрышный вариант — вернуться «к истокам НТС», к тактике 30-х годов, к засылке в СССР боевиков. Только террором, говорит Брюно, можно сокрушить Советскую власть. Сам он в это, разумеется, не верит.

Помните, я приводил слова Артемова о том, что НТС дает американ-

цам «кадры» и информацию. Кадры — это главным образом туристы из разных стран Запада, согласившиеся за деньги провозить в СССР энтэзовскую макулатуру и другие «посылки». Этих «гонцов», или «курьеров», готовят на специальных курсах. Кроме того, на этих курсах идет интенсивная антисоветская обработка попавшихся в энтэзовские сети.

И американцев обманывают. Проведя среди энтэзовцев пять лет, я не раз был свидетелем того, как из мух делали слонов, а то обходились и без мух, делали из ничего. В ход идет все — и подтасовка данных о якобы отправленных в СССР изданиях, и ложные сведения о якобы завербованных и распропагандированных советских гражданах. Из сказанного не следует делать излишне оптимистичный вывод, что, дескать, НТС — это одно шутовство и сплошные провалы. Это не так. Забывая о его существовании нельзя прежде всего потому, что за рубежом выезжает все больше и больше советских людей, как правило, не имеющих никакого опыта контактов с профессиональными провокаторами-антисоветчиками. А энтэзовца можно встретить и на экскурсии, и в музее, в магазине. Подкарауливать советских граждан, провоцировать их, выуживать из них информацию — это, можно сказать, энтэзовский «хлеб».

Наконец, еще одна туча, которая заволокла горизонт НТС и, должен сказать, сильно тревожит его главарей. Это конкурентный напор со стороны недавно обосновавшихся на Западе отщепенцев (большинство их составляют выехавшие из СССР в Израиль). За небольшим исключением они вступать в НТС не хотят. И не только потому, что даже такого сорта публика презирает энтэзовцев, но и потому, что она хорошо знает: при давно сложившейся илановой системе управления организацией им могут достаться отнюдь не руководящие места.

Новые отщепенцы повели на страницах различных эмигрантских изданий форменное наступление на НТС. Издательские сравнивают его с хрестоматийным «Союзом меча и орала» из романа Ильфа и Петрова. Громогласно высказывают подозрения, что НТС «наводнен агентами КГБ». Упрекают энтэзовцев тем, что те «не признают» Дня Победы.

Ревниво следя за энтэзовскими публикациями, новые отщепенцы деланно изумляются такой «недемократичностью», как восхваление царской охраны и провокатора Азефа. Имея своих людей в стане конкурентов, они громко возмущаются тем, что в энтэзовских изданиях подсчитывают процент евреев и полудевреев среди авторов. Сами же новички ехидно перечисляют немецкие фамилии, которыми пестрит список руководящего слоя НТС, и вопрошают: какое отношение все эти лица имеют к России?

Конечно, в устах людей, недавно отказавшихся от родины, все эти вопросы звучат весьма демагогично, но должен сказать, что энтэзовская братия нервничает. «Связи» с Россией у нее действительно слабые. Здесь надо отметить (возможно, это не всем известно), что НТС не имеет открытого доступа даже на радиостанцию «Свобода», которая, как это известно всем, тоже принадлежит ЦРУ. Видно, «ребята из Лэнгли» опасаются, что репутация НТС может только навредить дельцам этой подрывной радиостанции, а они и так оставляют желать много лучшего.

У НТС все меньше и меньше «солдат». А надежды на то, что ЦРУ до окончания века будет кормить генералов без армии, весьма сомнительны. Вот почему так тревожатся главари НТС, так плохо спят ночами. Я заметил: они потребляют очень много транквилизаторов...

Но пока что НТС существует и американское ЦРУ его содержит, а ФРГ дает ему приют. НТС — террористическая организация, провозглашающая своей целью свержение советского строя насильственными методами. Надо ли доказывать, что позиция обеих упомянутых западных держав в данном случае противоречит международному праву? Разумеется, энтэзовский «молекулярный» бред опасности для нашего государства не представляет. Но все же — до каких пор Народно-трудоному союзу будет дозволяться отравлять европейскую атмосферу?

Безнаказанность позорного явления, окрещенного в народе живо-дерством, глубоко волнует общественность. Принятый Верховным Советом СССР Закон об индивидуальной трудовой деятельности, вступающий в силу с 1 мая 1987 года, в перечне кустарно-ремесленных промыслов, на которые распространяется специальное запрещение, не указав обработку пушно-мехового сырья, но установил, что законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть запрещены и «другие виды кустарно-ремесленных промыслов, если это противоречит интересам общества».

В мае прошлого года Люберецким народным судом (Московская область) был осужден Красулев В. А., который много лет занимался выделкой собачьих шкур, сбывая сшитые из них шапки на толкучке в поселке Малаховка. Материалы уго-

оварки. А я Джоя жизнью обязан — выручал меня при задержании браконьеров.

...Свидетель В. Ермаков волновался. Вернуться через два года на живо-дерню, увидеть собственными глазами сотню собачьих шкур, выделанных и свежих, висящих на рейках, лежащих на полу и верстаке, сваленных по углам, закованных в баках, увидеть собачьи шапки рядом на столе, приготовленные к субботней толкучке, пальто из гладкошерстных собак «в работе» — согласитесь, жестокое испытание для души нормального человека.

— Когда нас пригласили быть понятыми при обыске, мы соответственно настроили себя, — рассказывает суду свидетельница С. Явтушенко, — недобрая слава про эту дачу давно по Малаховке ходит. Но потрясения не избежали. За каждой шкурой мерещилась замученная собака: черный

Малаховского отделения милиции и не сменил бы Сергеева майор Н. Д. Облапенко, который с готовностью воспользовался помощью общественных инспекторов Московского городского совета Всероссийского общества охраны природы.

На заседание административной комиссии Красулев явился в меховой ушанке, окрашенной под ондатру, снял, протянул для обозрения:

— Своя. Из собственного щенка сделал. Это я умею — шкуру выделывать, шапку шить. Для того собак держу, трех сук, двух кобелей. В иной год до сорока щенков вырастиваю, в шесть месяцев забиваю.

— Почему закон нарушаете? — спросил председатель.

— А мне ничего не будет. Я старый. Мне в тех местах нянька нужна. Там я трудиться не буду. Штраф тоже платить не буду.

У Красулева спросили: знает ли

же должностных рук обязаны перехватить «веревочку», которая начинает виться на толкучке!

Снисходительное отношение к варварскому промыслу делает эти руки равнодушными: «веревочку» выпускают, и торжествующий живо-дер ухмылочкой приветствует знакомого милиционера.

У Красулевых для ухмылочек есть основания. Был в деле документ, надежно укреплявший позиции защиты подсудимого, — заключение товаро-ведческой экспертизы о качестве собачьих шкур и шапок. Выводы экспертов Ю. В. Игнатова и Л. П. Плюсневой переворачивали с ног на голову всю работу следствия. Новые шапки, представленные на экспертизу, вдруг оказались изношенными, шкуры ондатры «превратились» в шкуры амбарных крыс, заячьи — в кроличьи, недошитое пальто из гладкошерстных собак — в старую рвань и т. д.

ЖИВОДЕРСТВО

ловного дела наглядно показывают социальную опасность этого вида промысла.

Помимо всего, «кустарь» нарушает главное требование Ветеринарного устава Союза ССР — запрещение на использование мехового сырья без ветеринарного осмотра, без санитарного свидетельства о благополучии местности, где добыто животное. Шапки, сшитые из шкур, выделанных с нарушением всех санитарно-ветеринарных норм, могут оказаться источником опасных для человека заболеваний. В интересах защиты здоровья людей государство установило монополию на отлов и использование безнадзорных собак и кошек, категорически запрещая рабочим спецбригад коммунального и потребкооперации передавать отловленных животных другим организациям или частным лицам. Скупка собак и разведение «своих собственных на шкуры», что делал Красулев, — одно из основных противоправных условий существования этого промысла.

Вместе с тяжелой цепью, приковавшей Джоя к стене, Ермаков снял и «утюжку» — петлю, впившуюся в шею, и все не верил, что собака спасена. Внизу у лестницы торчал Красулев с грязными от крови руками, с полуметровым ножом, которым орудовал над содранной шкурой. При виде мучителя у Джоя вздыбилась шерсть, и Ермакову стоило огромных усилий удержать собаку.

— Я поспешил в милицию поблагодарить начальника отделения товарища Сергеева за то, что указал мне, где находится моя собака, и дал записку к Красулеву: «В. Ал., отдайте собаку подателю сего. Сергеев». И все-таки Джоя потом украли, кто — не знаю. Еще до этой истории встретил меня Красулев на рынке и говорит: «Продай собаку, шуба у нее хороша, не продашь, узнаю адрес — моя будет». Джоя был для него завидной добычей: метис кавказской

пудель, болонка махонькая, дворняжки всех мастей. А когда в дом входили, пять смерзшихся шкур овчарок едва на нас не упали. Три дрожащие рыжие собаки сидели в коридорчике, худющий щенок все к нам жался, скулил.

На вопрос судьи Е. Сидорова: «Какое впечатление произвело на вас увиденное?» — свидетель, сержант милиции А. Каплин, проводивший при обыске фотосъемку, отвечает лаконично: «Дом живодера». Помимо собачьих шкур и шапок в мастерской, Каплин сфотографировал «орудия труда»: восемь ножей с двойными рукоятками, с обоюдоострой заточкой лезвий, деревянные молоты для оглушения животных. И там же в сарае он снял последние жертвы: трупы двух крупных кошек.

Судили Красулева Виктора Александровича 1911 года рождения в Люберецком народном суде за систематическое занятие запрещенным промыслом по выделке собачьих шкур. Пенсионер Красулев не от нужды пошел против закона и не оступился случайно, на старости лет бесом попутанный. Ко времени, когда он затеял производство по выделке шкур, было у него «все, как у людей»: четырехкомнатная квартира в Москве, кирпичная дача в два этажа, автомобиль, гараж, усадьба — полная чаша. Какими путями приумножалось благополучие скромного вахтера, проработавшего двадцать пять лет с окладом в 60 рублей, следствие, ограниченное «собачьим» профилем дела, не выяснило.

Выйдя на пенсию, видно, не маялся Красулев старческой немощью: кроме жены, помощников у него не было, все своими руками делал и сам «товар» сбывал. С осени до весны (по субботам и воскресеньям) выходил на малаховскую толкучку с шапками. Два-три года назад средняя цена на «собаку» была 120 рублей, в минувшую зиму упала до 100 рублей. Сколько нажил Красулев, сколько запер в чугунный сундук-сейф — его тайна, но, как видим, не бедствовал. Шагал широко, и не будем гадать, как долго бы еще процветало его производство, если б не обновился состав

его восьмилетний внучок, что делает дедушка со щенками, с которыми он играет?

— Знает. А что здесь такого? Мой отец тоже при мне скотину резал. А я вот человеком стал.

Красулев приговорен по статье 162 часть 2 УК РСФСР к году лишения свободы в колонии общего режима (с отсрочкой исполнения приговора на год) и к конфискации имущества. Но приговор не вызывает полного удовлетворения, и не потому, что смягчен с учетом возраста подсудимого. Причина другая. Издевательство над животными не стало отягчающим признаком преступления Красулева. Вина Красулева — в извлечении нетрудовых доходов путем выделки мехового сырья. Способы «заготовки сырья» — жестокое и незаконное уничтожение собак и кошек — как бы покрываются противоправностью промысла. Будь в РСФСР уголовная ответственность за жестокое отношение к животным — есть же она в семи других союзных республиках! — Красулева судили бы, как говорят юристы, по совокупности квалифицирующих признаков.

Шестой год общественная инспекция Московского городского совета ВООП занимается проблемой «собачьей шапки» и на печальном опыте убедилась, что суд над Красулевым — результат редкого совпадения обстоятельств: активности общественников, желания местной милиции бороться с варварским промыслом, принципиальности суда, наконец, «единства места действия» — сбыта и производства. Не убоимся обобщений: причисление промысла по выделке собачьих шкур к нетрудовым доходам многими работниками милиции воспринимается формально. Мы не раз убеждались, что любое «собачье дело» считается заведомо пустяковым. Поэтому было бы вполне справедливо воздать должное Люберецкому УВД, правоохранительным органам за то, что они первыми рискнули преодолеть инерцию равнодушия к живо-дерскому промыслу, поставить себя в трудное положение первопроходцев.

Механизм существующей ныне ответственности за занятия запрещенным промыслом срабатывает тогда только, когда налицо повторное задержание с повторным административным взысканием, дающее право на обыск у нарушителя правил торговли незаконным товаром. Сколько

Завязка детективной истории была установлена прокурором А. В. Рыжковым в ходе судебного разбирательства. Оказалось, что протокол обыска был составлен без подробного описания вещей, без замеров и четкой нумерации, тара не опломбирована.

— Пломбира не было, — простодушно пояснил суду капитан милиции М. Бичко, проводивший обыск.

По этой же «уважительной» причине не взяли проб из баков, в которых Красулев обрабатывал шкуры собак и ондатры, оставили неопечатанными сундук-сейф и два чемодана. По мнению Бичко, «все это не представляло ценности».

— Бичко очень торопился, — рассказывала суду понятая А. Миллионкова, — он сразу усадил меня протокол писать. Нечего, мол, здесь смотреть. А дом-то огромный, разве можно за два часа «осмотреть»?

Возмущенный этой спешкой понятый В. Ермаков добился повторного обыска. Приехавшие к вечеру сотрудники милиции нашли еще 13 шкур, но ни сундука, ни чемоданов уже не было. В частном определении суд выразил свое мнение о работе капитана Бичко. Люберецкое УВД вынесло ему выговор, но виновных в подмене значительной части вещественных доказательств исхитить не стали.

...Минувшей зимой на малаховской толкучке каждую субботу и воскресенье около шестидесяти человек торговали собачьими шапками.

Красулев усмехается: приговор вынесен, но не исполнен, «Жигули» — универсал и дача — все осталось у Красулева.

И опять по зиме полнятся толкучки ходовым товаром, стороною обходят участковые и фининспекторы дачи-«цеха», заваленные шкурами...

До вступления в силу Закона об индивидуальной трудовой деятельности остаются считанные месяцы. Так допустимо ли при нынешней перестройке общественного сознания уравнивать в правах с честным кустарем живодера и браконьера, ставших символом социального паразитизма? Разве не в интересах общества сохранить монополию государства на обработку пушно-мехового сырья, сделав исключение для охотников-промысловиков и лиц, разводящих кроликов и нутрий, у которых есть законные и нравственно оправданные источники сырья для выделки шкур, изготовления из них изделий.

Фото Павла КРИВЦОВА

КАК РОЖДАЛАСЬ «ПРИРОДА»

В феврале, три четверти века назад, русский читатель впервые взял в руки новый московский журнал с емким названием «Природа». Сегодня это старейший из научно-популярных журналов, издающихся в нашей стране.

Главными инициаторами создания «Природы» и ее первыми редакторами были Владимир Александрович Вагнер — известный зоолог и основоположник сравнительной психологии в России, а также Лев Владимирович Писаржевский — выдающийся химик, впоследствии академик АН СССР.

С первых шагов журнала им удалось собрать вокруг него весь цвет отечественной науки. История «Природы» неотделима от ярких имен, прославивших нашу науку: Александр Евгеньевич Ферсман, Лев Александрович Тарасевич, Николай Константинович Кольцов, Сергей Иванович Вавилов, Отто Юльевич Шмидт... Здесь названы лишь самые близкие журналу люди.

Но если еще глубже всмотреться в историю журнала, а точнее, в его предысторию, то неожиданно всплывает еще одно имя — Антона Павловича Чехова. Можно считать, что впервые программа «Природы» была изложена в письмах к А. П. Чехову, которые теперь хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Автор этих писем, написанных в период с 1891 по 1894 год, — В. А. Вагнер.

Тесное, хотя и непродолжительное общение Вагнера с Чеховым оказалось значительным для них обоих. Возникшие между ними споры отразились в повести Чехова «Дуэль», для которой Вагнер послужил прообразом фон Корена.

Из писем Вагнера следует, что Чехов принял близкое участие в обсуждении плана нового издания и даже придумал ему имя — «Натуралист». «...Вы таким образом выходите его крестным отцом», — писал Вагнер. Но почти слаженное дело внезапно расстроилось. Издателя А. С. Суворина испугали, как он признался Чехову, «материалистические взгляды Вагнера».

После Великого Октября «Природа» в полной мере проявила свою способность сплачивать вокруг себя все самое деятельное в науке.

В 20-е годы журнал становится изданием Академии наук СССР и начинает выпускаться в Ленинграде. Здесь его застала Великая Отечественная война. Сравнительно недавно мне посчастливилось встретиться с доктором сельскохозяйственных наук Вадимом Степановичем Лехновичем, бывшим в начале войны ответственным секретарем журнала. Еще раньше я прочитала его письма, написанные из осажденного Ленинграда в Казань, куда была эвакуирована Академия наук. Эти письма достойны войти в героическую блокадную летопись. «Издательские дела наши движутся медленно», — писал Вадим Степанович... — Ослабление людей стало существенным фактором всех этапов... Организую серию статей: ботаника и Отечественная война, астрономия, зоология, но движутся они медленно по названной причине». А в другом письме: «У нас положение таково. Елизавета Петровна умерла... Василий Иванович, вероятно, тоже идет по этому пути».

Не хочется комментировать эти слова. Но не могу не привести еще одну выдержку из того же источника: «Я позволил себе договориться с известным мне к. б. н. Николаем Родионовичем Ивановым о возможной замене меня на посту в журнале, если со мной что-либо случится... Мне было бы очень неприятно, если бы такая культурная ценность, как наш журнал, потерпел ущерб из-за моего выбытия из строя».

С 1952 года журнал снова издается в Москве. Сейчас «Природу» — популярный естественнонаучный журнал АН СССР — возглавляет известный физик, председатель правления Всесоюзного общества «Знание» академик Николай Геннадиевич Басов. Издание дает представление о современном уровне самых фундаментальных научных проблем, которыми живут наша наука и мировое сообщество ученых.

Н. В. УСПЕНСКАЯ,
старший научный редактор
журнала «Природа»

ВОЛОГОДСКИЕ ВЕЧЕРА

Лариса ЧЕРКАШИНА

Фото Михаила САВИНА

Как живется сегодня в старинном русском городе, знаменитом не только узорочьем деревянных красавцев домов, но и своими давними культурными традициями? Как там проводят люди свои свободные вечера?

О цели нашей поездки знали и в облисполкоме, и в горисполкоме, и для нас составили обширную программу, где посещение всех «объектов» культуры было расписано по часам.

Мы ехали то к мастеру-умельцу, то на репетиции народного хора либо в краеведческий музей... К концу дня голова просто раскалывалась от обилия впечатлений — ну и жизнь в Вологде, настоящий культурный расцвет! И вот последний перед отъездом вечер, свободный. Решила просто побродить по улицам, но удивительно пусты и тихи были они, лишь редких прохожих подгонял набравший силу злой и колючий ветер. Отправилась на троллейбусе в новый район — те же пустота и темень в похожих друг на друга кварталах, зайти погреться и то некуда — ни кафе, ни кинотеатра. И тут припомнились иронические замечания моей новой знакомой Лиды — соседки по гостиничному номеру. Всякий раз, когда делилась с ней впечатлениями дня, она неизменно добавляла: «А вы поживите здесь... хоть пару месяцев, тогда другое заговорите. Попробуйте, к примеру, из Бывалова съездить вечером в центр, в кино, — к полуночи домой и вернуться...»

Да, культурная программа, видно, была исчерпана, ее хватило ровно на пять запланированных дней.

Можно только гордиться, когда в городе есть такой замечательный танцевальный ансамбль, как «Рябинка», или народная академическая хоровая капелла, либо народная студия балета — обладатель большой золотой медали Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества. Занимаются в них люди, всецело преданные искусству. Но ведь далеко не у всех столь яркие музыкальные и актерские дарования, да и не каждый

пойдет заниматься любимым делом в ДК.

В горисполкоме нам назвали несколько адресов, где живут люди мастеровитые, увлеченные. По правде говоря, таких «семейных клубов» в Вологде наперечет. Побывали мы в семье пенсионера Владимира Николаевича Орлова, бывшего моряка, участника боев в Советском Заполярье. Владимир Николаевич представлял искусство народной резьбы по дереву на московском фольклорном празднике 1985 года, что проходил в Измайловском парке. Двоим сыновьям и внукам (четверо их у него) передал он свою любовь к мастерству. Да и не только им — взялся вести кружок резьбы и расписи по дереву для ребят на областной станции юных техников, появились у него и взрослые ученики. Известен еще Владимир Николаевич и как страстный поклонник старой русской игры городки, и здесь он мастер — мастер спорта.

Довелось нам посмотреть богатейшую коллекцию кактусов, собранную в квартире Светланы Михайловны Сластеновой, и даже побывать на внеочередном заседании клуба любителей-кактусоводов «Колочее чудо».

Нам хотели показать самое лучшее, интересное, что есть в городе, и действительно показали. Но заслуга ли работников отдела культуры горисполкома, что живет в Вологде такой мастер, как Орлов; что есть в городе любители кактусов, которые свято верят: кактусы делают их жизнь богаче и насыщенной. И хорошо, что верят.

Но не всегда можно убедить в том ершистого и колючего, как кактус, подростка. Ему ведь что-то другое нужно. Ах да, решили, видимо, в горисполкоме и горкоме комсомола, — конечно же, дискотека, конечно, танцы. Еще лучше, когда танцы, так сказать, окультурены — сидят подростки чинно за столиками, и у каждого на блюде яблоко, а ведущий блистает остроумием в танцевальных паузах.

И вот пригласили нас в кафе «Лада» на молодежный вечер с многообещающим названием «Веселое чаепитие». И лежали на столах яблоки и пирожные, и музыка гремела. И было очень скучно. Как уж тут развеселишься, когда

тебя чуть ли не силой вытаскивают из-за столика и заставляют отвечать на всякие несуразности? Задумаешься: коли нас, корреспондентов, пригласили на лучший вечер, то как же проходят остальные? Такой вопрос я и задала заведующей отделом культуры горисполкома Елене Евгеньевне Маловой, благо она тоже присутствовала на «веселом» чаепитии.

— Да, — согласилась она, — не очень весело. А идея была неплохая: мы совместно с горкомом комсомола закрепили некоторые кафе за предприятиями, которые не имеют собственных клубов и ДК. Вот кафе «Лада» числится за подшипниковым заводом. Завод огромный, работает на нем много тысяч человек, в основном молодежь, а, кроме «красного уголка», ничего нет. Вызывали и заведующих кафе, проводили с ними соответствующую беседу. Но что с них возьмешь, растерялись, не наше, говорят, это дело.

С этим можно, пожалуй, согласиться: дело в общем-то не их. Но почему же, когда на заводе культпросветработы еле теплятся по причине, как считается, отсутствия помещения и когда оно наконец появляется, весь пыл комсомольских работников и культпросветчиков тут же исчезает? От фактов не уйдешь — кафе не пользуются популярностью у молодежи.

Старинную Вологду все чаще именуют городом молодых. Действительно, только в рабочих общежитиях живут около пятидесяти тысяч молодых парней и девчат. Но получается, что в Вологде не один, а по меньшей мере два города — центр, где сосредоточены почти все «очаги культуры», и новые районы, где нет даже кинотеатров. А немногие клубы, как, например, клуб водников, в семь вечера уже заканчивают работу! Пока еще только в планах строительство кинотеатра в большом поселке Бывалово. Дома техники в районе 23-го ГПЗ и городского концертно-спортивного зала. Даты их торжественного открытия весьма неопределенны — нынешняя пятилетка либо следующая. Подождать, конечно, придется, только бы такое ожидание не стало привычным. Есть уже в городе Вологда и свои «долгострои» — десять лет возводятся здание культпросветучилища, вто-

рой год закрыт на ремонт единственный городской бассейн.

Нет в журнале фотографий тех подростков, которые собираются в подвалах и на лестницах, бесцельно слоняются вечерами по городским улицам. Но сами-то эти ребята есть, как есть и те пороки, которые рождаются от бездуховности и безделья, — пьянство, токсикомания. Факты эти не скрываются, совсем недавно прошла в эфире передача местного радио о наиболее острых проблемах молодежного досуга. Были в ней и интервью с подростками, и сетования на то, что маловато в городе небольших любительских клубов и объединений по интересам, и приглашение к открытому разговору. Всерьез-то этим пока никто не занимается.

А ведь в Вологде есть силы, способные «оживить вечернюю жизнь», — творческая интеллигенция города: артисты областной филармонии, актеры (в Вологде три театра), писатели, художники. Вот уже несколько лет существует фольклорный ансамбль педагогического института. Его участницы вместе со своим художественным руководителем Галиной Парадоской исхитились извездить всю Вологодчину, собирая и записывая старинные песни и народные обряды. В мемориальном музее-квартире русского поэта Батюшкова проходят вечера камерной и вокальной музыки, объединенные общим названием «Музыкальная гостинная»...

Споры нет, все это хорошо, нужно, интересно, но разве могут противостоять такие немногие памятные вечера сотням других — скучных и безрадостных? Для этого вся организация досуга, и в особенности молодежного, должна быть в единых руках. Разговоры о создании молодежного координационного центра, так же как и о создании культурно-спортивного комплекса в каждом городском районе, идут давно, но пока безрезультатно — все что-нибудь да мешает: то финансовые препоны, то бюрократические рогаки...

А может, не столь уж сильное желание людей, ответственных за духовную жизнь города, сделать ее по-настоящему полноценной?

По горизонтали: 7. Солдат, Герой Советского Союза, герой движения Сопротивления в Италии. 8. Автор текста песни «Где же вы теперь, друзья-однополчане». 10. Механизм, выполняющий действия руки человека. 12. Залив у берега Новой Зеландии. 13. Планета Солнечной системы. 14. Солдат, герой романа Я. Гашека. 16. Русский духовой инструмент. 17. Роман Д. Олдриджа. 18. Химический элемент, прочный металл. 19. Спортсмен, идущий в состязании впереди. 20. Зеленый покров Земли. 22. Устой моста. 24. Герой новгородских былин. 25. Главный маршал авиации. 26. Задор, увлечение. 27. Отрицание религии. 29. Горная порода, строительный материал. 30. Одно из главных направлений научно-технического прогресса. 33. Литературное произведение для съемки кинофильма. 34. Изделия из обожженной глины.

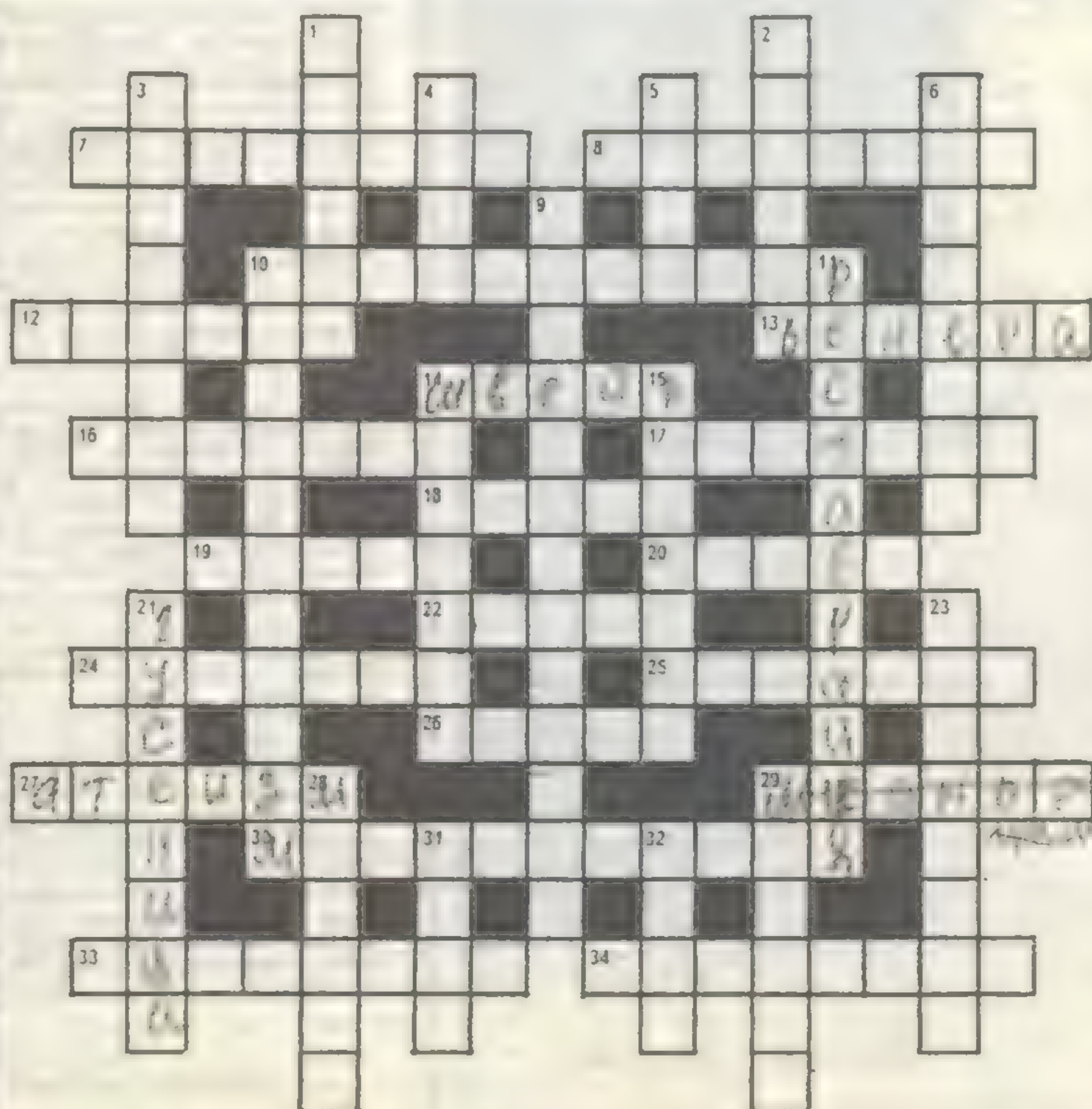
По вертикали: 1. Промысловая морская рыба. 2. Остров на Байкале. 3. Политический руководитель воинской части в Красной Армии. 4. Герой французского движения Сопротивления. 5. Советское немагнитное исследовательское судно. 6. Подвижной элемент паровых турбин. 9. Жизнь, бытие. 10. Философское направление. 11. Восстановление в первоначальном виде. 14. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 15. Соприкосновение, соединение. 21. Замкнутая цепь из звеньев в ходу танка. 23. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 28. Город в Индии. 29. Всесоюзное физкультурно-спортивное общество. 31. Комдив, герой гражданской войны. 32. Кубинский кинорежиссер, снявший фильм «Рассказы о Революции».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

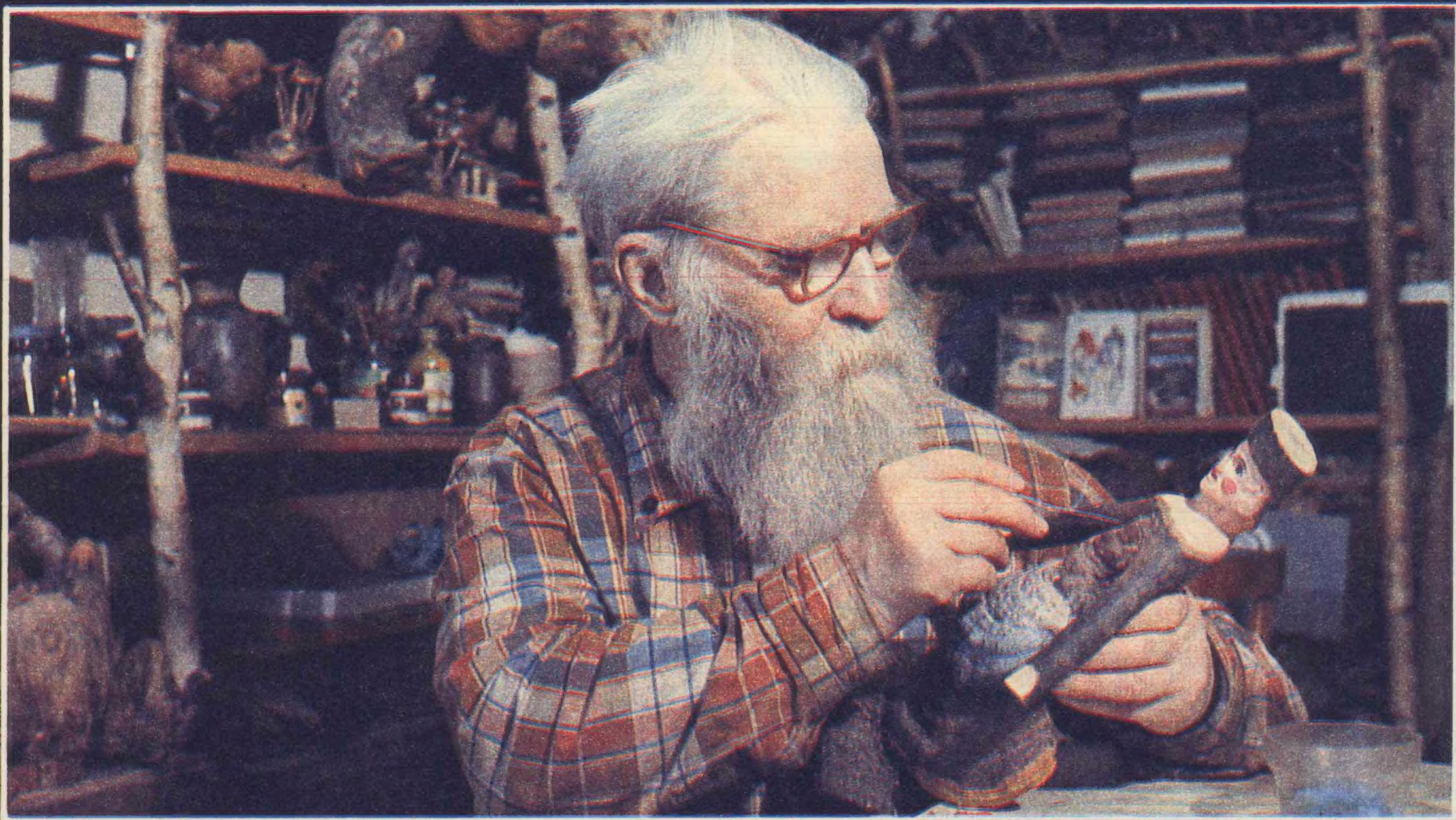
По горизонтали: 3. Пальма. 6. Черепица. 8. Нехлюдов. 10. Узбекистан. 11. Оникс. 13. Автор. 15. Гирлянда. 17. Эквилибристика. 20. «Романтики». 23. Санга. 25. Шатун. 26. Гидравлика. 27. Клубника. 28. Увертюра. 29. Кадмий.

По вертикали: 1. Параметр. 2. Амундсен. 4. Центнер. 5. «Воевода». 7. Прус. 9. Луна. 12. Крекинг. 14. Воркута. 15. Глиэр. 16. Артек. 18. Шпатель. 19. Глухарь. 21. Миршакар. 22. Толбухин. 24. Аган. 25. Шадр.

КРОССВОРД

Н. Н. Корчин делает
из корявиц
забавные фигурки.
Ребята из художественного
училища осваивают
резьбу по дереву.
Светлана Новикова стала
настоящей кружевницей...
Можно разводить кактусы
или танцевать
в ансамбле «Снежинка»...
А чем еще заняться
в Вологде должны
заниматься вечерами!

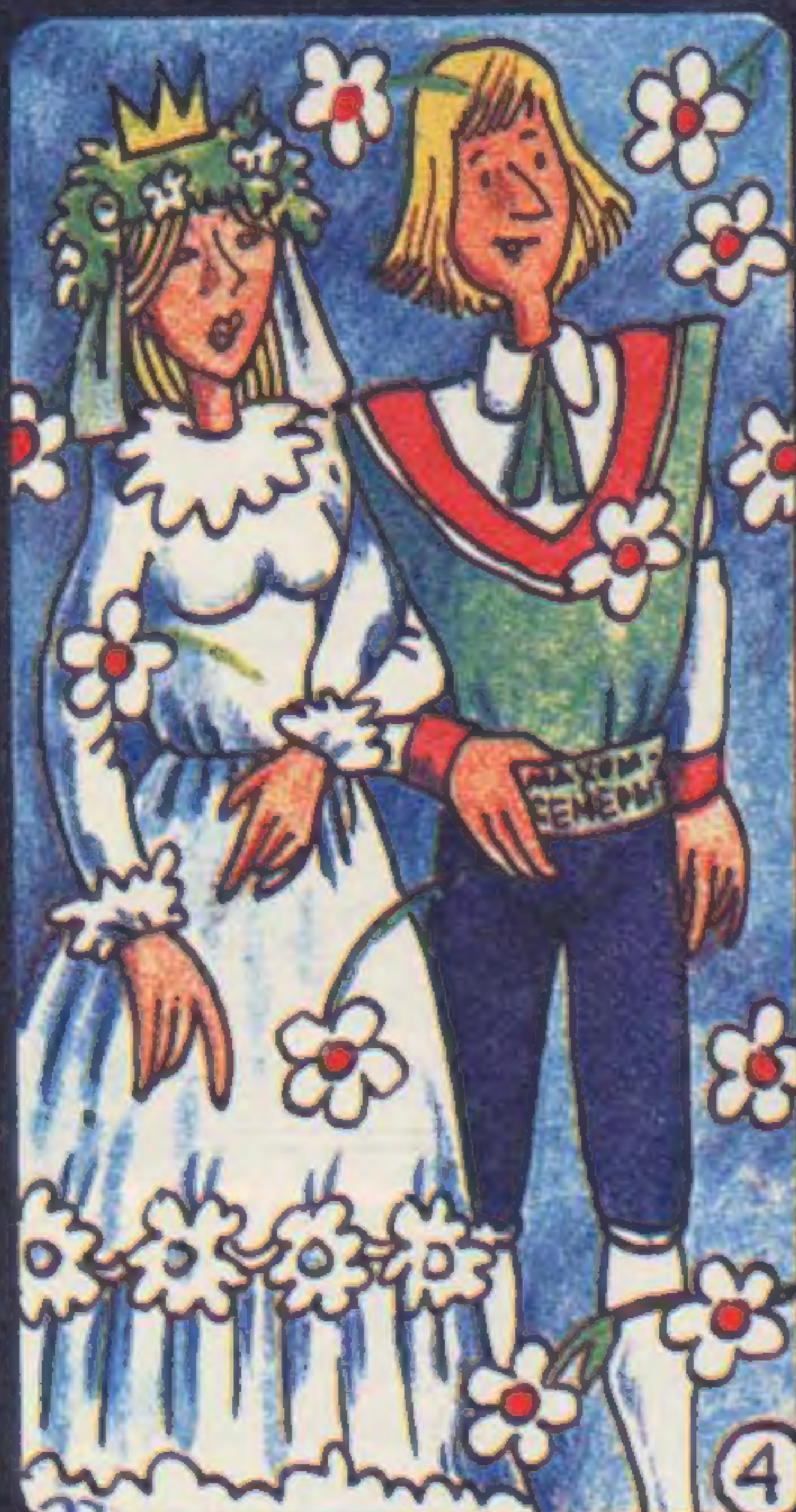

ПО МОТИВАМ СТАРЫХ СКАЗОК
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХОЛОДКА
 ПРИДУМАЛ
 И НАРИСОВАЛ
 ВАЛЕНТИН
 РОЗАНЦЕВ

ВСЕ ВЫ НАВЕРНОЕ ПОМНИТЕ, КАК ХРАБРЫЙ
 ПОРТНЯЖКА ОДОЛЕЛ ПО ПРИКАЗУ КОРОЛЯ
 ДВУХ ВЕЛИКАНОВ, СТРАШНОГО ЕДИНОРОГА

И ДИКОГО КАБАНА. И БЫЛ ВЫНУЖДЕН
 КОРОЛЬ, ХОТЯ И НЕХОТЯ, ОДАТЬ ЗАМУЖ ЗА
 ПОРТНЯЖКУ СВОЮ ЕДИНСТВЕННУЮ ДОЧЬ.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ
 МОЛОДАЯ КОРОЛЕВА
 УСЛЫШАЛА, КАК ЕЕ
 СУПРУГ ВО СНЕ
 РАЗГОВАРИВАЕТ.

И ДОГАДАЛАСЬ ТОГДА КОРОЛЕВА,
 ЧТО РЯДОМ С НЕЙ — ПРОСТОЙ ПОРТНЯЖКА.
 И СТАЛА ПРОСИТЬ ОНА ОТЦА
 ИЗБАВИТЬ ЕЕ ОТ
 ТАКОГО МУЖА.

— МАЛЫЙ, А НУ СШЕЙ ТЫ МНЕ
 КУРТКУ ДА ЗАШТОПАЙ ШТАНЫ,
 А НЕ ТО Я ОДАЮ ТЕБЯ
 АРШИНОМ...

— В ЭТУ НОЧЬ ТЫ СВОЕЙ СПАЛЬНИ
 НЕ ЗАПИРАЙ, МОИ СЛУГИ БУДУТ
 СТОЯТЬ У ДВЕРЕЙ И КОГДА...

— И КОГДА ТЫ УСНЁШЬ, СЛУГИ ВОРВУТСЯ
 В СПАЛЬНЮ, СВЯЖУТ ТЕБЯ И
 СБРОСЯТ С КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ...

— МАЛЫЙ, А НУ СШЕЙ ТЫ
 МНЕ КУРТКУ ДА ЗАШТОПАЙ
 ШТАНЫ, А НЕ ТО Я ОДАЮ
 ТЕБЯ АРШИНОМ...

— ЭТУ «КУКЛУ» КЛАДИ
 ПОБЫСТРЕЕ В КРОВАТЬ...

— Ну, НАКОНЕЦ-ТО...
 ЗАСНУЛ...

10 - ГОТОВЫ? ПОМНИТЕ, В ВАШИХ РУКАХ СУДЬБА КОРОЛЕВЫ И ВСЕГО КОРОЛЕВСТВА! ПОРА!!!

- ОСТОРОЖНЕЙ! БОГАТЫРЬ ВСЁ-ТАКИ! ПРОСНЁТСЯ, ГРЕХОВ НЕ ОБЕРЁШЬСЯ!

11 - ВЯЖИ КРЕПЧЕ! И БЫСТРЕЕ НА КРЕПОСТНУЮ СТЕНУ!!!

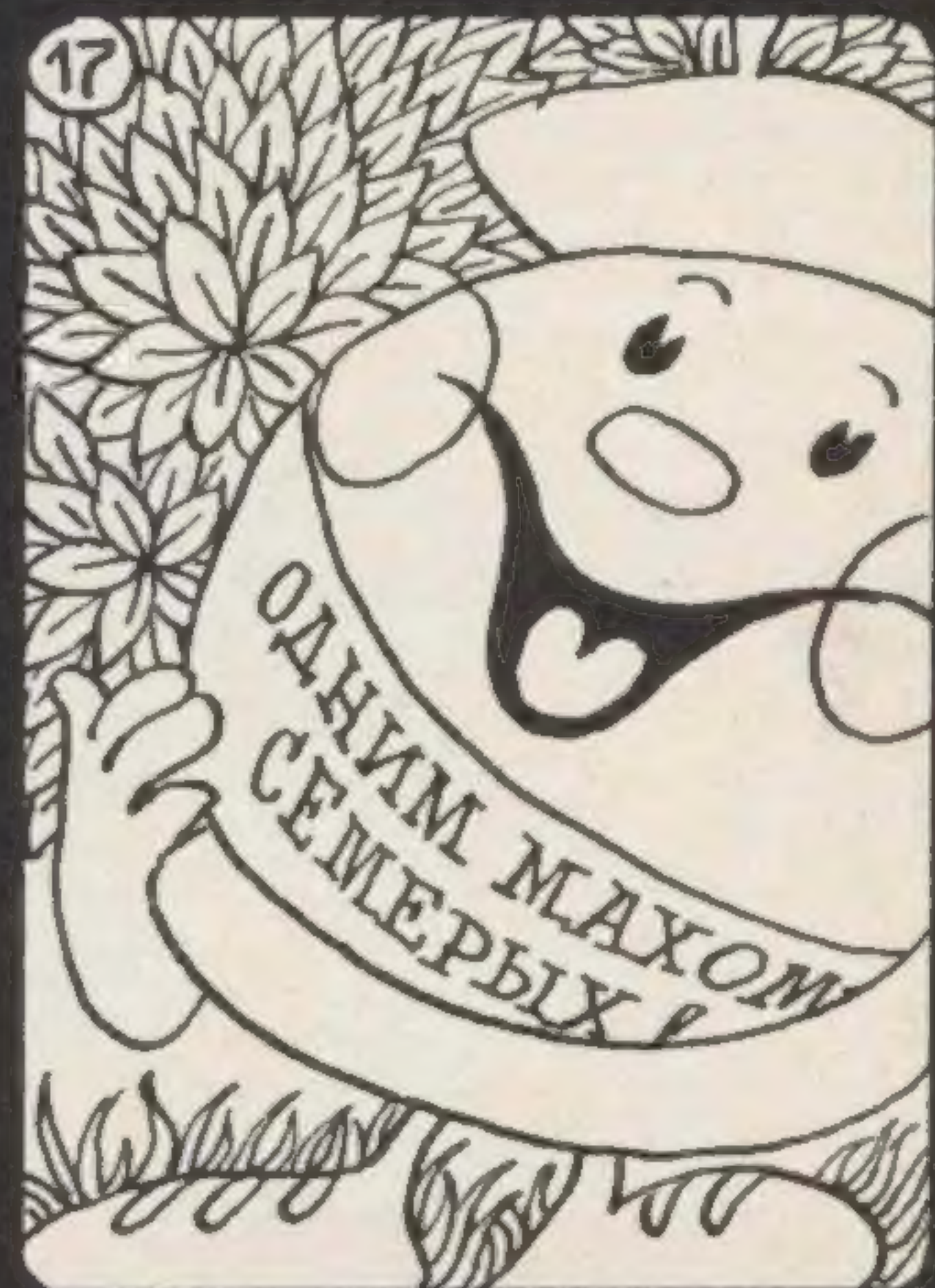
13 - ТОЖЕ МНЕ БОГАТЫРЬ! ДАЖЕ НЕ ШЕВЕЛЬНУЛСЯ...

15 - ДОБРОЕ УТРО, „РОДСТВЕННИЧКИ“.. Я РАД, ЧТО ТЕПЕРЬ ОДИМ МАХОМ МОГУ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ВСЕХ ВРАГОВ...

И ОКАЗАЛИСЬ ЗА ВОРОТАМИ СРАЗУ СЕМЕРО... ВСЕ, КТО ТАК ХОТЕЛ ГИБЕЛИ ПОРТНЯЖКИ. А ТОТ КАК БЫЛ КОРОЛЕМ, ТАК И ОСТАЛСЯ. А ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЯС ДОСТАЛСЯ КОЛОБКУ.

ВСЯ САМОВАРНАЯ РАТЬ

Великое множество самоваров — от крохотного на один стакан до ведерного трактирного; строгих и лаконичных по форме и богато украшенных чеканкой, серебром, перламутром; самоваров медных, латунных, чугунных; самоваров самого различного назначения — «кухонь», «чайников» и самых редкостных — «петух», «пасхальное яйцо», «пламя», «паровоз» — собрано воедино на выставке «Русское чаепитие» во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства.

А ведь каждый из них в свое время был утешой, любимцем семьи, и домашний уют не мыслился без него. И сколько поэтических строк и живописных полотен посвящены пышущему жаром, золотом отливающему красавцу самовару! Может, потому-то самовар не просто «водегрейный для чаю сосуд с трубою и жаровнею внутри», как толкует словарь Даля, а частица нашей истории, культуры, символ русского гостеприимства.

С середины XVIII столетия чаепитие весьма почитаемо на Руси. От чайника-сбитенника до новейших конструкций — такова более чем двухсотлетняя биография самовара.

Самовар — генерал на чайном столе, а с ним соседствуют сахарницы и чайницы, фарфоровые чашки и расписные жостовские подносы...

И жаль будет, если замечательный и красивейший наш обычай отойдет в прошлое, а самовары превратятся

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЕК

лишь в музейные экспонаты. Хорошо, что выставка, со вкусом и любовью собранная, напомнила нам всем об этом. Но как бы интересна и познавательна ни была она, «музейное чаепитие» — все равно, что чай вприглядку.

Лариса АНДРЕЕВА

Фото М. САВИНА